Ману Оберон

АПОКАЛИПСИС EVERY DAY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

90-е годы XX века. Германский высокопоставленный сотрудник банка присутствует при гибели своей семьи в автокатастрофе. Психоаналитик советует ему сменить обстановку. Попав в Россию по документам мелкого клерка на чужое имя, иностранец (так уж вышло!) образует с городской мэрией совместное предприятие по перевозке трупов. Вот тут-то всё и начинается… Ощущение вневременной безвременности. Наивная искренность по ту сторону добра и зла. Что это? Фантасмагорическая реальность? Реальная фантасмагория? Катастройка и демонократия в провинции? Возможно… Фотография — это срез Времени. Литература — это увеличительное стекло реальности. Возможность оглянуться в дух прошлого и заново заценить его на расстоянии, — это первое, за ради чего стоит читать данную, давненько писанную, повестушку. Лукиан, литератор Древнего Рима, показал, что с прошлым (любым) следует расставаться — смеясь. Это — второе…

- Оберон Ману
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

Оберон Ману
Апокалипсис every day

Были они смуглые и золотоглазые…

Рэй Бредбери

01

Смерть пришла без него.

Когда Ганс Мюллер очнулся от собственного крика на релаксационном диванчике своего психоаналитика, это было бегством. Бегством в тотальном ужасе от кошмарного, трижды кошмарного прошлого. В котором осталась его семья.

Психоаналитик оказался профессионалом высшего класса и гипнотическое погружение в память буквально вернуло его, как в машине времени, Туда и Тогда. Только нельзя было вылезти из этой машины и попытаться хоть что-то изменить. Можно было только смотреть. Переживая заново то, что нельзя исправить.

… Он стоял у выхода из супермаркета и глаза его, как и глаза всех остальных, Тогда и Там, смотрели на багровый, медленно темнеющий, клубящийся, проваливающийся сам в себя и медленно, медленно поднимающийся вверх шар взрыва бензобака, так знакомый всем нам по кинематографу.

Только в кино нельзя почувствовать пронзительную вонь горелого железа и аромат жареного мяса. Всего минуту назад бывшего живой плотью его семьи. Его жены и его дочери. Ещё сегодня утром, на автобане, они совместно, спокойно и степенно, как и полагается цивилизованным людям, обсуждали будущее Гретхен. Гретхен должна была окончить школу через три года, но…

Ганс поймал себя на том, что говорит вслух, вспоминая несущественные подробности их совместной жизни, как будто эти слова, как могучее заклинание, способны вернуть их. Он сказал психоаналитику и об этом.

— А ещё я постоянно вижу лица. Я пытался стереть их ластиком, замазать краской, смыть водой, но ни один из ваших способов не помог мне. Я постоянно вижу перед собой эти лица. Трое щенков в майках с эмблемой «Боруссен фронт» и банками пива. Они смотрят зрелище. Они возбуждены и счастливы, потому что им повезло увидеть такое… Пожилая фрау вцепилась в ручку своей тележки и визгливо кричит, чтобы потушили огонь, потому что рядом запаркована её машина. Рядом с ней какой-то непонятного цвета в ярком спортивном костюме, из квоты беженцев, деньги на них шли через наш банк… Main Gott! Мне показалось, что я тоже умер и вижу перед собой мелкого прислужника ада. Он стоял совсем рядом с огнём и корчил рожи.

А потом я хотел подойти ближе, повернулся и увидел себя в зеркальном стекле. Это было лицо людоеда из сказок братьев Гримм.

А дальше вы всё уже знаете, доктор. Остальное я рассказал вам ещё в прошлый раз.

С тех пор так ничего и не изменилось. Нет, изменилось. Стало ещё хуже.

02

Господин Вольфдитрих, могучий телом, как бывший канцлер Коль, скупо покачал головой, не сводя с пациента зоркого и цепкого взгляда пронзительных синих глаз. Брови его, своей густотой и размерами сделавшие бы честь и Синей Бороде, изогнулись в каком-то хитром рисунке.

— Нет, мой дорогой Ганс, это не сумасшествие. Пока. Но шок оказался слишком силён. Вы запомнили запах горящей плоти. И он почему-то показался вам ароматом жареного на сковородке мяса. Скорее всего, Вы были в тот момент голодны, поэтому Ваша психика, ради спасения всей нервной системы, перенесла напор нервной энергии с одного объекта внимания на другой, поэтому Вы и решили, что почувствовали себя людоедом. И пришли к ложному выводу, что именно это, якобы скрываемое вами в себе зверство, и послужило причиной трагедии… Вы же отлично ЗНАЕТЕ, что вашу семью убил турецкий гастерарбайтер, удиравший от полиции на автомобиле без тормозов. Но Вы почему-то относите запах жареного мяса не к нему, а к своей семье. Хотя аромат специй, о котором вы говорили, это был всего лишь дым сгоравших наркотиков. Мясо со специями, сказали вы? Это аромат турка. Запомните, запах вашей семьи — это солёная горечь слёз утраты. И больше ничего.

Вольфдитрих озабоченно покачал головой в отрицательном смысле. Скорее самому себе, потому что пациент уже закрыл глаза.

— То, что Вы считаете себя людоедом, это очень плохо. И это совершенно неправильно. Вы же не какой-то там людоед из дикой России, как его там?.. Джу-ма-го… Джа-м-огу… Эти проклятые варварские имена не для моей баварской глотки.

Психоаналитик издал коротенький смешок, но пациент не прореагировал никак.

— Когда африканский дикарь считает, что колдун обрёк его на смерть, он ложится под куст и тихо умирает. Потому что верит, что его смерть неизбежна. Вера, — к сожалению, или к счастью, не мне судить Всевышнего, — способна и убить, и спасти. И не только дикаря с Амазонки. Но и цивилизованного германца из самой культурной страны. Позволь посоветовать тебе, Ганс, не как пациенту, а как другу.

Тебе надо забыть себя, Ганс. Ненадолго. Смени образ жизни. Забудь, что ты из высшего класса. Забудь, что ты специалист своего дела. Постарайся забыть всё. ВСЁ, ты понимаешь? У моего знакомого русского коллеги есть забавный термин — понарошку.

Это когда дети играют во что-то и заигрываются так, что полностью погружаются в игру. Забудь себя, уйди из дома, иди… к хиппи, к рокерам, байкерам… стань кем-нибудь, — ненадолго, понарошку. Тебе нужна встряска, Ганс, тебе нужна очень большая встряска…

Люди верят в могущество психоаналитиков. Это хорошо для бизнеса, но не очень хорошо в целом ряде случаев. Твой случай, майн либер Ганс, относится именно к этому разряду… Мне было три года, когда наша семья переехала в Дрезден. Мы бежали от русских бомб, а попали под американские. Мне было три года, но я навсегда запомнил, что такое огненный шторм. Огня так много, и горит он так сильно, что со всех сторон дует ветер. Огню нужен воздух. Много воздуха. Людей поднимало вверх и они сгорали на лету, как спички. Может быть, поэтому я и пошёл в медицину…

Наше поколение росло в условиях постоянного стресса. Но оно оказалось крепче нынешнего, клянусь своей лысиной и тем, что под ней. Так что, дорогой Ганс, если не хочешь оказаться полной дыркой в жопе и однажды съесть печень своего директора с кьянти и бобами, как это сделал доктор Лектер, начинай свою Большую Игру. Стань Михелем, Отто, Фрицем. Съешь пару тарелок бесплатного уличного супа. Играй, Ганс, играй. Иди и поживи — понарошку.

03

Покинув психоаналитика, Ганс Мюллер — не то в задумчивости, не то в рассеянности, — пошёл туда, куда понесли его ноги. И ноги принесли его не куда-нибудь, а в пивную. Ганс не любил импортного слова «паб». Оно напоминало ему отрыжку. Или первый позыв к тому, чтобы «выкрикнуть съеденное». Выражение, услышанное им когда-то и запомнившееся своей дикостью. Может быть, даже русское.

К русским Ганс относился — терпимо. Ганс не любил американцев. Особенно ему не нравились американские стаканы для пива, больше всего напоминающие не то баночки для анализа мочи, не то гильзы от авиационной пушки. Ни вида, ни вместимости… подлость одна. То ли дело Фатерланд! Кружка — два литра. Маленькая — литр. Это же совершенно другое дело! И манеру пить пиво мелкими глоточками, чтобы захмелеть подешевле, Ганс тоже не признавал. Если уж вы пришли в пивную, чтобы выпить пива, вы садитесь за столик, берёте в руки первую кружку, и начинаете ПИТЬ. Так, как может пить бедуин, последние два дня тащивший верблюда к оазису на своём горбу. То есть — по-немецки.

Звякнул дверной колокольчик. Вошедший мужчина сел за соседний столик, совсем рядом, рукой подать. Сразу же показался смутно знакомым. Как будто где-то и когда-то виделись, но когда и где — никак не вспомнить. Отчего стало как-то неловко. Очевидно, то же самое испытывал и незнакомец. Вероятно, со стороны было несколько смешно наблюдать, как два взрослых человека якобы тайком посматривают друг на друга, бросая короткие, частые, исполненные смутного любопытства взгляды.

Разгадку принёс официант, вместе с двумя полными кружками. Посмотрев на сидящих рядом, улыбнулся от всего сердца и сказал:

— За счёт заведения. Хозяин верит, что приход близнецов приносит удачу.

Эти слова словно сняли пелену с глаз у обоих.

Удивительное дело!

Ганс достал из бумажника свои водительские права, сравнил фотографию с лицом незнакомца, удивлённо покачал головой, показал документ своей нечаянной копии. Улыбнулся. Нечаянная копия повторила действия Ганса.

Вернув бумажник во внутренний карман пиджака, незнакомец, как будто продолжая на минуту прерванный разговор, сообщил:

— Однажды аналогичная ситуация произошла при дворе короля Франции. Из Англии прибыл посол, очень похожий лицом на короля. Король удивился и спросил посла, не была ли его матушка во Франции. «Нет, — ответил посол, — но мой батюшка бывал здесь неоднократно…»

— У вас странный акцент. Вы не из Баварии?

— Нет. Я из России. Лет триста назад мои предки уехали туда по приглашению русской царицы. Потом коммунизм пал, Германия воссоединилась и вспомнила о своих детях. Программа по возвращению, переобучению, трудоустройству.

— И что там, в России? — полюбопытствовал Ганс.

— Русские. А также лица кавказской национальности в русской мафии и евреи в русском правительстве.

Ганс вежливо склонил голову.

— И как тебе родина предков?

Немец из России усмехнулся. Усмешка вышла немного печальной.

— Когда я улетал из Москвы, в аэропорту я случайно встретил своего бывшего соседа. Миша Розенберг. Эмигрировал в свой Израиль лет на десять раньше меня. Я задал ему тот же вопрос. Он пошёл и купил бутылку кошерной водки «Кеглевич». Мы раздавили пузырёк за встречу и он ответил мне: «В России я был еврей Розенберг, периодически смутно подозреваемый в жидо-масонском заговоре А на просторах рúдной Израиловки я Миша-русский, — обязанный всем, за всё и по жизни».

Здесь, в Германии, живут немцы первого сорта. Живут «осси» — немцы немножечко похуже. «Восточные». И мы…

Рассказчик сделал долгий глоток. Поставил кружку на стол. Посмотрел в глаза собеседнику, как будто хотел увидеть в них нечто, немного помедлил и закончил свои слова:

— После смерти СССР, в бывших германских колониях, ныне странах Прибалтики, живущим там русским выдали удостоверения, что они НЕ граждане. Нечто вроде жёлтой звезды в варшавском гетто. Нам здесь такого удостоверения не выдали. Как говорят в рекламе, — почувствуйте разницу.

Ганс вздохнул, выпрямился, жестом заказал ещё пару пива. Указал пальцем официанту: одну мне, одну — ему. Повернулся всем телом.

— Немец не может быть третьего сорта, господин?..

— Ингер. Фридрих Ингер.

— Ганс Мюллер. Так вот, господин Ингер, немец не может быть третьего сорта. Он либо немец, либо нет. Это моя личная точка зрения. И не только моя. Прозит.

Фридрих опустил глаза, нахмурил лоб, вздохнул. Снова

взглянул в глаза Ганса.

Тихо произнёс:

— Помнишь, что сказал Каа, прощаясь с Магули? «Нелегко менять кожу».

04

— Может быть, лучше всё-таки на воды? — несколько ошарашенно спросил Ганса господин Гуго, председатель правления банка и прочая, и прочая, и прочая…

— …В конце концов, мы же цивилизованные люди! Да, я разговаривал с твоим психоаналитиком. Но всему же есть пределы! Определённые границы. Нет, я готов признать твоё право на некоторую экстравагантность. Ты заработал для банка больше миллионов, чем у меня волос на голове. Осталось…

Господин Председатель неуклюже попытался обратить всё в шутку.

— …Поэтому, если ты хочешь, я готов дать тебе отпуск. Хоть на целый год.

— Год — слишком много. Если через полгода я снова не стану собой, прежним собой, я не стану им уже никогда… Есть ещё одна причина, почему я хочу этого. Я не смог проститься со своей семьёй. Я не проводил их в дальнюю дорогу. Если, как вы говорите, я буду ходить на грани смерти, я смогу хотя бы послать им последнее «прости». Говорят, Смерть сентиментальна. Она не откажется взять коротенькую записку на свою сторону.

— Это безумие, — господин Гуго шумно вздохнул и поднял к люстре потолка глаза и руки.

— Безумие есть оптимальное поведение для безумца, — усмехнулся Ганс.

— Тебя же там убьют!..

— Тогда банк избавится от опасности понести убытки от ошибок в расчётах безумца. Посмотрите на мою смерть с точки зрения приобретения, а не потери, господин Гуго.

— Ты христианин, Ганс, самоубийство есть тяжкий грех!

— Но я же не собираюсь бросаться с моста или вешаться на подтяжках?

— Ты там пропадёшь, ты же не знаешь их языка!

— Три месяца погружения в языковую среду достаточны для приобретения навыков беспрепятственного общения на бытовые темы.

— А что ты будешь делать первые три?

— Ходить со словарём. Или найму переводчика. Я узнавал, это достаточно дёшево. Студенты всегда готовы немного подзаработать.

Председатель тяжко вздохнул и выкинул свой последний козырь.

— Я уверен, он никогда на это не пойдёт! Да, я готов

признать, что ты — самый настоящий безумец! Но он-то — наверняка нет!

Ганс усмехнулся.

— Пари?

05

— Сто тысяч?!

— Совершенно верно. Сто тысяч. Через полгода. Вне зависимости — вернусь я или нет. Это помимо всего прочего.

Фридрих ошеломлённо посмотрел на Марту. Жена, явно имевшая в семье не последнее слово, поджала губы и сомнительно посмотрела на гостя. Ганс улыбнулся и предъявил свои документы.

— Говорят, в России это был самый верный способ показать, что ты именно тот, за кого себя выдаёшь. Я прав, фрау Марта?

— Что-то я не совсем всё поняла…

— Всё очень просто. Наш банк участвовал в восточных инвестиционных проектах. В России. Но у нас есть сомнения, что выделенные средства расходуются по назначению. Поэтому правление решило послать в Россию своего представителя — с целью тайной ревизии. Но если я поеду открыто, под своим именем, мне покажут, как это говорят у русских, «потёмкинскую деревню». То есть, обманут. Нужен человек, который не вызовет подозрений самим фактом своего появления. Ваш муж, фрау Марта, это идеальная кандидатура. Даже если русская мафия и расправится с ним там, в своей России, это не страшно.

Фрау Марта положила руку на плечо мужа и сказала стальным голосом:

— Фридрих никуда не поедет!!

— Совершенно верно, фрау Марта. Фридрих останется здесь. Более того. Пользуясь нашим поразительным сходством, он останется жить в моём доме. Моя семья погибла… недавно…, поэтому подмену никто не обнаружит. А все подозрительные странности легко спишутся на моё психологическое состояние. Естественно, никто не будет мешать ему навещать вас. Оба моих автомобиля в вашем полном распоряжении.

Супруги переглянулись.

— Но, зачем же тогда…

— Всё очень просто, фрау Марта. В Россию поеду я. Но с документами вашего мужа. С полицией банк обо всем договорился. Если вы согласны, то мы немедленно едем в банк, где вашего мужа, — под его собственным именем, — принимают на работу на мелкую должность. И сразу же посылают в Россию. На ревизию наших вложений. Ценность сотрудника проверяется его успехами, не так ли? Ну вот. Я беру документы Фридриха и еду с ними в Россию. Фридрих берёт мои документы и временно переезжает в мой дом. Откуда регулярно ездит навещать вас.

Кстати, дайте мне фото ваших детей.

— Зачем?

— Фотография семьи будет вложена в документы. Это для русских, вы понимаете? Если деньги похищаются на высоком уровне, они будут проверять, кто к ним приехал. Поэтому всё должно быть на высшем уровне достоверности. Право же, наша встреча — это просто подарок судьбы.

— И вы не боитесь, что…

Ганс улыбнулся.

— По завещанию дом отходит к сестре. Мои кредитные карточки? Фридрих вполне может пользоваться ими. На них не очень много денег… Все вещи моей погибшей семьи в вашем полном распоряжении. Я думаю, ваши девочки не откажутся от новых платьев?..

06

Здание банка, а особенно то уважение, с которым охрана пропустила «господина Мюллера» и его сопровождающих, явно произвели впечатление и на Фридриха, и, что особенно важно, на Марту. А окончательно их добил кабинет Ганса. Такое они могли видеть раньше разве что в кино.

… У Агаты Кристи есть небольшой рассказ о фирме, продающей впечатления. И там высказана весьма любопытная мысль: средним людям очень нравится переживать наяву то, о чём они читали в книгах и газетах, а в наши дни ещё и смотрели в кино, либо по телевизору…

Теперь Марта гордилась выпавшей ей ролью. Как же! Её семье выпала честь участвовать в исполнении решений, принятых на Самом Верху, то есть — в банке. Этом скромном правительстве современного мира. Причастность к Самому Верху настолько приподнимала этих людей в собственных глазах, что они просто чувствовали себя счастливыми от выпавшей на их долю участи. А толика денег и полнейшая безопасность лично фрау Марты и герра Фридриха делала их положение вообще кинематографически безоблачным.

Все необходимые формальности были улажены, личный секьюрити господина Гуго повёз господина Фридриха к месту его тайной службы, если точнее — в комфортабельный дом Ганса Мюллера, — на «мерседесе» представительского класса. Что сделало счастье Фридриха просто до неприличия полным. Марту отвезли домой секьюрити банка в рядовом БМВ. Но садилась в него не просто женщина, а Брунгильда, только что отпустившая своего Зигфрида в лавку мясника за мелко нарубленной печенью дракона для праздничного обеда…

Господин Гуго, привыкший за покером, а также за более ответственными финансовыми играми держать на лице маску полного спокойствия и несокрушимой уверенности в себе, подождал, когда закроются двойные двери его кабинета, и только тогда позволил себе тяжко вздохнуть и покачать головой.

— Main Gott! Твоя изобретательность, Ганс, как всегда безупречна. Надо же было придумать! Командировка под прикрытием для проверки наших восточных проектов!.. Хотя, впрочем, ты, как всегда, оказался прав. Такая проверка нам абсолютно не помешает. Ты так и хочешь ехать под этой легендой?

— Разумеется. В городе Sta-rit-zin большое кладбище наших военнопленных. Лютеранская кирха. На благоустройство

кладбища и реконструкцию церкви были собраны и посланы значительные суммы. И проходили они как раз через одно из отделений нашего банка. Мы не имеем к этому проекту непосредственного отношения. Но выглядеть это будет именно так. А ввиду того, что деловые круги этого города, в том числе и сама администрация, ведут сейчас переговоры о германских инвестициях, всё выглядит как нельзя более достоверно. Перед тем, как выделять новые деньги, нужно посмотреть, куда и как делись старые.

Господин Председатель уважительно покачал головой.

— Ганс! — с чувством сказал он. — Ты даже сойти с ума стараешься с выгодой для банка… Мне, что я говорю! — всем нам будет очень не хватать тебя… Ладно, с полицией я решу все вопросы лично, можешь не беспокоиться. От тебя требуется только одно — постарайся вернуться живым и здоровым.

Господин Гуго вспомнил что-то и усмехнулся.

— Однажды, когда я по вопросам восточных инвестиций был в России, принимающая сторона повезла меня на свою личную загородную дачу. И там меня поразил один разговор. Сын моего, э-э-э, собеседника просил у своего отца разрешения идти купаться куда-то на реку. И тот ответил ему очень странно: «Если утонешь, домой не приходи»… Россия — это странная страна, Ганс. Береги себя. И, если, как бы это сказать…

Ганс улыбнулся и понятливо склонил голову.

— Я понял.

07

— Эльза, любовь моя, ты единственный родной человек, который у меня остался. Ты и трое моих племянников… До чего же мы, немцы, сентиментальный народ. Я до сих пор помню, как ты выводила меня гулять.

— А когда ты был совсем маленьким, я помогала маме стирать твои пелёнки.

Ганс грустно усмехнулся, вертя в пальцах хрустальный бокал для пива.

— Я уезжаю в деловую поездку. В Россию.

— Но там же опасно! Ганс! Россия — это не место для цивилизованного человека. Там же русская мафия! КГБ! И эти, русские медведи…

Младший брат чуточку наклонился вперёд и успокаивающе погладил свою старшую сестру по самым кончикам пальцев её правой руки, тревожно протянутой в сторону брата вечным жестом женской тревоги за близких.

— Может быть, это и к лучшему… Если со мной что-то случится, скажем прямо — если я погибну в России, все мои деньги, мой дом и прочее имущество останутся тебе. Твой счёт в моём банке, не так ли? По моему завещанию, в случае чего, все имеющиеся у меня деньги будут перечислены на него.

Эльза отрицательно покачала головой.

— Только не это, Ганс. Ты даже представить себе не можешь, что я буду чувствовать каждый раз, когда…

— … каждый пфенниг, появившийся на твоём счёту, будет казаться тебе свидетельством моей смерти? Да. Об этом-то я и не подумал. Хорошо. Вот номер моего запасного счёта. Помнишь, года четыре назад, когда мы хотели было?.. Да-да, я так и не закрыл его. Хорошо. В случае чего все мои деньги будут перечислены именно на этот счёт. Наше совместное пользование им никто не отменял. К тому же, так будет проще с наследством.

Эльза аккуратно стёрла кончиком передника выступившую в углу глаза слезинку.

— Как будто ты хочешь уехать туда, чтобы умереть, Ганс…

— Для того, чтобы умереть, не нужно куда-то ездить.

— Но ты же думал об этом, да? Не отрицай, ложь такой же грех, как и самоубийство! Ты попадёшь в ад и никогда не встретишься со своей семьёй!

Господин Мюллер опустил глаза и грустно усмехнулся чему-то, спрятанному глубоко внутри него.

08

Люфтганза — это добрая немецкая авиакомпания. И поэтому Ганс Мюллер, ах, да, простите!.. Ганс Мюллер, конечно же, остался в Германии! И билет на самолёт приобрёл некто Фридрих Ингер. Но Фридрих Ингер тоже был немцем. Поэтому, в условиях наличия выбора, тоже, естественно, выбрал именно немецкую авиакомпанию.

… Фридрих Ингер, Фридрих Ингер…

Практически всё время полёта было потрачено на то, чтобы стереть из памяти некоего господина Ганса Мюллера. И заменить его господином Фридрихом Ингером.

Сразу же, едва заняв своё место, прилично, но не богато одетый господин с атташе-кейсом (дань въевшейся в кости привычке) сразу же ушёл в себя и едва заметно шевелил губами. «Я — Фридрих Ингер. Моё имя — Фридрих Ингер. За моей спиной крикнули «Ганс!»? Ну и что? Я — НЕ Ганс. Я — Ингер. Фридрих Ингер. Что? Кто-то сказал Фридрих? А вдруг это меня? Надо обернуться, посмотреть. Я — Фридрих. А Фридрих — это я».

Сеанс самогипноза, по-научному — аутосуггестии, — занял практически всё полётное время. Вошедший в самолёт человек с гордой осанкой, явным признаком самоуважения и привычки к почтению со стороны окружающих, постепенно превратился в немножечко сутулого, намного менее уверенного в себе, небогатого служащего…

Вздохнув от многочасового полёта, пусть даже и прерывавшегося на приёмы пищи, но практически полностью затраченного на превращение (занятие не столько мучительное, сколько нудное), Фридрих Ингер, твёрдо убедивший себя в том, что он именно Ингер и именно Фридрих, в первый раз по-настоящему огляделся по сторонам. И сразу же наткнулся на немного насмешливый взгляд человека в соседнем кресле. Сосед, в отличие от чуточку робкого Ингера, чувствовал себя полным хозяином и времени и пространства своего пребывания. К тому же на откидном столике перед розовощёким весельчаком стояла бутылка русской водки и пластиковый стаканчик. В стаканчике имелась в наличии чудовищная доза крепкого алкогольного напитка — около пятидесяти граммов. Бутылка же… была практически пуста…

Встретившись взглядом с Ингером, сосед кивнул на бутылку. А когда удивлённые глаза, послушно взглянув на сосуд с алкоголем, снова и с недоумением обратились к лицу весельчака, тот только хмыкнул и с лёгким пренебрежением осведомился:

— Первый раз в Россию?

— Совершенно верно… Господин — англичанин?

Розовощёкий пренебрежительно хмыкнул и отрицательно покачал пальцем перед собой из стороны в сторону.

— Никаких англичан! Господин — ирландец!

Фридрих (уже — Фридрих!) автоматически кивнул головой, соглашаясь.

— Господин ирландец едет в Россию не в первый раз?

— И не в последний, надеюсь! — со смехом ответил тот.

Дальнейшие действия господина ирландца повергли господина Ингера в состояние лёгкого, но долговременного шока. Мало того, что все пятьдесят граммов совершенно не разбавленной водки, без содовой, были подняты недрогнувшей рукой и одним махом отправлены в рот. После приёма алкоголя господин из соседнего кресла поднёс к лицу рукав своего модного пиджака и со вкусом его понюхал! А потом посмотрел на робкого соседа с явным чувством собственного превосходства.

— Надолго?

— Полгода, — спохватившись, ответил Фридрих.

— О! Вы получите ощущения на всю оставшуюся жизнь. Если у вас, конечно же, что-то останется…

И, откинувшись на спинку кресла, засмеялся бесшумным смехом, затряс плечами.

— Какие ощущения? — не удержался и спросил-таки Фридрих.

Ирландец задумался, даже приоткрыл рот, пытаясь сформулировать.

— Сложно сказать… Не знаю, как это будет по-немецки, но по-английски это лучше всего прозвучит так: тебя ждет АПОКАЛИПСИС EVERY DAY.

И успокоился, впал в задумчивость, время от времени вздыхал с чувством, шмыгал носом, улыбался чему-то своему, приоткрыв рот и время от времени стирая слюну в уголках рта бумажной салфеткой. Потом бросил взгляд в иллюминатор. Под крылом проплывала Москва, столица загадочной и странной страны — России. С сомнением взглянул на робкого немца. Усмехнулся чему-то своему. Опустил глаза на лежащий на коленях плеер. Наушники — маленькие, вкладывающиеся в ухо, каждый на своём проводке. Вздохнул и протянул один.

— Это группа из вашей страны. Каждый раз, когда мой самолёт опускается к аэропорту Москвы, я слушаю эту музыку. Последний штрих, чтобы настроиться на жизнь в России.

Фридрих вложил в ухо наушник и сосед нажал клавишу воспроизведения. Решительно, как штурман бомбардировщика —

рычаг бомбосбрасывателя. По барабанным перепонкам ударил жёсткий ритм группы «Чингисхан». Первый диск. Хит «Москау, Москау…» Отличная замена «Полёту валькирий» в данной конкретной ситуации…

В каком-то мистическом оцепенении Фридрих смотрел на приближающуюся землю. Да. Он — не Ганс и не Фридрих. Он — Чингис-хан. И он бросит к своим ногам эту варварскую страну…

Самолёт совершил посадку. Смолкли двигатели. Смолкла музыка. Ирландец так резко нажал клавишу «стоп», что Фридрих вздрогнул. Ирландец вынул из его уха наушник, повернул к нему своё ставшее строгим и жестоким лицо. С полной серьёзностью, без малейшей тени насмешки, глядя в глаза немцу, тоном старшего командира произнёс приказ:

— Хочешь выжить в России — пей водку.

09

Аэропорт Старицына, как это и принято, располагался за пределами городской черты.

Поэтому в пределы города Фридрих Ингер решил въехать на такси.

Позади остались не обременительные, но скучные проверки таможни, позади остался выход на площадь перед зданием аэропорта и первый взгляд на загадочную Россию.

На первый взгляд, большая часть таксистов состояла в русской мафии. Или набиралась исключительно из квоты беженцев. В родном Фатерланде подобных, по крайней мере, с виду, становилось всё больше. Они не учили языка, одевались пестро и ярко, беспрестанно галдели, издавая порой совсем уже не приличные для слуха европейца звуки, и решительно отказывались работать… Иностранца таксисты опознали каким-то просто сверхъестественным образом. Набежали, окружили со всех сторон, начали вытягивать шеи, смотреть снизу вверх наискосок блестящими от жадности глазами, тянуть руки и чуть ли не тащить силой.

Не смотря им в глаза, делая руками насколько можно решительнее жесты отрицания, Ганс-Фридрих нашёл взглядом водителя более-менее европейского вида. Сумку в багажник, кейс в кабину, сел на заднее сиденье и протянул бумагу с адресом гостиницы «Центральная». Водитель понятливо кивнул, сказал «АКЕЙ», видимо, по-американски, и тронул с места.

Когда автомобиль отъехал на десяток-другой метров, Фридрих не выдержал и обернулся. Ему не показалось: все свободные водители действительно смотрели ему вслед. И взгляды их настолько мрачно сверкали, а руки делали такие злобно-крючковатые жесты, что будь всё происходящее лет триста назад, вполне можно было бы подать в суд инквизиции за коллективное наведение порчи.

То ли таксистами в России действительно работали исключительно не выдержавшие конкуренции колдуны, то ли по какой другой причине, но едва автомобиль Фридриха совершил все повороты и выехал наконец на прямую трассу, ведущую в город, как практически тут же и попал в автомобильную катастрофу. Или, как выражаются в России — в дорожно-транспортное происшествие.

Выскочивший на шоссе сбоку, перпендикулярно общему движению, мотоцикл ударил в правое крыло двигавшегося навстречу такси легкового автомобиля. Автомобиль развернуло, и

он, подминая под себя упавший на бок мотоцикл, а также обоих его седоков, вылетел на встречную полосу, где вся эта груда железа и крови образовала нечто вроде баррикады из скульптур абстракционистов. Водитель Фридриха попытался было свернуть вбок, но не успел.

Дикий скрежет тормозов сменился ещё более жутким звуком столкновения. Такси, налетев на колесо лежащего на боку мотоцикла, выбросило вверх, как на трамплине, и жёлтый автомобиль всей длиной своего не то хромированного, не то никелированного бампера врезался в лобовое стекло встречного автомобиля. Зубодробительный скрежет и треск рвущегося металла, последние судороги умирающих механизмов, тишина…

В последние секунды перед столкновением перед глазами заморского гостя встала картина гибели его семьи: багровый шар взрыва бензобака, пламя, скорчившиеся в огне трупы… Однако, через некоторое время после столкновения, обнаружив, что ещё жив и несколько страдая от боли в груди (налетел на переднее сиденье), он выбил кейсом боковое стекло и выполз наружу, извиваясь как червяк. Позабыв о сумке в багажнике, отошёл подальше, за обочину. И, держась одной рукой за кость грудины, а второй за ручку кейса, сел на землю. Точнее — у него попросту подкосились ноги…

Машин по шоссе двигалось не так уж и мало. Поэтому дорожная полиция появилась достаточно быстро, где-то через полчаса. За это время Фридрих успел отдышаться, руки его перестали дрожать, а ноги подкашиваться при попытке встать. Так что представителей закона и правоподрядка он встретил, как полагается — стоя.

Основательно потрёпанный жизнью «уазик» изверг из своих недр автоматчика в бронежилете и офицера с планшетом и рулеткой. После долгих измерений, фотографирования и прочих предусмотренных правилами процедур оба они посмотрели на стоящего на траве за обочиной человека и автоматчик, положив правую руку на ствол своего короткого оружия, повелительно взмахнул левой, явно приказывая приблизиться.

Фридрих приблизился.

Офицер что-то произнёс по-русски и протянул ему руку ладонью вверх, глядя при этом на трупы мотоциклистов под колёсами автомобилей. Фридрих его, разумеется, не понял. Офицер посмотрел сердитыми глазами и повторил сказанное, но уже громче и злее. Нечто иное, но столь же неприязненно, произнёс автоматчик. А когда Фридрих опять не предпринял никаких действий, офицер шагнул к нему и, коротким жестом откинув в стороны его руки, похлопал по карманам. Нащупав в

грудном кармане нечто, бесцеремонно залез туда рукой и достал оттуда бумажник. Раскрыл, вынул паспорт, прочитал, в сердцах сказал какое-то очень русское слово и показал документы автоматчику. Тот произнёс в ответ нечто аналогичное и махнул рукой, разом потеряв всякий интерес к происходящему. Офицер, явно принимая какое-то решение, несколько секунд глядел на иностранца, похлопывал паспортом, находящимся в одной его руке, по бумажнику во второй. Затем вздохнул, всё вернул, сказал что-то, коротко козырнул и отвернулся.

Совершив всё, что считали нужным, представители власти сели в свой транспорт и уехали, оставив на шоссе клубы сизого дыма. Фридрих, так и держа в руках паспорт и бумажник, посмотрел им вслед, пребывая в некотором ступоре. Он ожидал, что порядки в России несколько отличаются от привычных ему порядков. Но не ожидал, что отличие это столь разительно.

Не успели милиционеры скрыться из глаз, как к месту происшествия подъехала машина скорой помощи. Во всяком случае, красный крест на борту и белые халаты сидящих внутри говорили именно об этом. Не обращая внимания ни на Фридриха, ни на труп без головы во встречном автомобиле, ни на трупы мотоциклистов, они споро выдрали дверь такси со стороны шофёра, вытащили застонавшего водителя, похлопали его по щекам, положили на носилки, засунули носилки в фургон, залезли туда сами — и тоже уехали…

— А… а… — только и смог произнести Фридрих, поворачиваясь вокруг своей оси с вытянутой перед собой рукой и оглядывая место происшествия. Такого он не ожидал…

Два или три раза, может даже больше, мимо проезжали такси из аэропорта. Водители притормаживали свои машины, встречались взглядом с потерянным пассажиром, улыбались во весь рот, показывали по-американски средний палец и уезжали.

Стемнело. Машин на шоссе становилось все меньше и меньше. Вдобавок ко всему сгустились тучи и начал накрапывать мелкий, моросящий, но достаточно неприятный дождик. Весна только начиналась, поэтому холод не заставил себя долго ждать. Не находя другого укрытия, Фридрих забрался на место своего водителя и стал ждать неведомо чего.

Темнота сгущалась. В свете фар проскакивавших мимо автомобилей взблескивали светоотражательные полоски на колпачках дорожного ограждения, выставленных вокруг места катастрофы. Но даже и это разнообразие становилось всё реже и реже. Пахло сыростью, запёкшейся кровью и бензином. Подул ветерок, и утяжелившиеся капли дождя начали то и дело залетать в проём от выдранной с корнями двери такси. Фридрих

загородился, как смог, своим кейсом, но заставить себя перелезть на заднее сиденье так и не смог.

Где-то вдалеке послышался вой. Не то волки, не то очень одичавшие собаки.

Фридрих поднял голову к небу, точнее, к крыше изуродованного такси, и попытался вспомнить хоть одну молитву. Но те обрывки, которые то и дело срывались с его губ и пропадали в шуршащем шуме дождя, вряд ли бы удовлетворили даже самого непритязательного падре.

10

Видимо, господь Бог менее требователен к формальностям, чем Его человеческие слуги. Потому что не прошло и пяти минут после искреннего бормотания забытого всеми немца, как к месту дорожной катастрофы подъехала и остановилась, посверкивая сквозь дождь светом фар, какая-то автомашина. Небольшой фургончик, типа скорой помощи, более известный в России под именем «буханка».

Дверцы отворились, вылезли водитель и его помощник, весело, но, к сожалению, непонятно переговариваясь о чём-то по-русски. Обойдя несколько раз место происшествия, оба русских с кряхтением принялись вытаскивать трупы. Вес человека в разбитом такси мешал им, поэтому один из них, тот, который не водитель, подошёл и выкрикивая что-то грубым, но не то, чтобы неприятным голосом, помахиванием своей руки дал понять, что дальнейшее пребывание Фридриха на его прежнем месте не желательно.

Фридрих послушно вылез под дождь.

Трупы мотоциклистов удалось вытащить быстро. На руку или ногу им накидывали верёвку с петлёй и, взявшись за неё, под дружные ритмические выкрики вытаскивали тело из-под железа. С безголовым водителем дело обстояло похуже. Если первые трупы находились в неком пространстве, образовавшемся благодаря наезду автомобиля на мотоцикл, то безголовый труп сидел на своём месте намного крепче.

После нескольких безрезультатных попыток водитель, коренастый как кабан, залез на смятый капот встречного автомобиля, с помощью железной трубы и ритмичных криков немного сдвинул вбок мешавшее ему такси. Затем накинул верёвочную петлю подмышки безголовому трупу, затянул её, сам встал, пошире и потвёрже расставив ноги, сверху. Затем по-альпинистски перекинул верёвку через плечи. Один её конец, с петлёй, уходил вниз, к трупу. Второй взял в руки напарник водителя. Водитель, покачиваясь из стороны в сторону, начал работать как подъёмный кран, в то время как его помощник тянул за свой конец верёвки.

Первые две попытки окончились неудачно.

После чего водитель на капоте разбитого автомобиля, словно только что увидев третьего человека, взревел полным медведем, и указал на стоящего в отдалении. Второй русский подошёл к Фридриху и, похлопывая его по плечу, сказал несколько слов укоризненным тоном, после чего приобнял за только что

похлопанное плечо и потянул за собой, к трупу. Фридрих покорно двинулся следом. Втроём они выдернули безголового с первой же попытки, мощно, как редиску из сырой грядки.

Водитель слоном ахнул с капота на асфальт. Где и начал с ворчанием растирать свои плечи. Его помощник махнул рукой, взял труп за руки, кивнул немцу на ноги и Фридрих, к удивлению своему, покорно взялся за мёртвые конечности и шустро потащил покойника к задней двери «буханки». Куда и помог погрузить в меру своих сил.

Водитель залез на своё место и рявкнул что-то через плечо, уже гораздо добродушнее. Его помощник, посмеиваясь, залез в заднюю дверь и сел поверх трупов. Затем, словно только что увидев третьего живого, сказал ему насмешливо несколько слов. И пригласительно махнул рукой. Залезай, мол.

Встрепенувшийся Фридрих что-то неразборчиво замычал, постучал себя в грудь и указал в сторону разбитых автомобилей. Человек на трупах обратился к водителю. Водитель рявкнул и вылез из-за руля. Подошёл к Фридриху, буркнул вопросительно. Фридрих торопливо бросился к такси, вынул кейс и, подойдя к багажнику, побарабанил пальцами: закрыто. Водитель рявкнул и повелительно махнул рукой в сторону: отойди, мол. После чего размахнулся и изо всех сил пиннул крышку багажника снизу. Та щёлкнула и открылась. Фридрих торопливо вынул свою сумку и поспешил к труповозу. Влез внутрь, и второй русский захлопнул заднюю дверцу.

11

Свет внутри помещения с трупами никто не выключал. Труповоз заурчал двигателем и неспешно двинулся в сторону города. Шуршали по лобовому стеклу щётки, поскрипывал фургончик, помощник водителя смотрел на пассажира, чуточку приоткрыв рот и, казалось, чего-то ждал. Помаргивая для большей сообразительности, Фридрих понял, что лучшим выходом из сложившейся ситуации будет показать свой паспорт. Что он и сделал.

Всмотревшись в раскрытый перед его лицом документ, русский, напряжённо наморщив брови, шевелил губами, произнося про себя читаемое. После чего ахнул, изумлённо взглянул на иностранца, весело и радостно крикнул водителю. Тот изумлённо ответил что-то и затормозил. После чего, повернувшись в салон, недоверчиво спросил:

— Фриц?

— Ja, áber… — ответил немец. — Я — Фридрих, Фридрих!

И в качестве доказательства протянул раскрытый паспорт водителю.

— Ганс, Фридрих, — махнул своей лапой водитель, — один хрен — фрицы!

Ганс-Фридрих только рот раскрыл. Все рассказы о зловещем вездесущем КГБ тут же всплыли в его памяти. Неужели всё это было подстроено? Но как?! Как они могли узнать?..

Меж тем его попутчики уже оживлённо что-то обговаривали. После чего водитель с сомнением взглянул на наручные часы. Пожевал губами и отчаянно махнул рукой, соглашаясь.

Второй русский, сидевший на трупах рядом с Фридрихом, оживлённо потёр ладони.

Водитель чем-то побулькал у себя и, обернувшись, протянул в кузов до половины наполненный стакан. Второй русский принял из его рук и подал с улыбкой немцу.

Фридрих вспомнил, что страшно хочет пить, и жадно приник губами к чистейшей, как слеза, влаге. И только оторвав гранёную ёмкость от губ, понял, что тут что-то неладно. Глаза его сделали попытку вылезти из орбит, дыхание перехватило. Это была водка.

Оба русских, ожидавшие результата своего эксперимента, остались довольны. Пока Фридрих пытался совладать с подвергшимся неожиданной атаке организмом, русские налили себе по полному стакану и спокойно выпили. После чего, немного наморщив лицо, с аппетитом понюхали рукава своих одежд. Тут же вспомнился сосед в самолёте и его последний не то совет, не

то приказ: Хочешь выжить в России — пей водку.

Откуда-то появился свёрток, тут же и развёрнутый поверх трупов, между русским и немцем. В свёртке оказались бутерброды. Точнее: куски чёрного хлеба с кружочками лука и мелкой рыбой килькой, слабо солёной. Русские с аппетитом вгрызлись в закуску, а Фридрих всё ещё с изумлением осматривал вручённое ему для съедения. Нет, он, конечно же, знал, что из Германии в Россию идёт «секонд хенд»: бывшая в употреблении одежда. Но чтобы импортировать содержимое мусорных баков для пищевых отходов? Он никак не мог признать вручённое ему за пищу. Однако выпитая водка настоятельно требовала еды, еды, еды!!! И он каким-то непонятным движением положил в рот этот странный русский сэндвич.

Странно… То, что на вид больше всего напоминало однажды уже кем-то съеденное, на вкус оказалось не так уж и плохо. Оно неким непонятным образом гармонировало с выпитой водкой. И к тому же после самолёта он ещё ничего не ел.

Быстренько, на скорую руку, распив с двумя русскими на троих бутылку водки (рассказать Эльзе — не поверит!) и закусив двумя русскими сэндвичами из чёрного хлеба с луком и килькой, Фридрих почувствовал себя лучше. Намного лучше! И даже тот факт, что трапеза происходила не за столом, застеленным скатертью, а сидя на трупах, с газетки, из одного стакана на троих, — даже это каким-то странным образом укладывалось в некую, в целом гармоничную картину.

Допив водку, русские не показали ни единого признака опьянения. Водитель смягчился, и только. Его повеселевший помощник что-то сказал немцу, и тот, непонятно почему, согласно кивнул головой:

— Ja, ja, natürlich, — невесть чему радуясь, ответил Фридрих.

Русские расхохотались, и машина поехала дальше.

Пребывая в блаженной полудремоте, Фридрих отчего-то почувствовал, что всё будет хорошо. И тихонечко улыбался этому ощущению, напевая про себя колыбельную, непонятно как всплывшую в его памяти…

12

— Ну и по кой хер вы как дураки попёрли в дурку?

— А по тот хер, что общий городской закрыт! И не хера из себя умника корчить, принимай давай, а то фриц заждался!

— Какой такой фриц?

— Живой, понятно. Поверх жмуриков кемарит. Отчиняй давай!

Этот разговор происходил на каменном крылечке морга психиатрической больницы, в конусе света от пронзительной жёлтой лампочки накаливания под древней тарелкой, жестяным колпаком от дождя, он же примитивный рефлектор-отражатель. Колпак-отражатель слегка покачивался, отчего в невнятный шорох дождя вплетался тягучий ржавый скрип, а освещённое пространство раскачивалось из стороны в сторону, как ноги повешенного. По этой причине то один, то другой собеседник, из-за игры света и тени, на миг становился похожим на Фредди Крюгера, сильно изуродованного жизнью в России.

Мужчина в мятом, бывшем белом, а ныне застиранном до неопределённого цвета халате, обладатель нечеловеческой худобы и всклокоченной пегой шевелюры, подошёл к задней дверце труповоза, и, попыхивая папироской, распахнул настежь обе половинки.

Фридрих, разбуженный скрипом давно не смазанных петель, проснулся, точнее — выпал из состояния парадоксальной дремоты обратно в русскую реальность. Слабый свет лампочки на потолке фургончика позволил ему увидеть ночного дежурного морга, а тому, естественно, составить своё представление о немце.

— Ништяк, — удовлетворённо закончил свой обзор санитар. — Добрый немец. Дрыхнет себе на жмуриках, как дома на диванчике. Наш человек.

Два невидимых голоса из-за спины санитара в белом, похожего на собственное привидение, поддержали его спич одобрительным похохатыванием.

— Was? — спросил не совсем ещё проснувшийся Фридрих.

— Вась, да он тя знает! — восхищённо заявил из темноты голос помощника водителя труповоза и раскатисто расхохотался собственной шутке.

— Меня вся Неметчина знает! — гордо ответил санитар Вася и обратился напрямую к немцу, повысив силу голоса вдвое, как обычно, (почему-то!) привыкли делать русские люди, общаясь с иностранцами. Видимо, априори воспринимая всех их как глухих.

Скажешь такому на ухо погромче, он, поди, и поймёт…

— Хорошие, говорю, нервишки у тебя, немчура! Никак, в гестапо трудишься?

Из темноты на эту шутку ответило забористое двухголосое ржание.

Из всего произнесённого, обращённого прямо и непосредственно к нему, Фридрих понял только одно слово — «гестапо». Неизвестно, какие мысли и куда поскакали по извилинам его мозга при этом неожиданном повороте дел, но рот Фридриха самопроизвольно открылся и произнёс безо всякого участия хозяина:

— Nicht гестапо! Ich bin…

На этих словах внезапно пришло понимание, что эти русские по-немецки не понимают, и надо немедленно сказать что-то по-русски. Но из всех слов, которые ему удалось запомнить, пролистав немецко-русский туристический разговорник, вспомнилось только слово «спасибо», и ещё, почему-то, «водка». Получилось:

— Nicht гестапо! Ich bin… спасибо, водка!

— Эт-т чё это он? — недоумённо спросил себе за спину Вася.

— Да мы ему, когда жмуров закинули, соточку капнули. Даром, что немец, не погнушался! Поди, спасибо говорит.

— Можа, ещё хочет? — задумчиво пророкотал голос водителя.

— Знаю я, кто ещё хочет! — категорически ответил Вася. — Ладно, заноси мясо, так уж и быть, побалую вас, прохвостов, вскрою заветную заначку. Немец, всё-таки…

И махнул рукой, приглашая немца к себе, в морг.

13

Ряд длинных, обитых жестью столов, практически пустовал. Только на самом дальнем, у стены с дверью во внутренние помещения, стоял, как бюст самому себе, лицом к стене, торс перерезанного пополам то ли трамваем, то ли поездом мужчины. Его ноги, голые, в отличие от одетого в грязную красную рубашку торса, лежали друг на друге поодаль, на другом конце того же стола.

Осмотрев затащенные вручную (чтобы не возиться с носилками) и положенные каждый на отдельный стол (Россия — щедрая душа!) трупы, ночной повелитель морга, по-хозяйски приподнимая губы, осмотрел рты у всех троих усопших.

— Ага, — удовлетворённо сказал Вася. — Что, пассатижей не было?

— Да хер ли нам с его зубов прибыли? Наливай, чего уж там!

И оба труженика труповоза широко улыбнулись. В предвкушении.

Человек в бывшем белом халате хмыкнул и скрылся за дверью.

Пока он отсутствовал, Фридрих с любопытством, невесть откуда возникшим в его душе, осмотрел помещение морга.

Пол из чёрных и белых плиток кафеля, клетчатый, как флаг тамплиеров.

Стены, теперь потрескавшиеся, когда-то были покрашены белой эмалью.

Потолок осмотру не поддавался: свисавшие на проводах длинные белые корытца с заливающими всё пространство трупным синим светом лампами, иронично названными «лампами дневного света», спрятали потолок в густой непроницаемой тени. Казалось, что шевеление мрака наверху происходило от того, что там, головами вниз, висели сотни и сотни летучих мышей-вампиров…

Двери распахнулись (Фридрих вздрогнул) и ночной Вася торжественно вкатил в мертвецкую передвижную каталку для перевозки трупов. Жестяная, удобная для мытья поверхность была застелена бесплатно рассовываемой по почтовым ящикам газетой рекламных объявлений. Поверх бумаги имели место быть: литровая стеклянная банка с прозрачной жидкостью, нарезанный ломтиками чёрный хлеб, отдельной горкой колечки лука, отдельно, на подносе для инструментов патологоанатома, горка кильки слабо солёной. А также четыре разнокалиберные ёмкости: стакан гранёный, чашка чайная красная в белый горошек с

ручкой, чашка синяя в белый горошек с отбитой ручкой и мензурка медицинская.

Тишину обиталища усопших нарушил резкий, громкий и странный звук. Это оба русских, одновременно, не сговариваясь, хлопнули в ладоши и теперь медленно потирали их друг о друга, в то время как по лицам их расплывались широкие счастливые улыбки.

— Сервис, бля, — скромно заметил Вася. — Как в лучших домах Лондóна и Парижа.

И быстренько разлил прозрачную жидкость из банки по индивидуальным ёмкостям. Немцу — в привычный уже ему гранёный стакан. Себе — в мензурку, в чашки — всем остальным. Русские взяли свои ёмкости в руки и лица их приобрели странно торжественное выражение.

Увидев, что все смотрят на него, Фридрих поступил по их примеру: поднял стакан на уровень подбородка… В нос ударил запах спиртного… Совсем уже дрогнув рукой, чтобы вернуть стакан на место и попытаться объяснить, что ему совсем не хочется, Фридрих вдруг стал свидетелем странного явления: воздух над передвижным ложем мёртвых внезапно сгустился, и ирландец из самолёта, появившийся перед Фридрихом по пояс, как разрезанный труп в углу, покачал перед собой пальцем, и, указав на банку, повторил своё распоряжение:

— Хочешь выжить в России — пей водку!

После чего немедленно растворился обратно. Но слова его, особенно прозвучавшие в этой обстановке, показались Фридриху знаком свыше. Поэтому, когда человек в бывшем белом халате качнул головой, произнёс знакомое слово «Прозит!» и русские тут же одновременно опрокинули в рот содержимое своих сосудов, немец, не мудрствуя лукаво, дисциплинированно последовал их примеру.

В этот раз, однако, ему налили не водку. И он застыл с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, медленно затуманивавшимися от слёз недоумения.

— Что, забористое шильце?

Хохотнувший заводящимся дизелем водитель взял двумя пальцами кильку, выглядевшую в его лапах как девушка в руках Кинг-Конга, поднял голову, раскрыл рот и бережно опустил в него рыбку.

— Какое шило! — обиделся Вася. — Благородная медицина! И разбавлено с понятием — в самый раз для иностранца!

Фридрих старался не выделяться. Как все, он брал пальцами кильку и хлеб. Как все, вытирал пальцы и рот аккуратно нарванными кусочками газеты, исполняющими в этом мрачном

застолье роль загробных салфеток. Вот только пить наравне со всеми эту убойную смесь он не мог. Впрочем, хозяева и не настаивали. Сами они заливали в себя огненную воду, точнее — разбавленный спирт, полными ёмкостями, без заметных следов какого-либо воздействия на своё поведение. Лица всех троих были по-прежнему серьёзными и сосредоточенными. Словно они не то делали какую-то работу, не то исполняли некий таинственный ритуал…

14

Когда выпивка и закуска ночного фуршета в морге подошли к концу, хозяин Вася, в последний раз вытерев рот и руки куском газеты, обратился к немцу:

— Ну, и чё нам с тобой дальше-то делать, мил человек?

Фридрих, осторожно опираясь руками на борт каталки покойников, понял, что речь идёт о его дальнейшей судьбе. Поэтому он совершил деяние, уже один раз изменившее сегодня его судьбу к лучшему. А именно: достал и раскрыл свой паспорт, и, повинуясь какому-то неведомому наитию, взял в другую руку адрес гостиницы «Центральная», в которой его ждал заранее забронированный номер.

— Делов-то! — воскликнул Вася. — Подкинешь гостя до Централки.

Водитель крякнул, почесал в затылке, но потом махнул рукой и, удовлетворённым взором окинув неожиданного спутника с ног до головы, указал головой на дверь:

— Ну чё, гражданин товарищ барин, помчались, что ли?

Фридрих кивнул, повесил на плечо сумку, взял в руки кейс и направился к выходу. И только подойдя вплотную к двери, отделявшей царство мёртвых от мира живых, обратил внимание на то, что с внутренней стороны двери на уровне глаз имелась странная надпись, более всего напоминавшая адрес в Интернете: WWW.SATANA.WORLD. Впрочем, в данный момент это его не заинтересовало.

Поездка до гостиницы заняла не так уж много времени, особенно принимая во внимание то, что водитель посадил немца рядом с собой, на переднее сиденье, после чего сказал, не заботясь о том, понимают его или нет:

— Ежели гаишники тормознут, покажешь паспорт и адрес. Не ссы, прорвёмся!

И они прорвались, точнее, их никто не останавливал.

Распрощавшись с попутчиками, Фридрих наконец-то вошёл в холл гостиницы «Центральная». Но тут его ожидал неприятный сюрприз. Забронированный на его имя номер был уже сдан другому постояльцу. И по букве закона совершенно справедливо: время на часах показывало далеко за полночь.

Выражение лица ночного дежурного гостиницы было столь же неприветливым и каменным, сколь лицо ночного Васи из морга — доброжелательно-насмешливым. Пользуясь тем, что в кровь его, заодно с чудовищным напитком, проникла немалая толика азиатского коварства, а также тем, что сотрудник гостиницы

понимал немецкий язык, Фридрих потребовал жетоны для международных переговоров. Мотивируя своё желание тем, что ему нужно предупредить своих коллег ни в коем случае не связываться с гостиницей «Центральная» и всех остальных деловых людей страны о том же предупредить.

Каменное лицо ночного дежурного приняло озадаченное, а затем и озабоченное выражение. И он что-то там нажал под своей стойкой. После чего к ним быстро подошёл некий хорошо одетый господин средних лет с широкой профессиональной улыбкой на лице. Погрузившись в дебри проблемы, господин на хорошем немецком языке объяснил Фридриху, чей паспорт он изучил с дотошностью тайного агента КГБ, что по букве договора Фридрих, увы, совсем не прав. Господин Франц из Швейцарии получил его номер в три минуты по полуночи. В этом месяце все едут в Старицын. Просто какое-то нашествие иностранцев! Но он постарается чем-нибудь помочь. И взял трубку внутреннего телефона.

Подождав три-четыре гудка с высоко поднятыми бровями и деловито выпяченными вперёд губами, незнакомый господин с облегчением вздохнул и на хорошем немецком языке стал объяснять некоему господину Карлу, что внизу томится без спального места его соотечественник. После чего выслушал ответ и, прикрыв ладонью микрофон трубки, шёпотом спросил Фридриха, откуда он.

— Из Германии, — недоумённо ответил тот.

— Точнее, пожалуйста…

— Из Баварии…

— Из Баварии, — повторил в трубку господин. И, услышав ответ, расцвёл торжествующей улыбкой, побежал морщинками от уголков глаз, потом повесил трубку.

— Всё в порядке, господин Карл обещал вам койку на ночь. Будь вы не из Баварии… но вы из Баварии, так что всё в порядке!

По дороге наверх словоохотливый господин пояснил, что Карл снял для своих нужд полулюкс, но проживает в нём единолично. Вторая комната пустует. Так что кров на эту ночь Фридриху обеспечен, но вот на завтра, увы, уважаемому господину из культурной страны придётся поискать себе другое место проживания. Впрочем, гостиница «Центральная» всегда готова помочь своим клиентам, даже бывшим, не состоявшимся или потенциальным. С этими словами господин с улыбкой постучал в двери номера Карла.

Господин Карл широким жестом пригласил соотечественника в номер, а когда дверь за его спиной была аккуратно прикрыта улыбчивым господином, посмотрел в глаза гостя, улыбнулся,

подошёл ближе и, наклонив нос к его губам, несколько раз понюхал воздух. После чего выпрямился и, хохотнув, как недавний водитель, торжественно произнёс, пропустив мимо ушей фразу Фридриха: «Я первый раз в России…»:

— Шило! Провалиться мне на месте, недурственно для новичка!

— Что вы сказали?

— Шило. Русское название для русского напитка: спирт, разведённый водой. Основное содержимое бутылок с самым широко распространённым сортом водки — «бодяжная». Где вас угощали?

— В морге.

— Неплохое начало. Лично я поразил воображение русских тем, что надел кроссовки с портянками. Это их древние носки для сапог. Хотите посмотреть?

И Карл, не дожидаясь согласия гостя, стащил с батареи отопления полосу ткани, которой шустро обмотал свою босую ногу.

— Естественно, это не для хождения по городу, а для поездок «на шашлыки» и тому подобное. Но, естественно, этого было мало, поэтому, когда меня спросили, что я буду делать, вернувшись в Фатерланд, чтобы оправдать свою фамилию, я ответил: «Карл Дениц отправится в Италию, он отыщет внучку дуче — и трахнет её!» То есть, переспит с ней. Запомните, это очень широко распространённый новый русский термин.

Фридрих, смотревший на господина Карла широко распахнутыми глазами, явно под влиянием шила, неожиданно сам для себя, спросил:

— Скажите, господин Дениц, когда я проживу в России столько же, сколько и вы, я стану таким же сумасшедшим?

— А разве вы уже не сошли с ума? — хохотнул Дениц. — И кстати, за каким дьяволом вас понесло в морг?

Фридрих вздохнул и рассказал.

— По этому поводу стоит выпить, — серьёзно заявил хозяин номера. — Шила и водки у меня нет, но найдётся старое доброе пиво. Выбирайте!

И он широко открыл дверцу холодильника.

Фридрих присел перед забитыми пивом полками и внезапно, где-то на самом краешке сознания, вспомнил, что давным-давно, в прошлой, а то и позапрошлой жизни, его звали Ганс Мюллер. Поэтому рука его сама собой протянулась и достала бутылочку пива Миллер. После чего бывший господин Мюллер выпрямился и растерянно поискал глазами открывалку. Господин Карл в очередной раз хохотнул и, раскрыв ладонь, показал Фридриху

мощный золотой перстень на безымянном пальце. После чего, явно рисуясь, неторопливо накрыл ладонью пиво гостя, подцепил краешком ободочка перстня пробку, и с хрустом снял её с горлышка бутылки.

— Поехали, как говорят русские. И — добро пожаловать в Россию!

— Прозит, — серьёзно ответил Фридрих.

И они с поклоном и лёгким звоном чокнулись своими бутылочками.

15

Выйдя из гостиницы при свете дня, первое, на что упал взор Фридриха, это на гигантский, — другого слова не подберёшь! — памятник Ленину. Памятник, как обычно, широко указывал рукой. Пользуясь тем, что рука случайно протянулась в сторону здания, прямо под каменной десницей бывшего русского фюрера расположился рекламный стенд со словами: «Добро пожаловать в гостиницу Центральная!»

Надписи на пяти языках почему-то напомнили Фридриху рекламное объявление о дешёвой распродаже в курортном месте, но продолжить эту мысленную аналогию ему помешало вежливое напоминание, что пора ехать…

Видимо, его ночная угроза насчёт звонка в Фатерланд по поводу антирекламы возымела своё действие. Потому что ещё утром, едва Фридрих выглянул в коридор, к нему тут же подошёл тот самый ночной господин и, улыбаясь во все триста тридцать три зуба, предельно вежливо напомнил, что гостиница «Центральная» готова услужить не только состоявшимся, но даже и потерянным клиентам. Если господин Фридрих прибыл в Старицын хотя бы на неделю, администрация гостиницы, идущая навстречу клиентам, готова направить его по проверенному адресу, чтобы господин Фридрих, буде ему угодно, мог снять себе жильё… Служба такси в городе работает прекрасно, служба доставки продуктов на дом — аналогично, уборку квартиры в любое удобное для клиента время осуществит жена владельца квартиры. Двери в квартиру двойные, железные, имеется сигнализация на пульт вневедомственной охраны, это такая русская полиция, порядочность хозяев гарантирует администрация гостиницы…

Естественно, Фридрих мог только поблагодарить за подобную заботу. На его единственный осторожный вопрос о месте расположения будущего жилья улыбка вежливого господина стала ещё шире. Хотя Фридрих мог бы поклясться на гроссбухе, что подобное невозможно. Тем не менее, улыбка вообще ушла куда-то за пределы ушей, по-видимому, сомкнулась где-то на затылке, после чего господину Фридриху сообщили, что искомая квартира находится в историческом центре города, вблизи официальных учреждений, как то: мэрия, резиденция губернатора, городской суд и так далее…

Квартира оказалась действительно недалеко — по ту сторону моста через русскую реку, не так давно бывшую мечтой многих немцев. Машина резво вскарабкалась по крутому подъёму,

проехала какими-то переулками, закоулками и выехала во двор приличного с виду дома.

Цифровой замок на железной входной двери, светло окрашенный подъезд, чисто вымытые ступеньки бетонной лестницы… Небольшая, но уютно обставленная квартира. Прихожая со шкафом для одежды, ванна в кафеле, импортный санузел, крохотная кухня с холодильником, электроплитой и микроволновой печью. Одна жилая комната без балкона. Широкая низкая кровать, письменный стол, пара кресел, торшер, журнальный столик, телефон. Если возникнет такая необходимость, конфиденциально шепнул вежливый господин, можно арендовать компьютер и вход в Интернет.

Цена оказалась вполне приемлемой, на уровне гостиничного номера. Поэтому Фридрих решительно согласился. В течение последующих пяти минут были подписаны все необходимые бумаги на фирменных бланках гостиницы «Центральная». Постояльцу вручили ключи, выложили на стол из портфеля две памятки иностранцу о правилах выживания в городе, карту города на немецком языке и оставили номер телефона, по которому господин Фридрих всегда мог позвонить в службу вежливого господина и получить любую помощь, совет, либо консультацию…

Оставшись один, Фридрих неторопливо прошёлся по квартире. Позвенел на кухне хрустальными стаканчиками для водки, справил малую нужду в унитаз, вымыл руки, подошёл к окну и отдёрнул в сторону полупрозрачные воздушные занавески. По ту сторону улицы, как ему уже сообщили, располагалось здание МВД, то есть управление полиции. Фридрих осмотрел пространство между вытянувшимся вдоль улицы длинным телом полицейского управления и собственно самой улицей. Отметил наличие памятника кому-то перед управлением. Затем Фридрих задумчиво посмотрел на само здание, ничего такого не думая, но внезапно ему показалось, что оттуда, из одного из окон, на него смотрят в бинокль. Непонятно почему пришедшая в голову мысль заставила Фридриха задёрнуть занавески и подумать над своими следующими шагами.

16

Решение идти в мэрию возникло как-то само собой.

В приёмной мэра было многолюдно. Слышались разговоры на нескольких языках, туда и сюда сновали озабоченные клерки. На вопрос Ингера, как скоро он может поговорить с мэром, ему ответили, что буквально минут через пятнадцать-двадцать. Сразу же после того, как заканчивающая свою беседу группа иностранцев закончит своё дело. На вежливый вопрос, как скоро подойдёт его очередь, ведь в приёмной есть ещё люди, секретарша удивилась: «Вы же иностранец! Это наши, они подождут».

Отойдя в сторону и сделав вид, что рассматривает что-то там висящее на стене, Фридрих задумался над этим странным предпочтением.

«Нет, это, конечно же, хорошо… — думал Фридрих. — Не стоять, не ждать своей очереди. Но почему русские чиновники ставят иностранцев выше своих соотечественников? Им что, платят иностранцы?.. Попробовал бы кассир в нашем банке отогнать от окошечка немцев, чтобы обслужить зашедшего турка!.. Или это осталось от русского царя Петра? Царь Пётр, как нас учили в школе, ставил иностранцев выше русских. Он создал чиновников и приучил их восхищаться иностранцами. Это должно было очень нравиться иностранцам. А то, что нравится иностранцам, в свою очередь нравилось русским чиновникам… Какая глубокая верность традициям у этих русских! Давно нет Петра, давно нет царей, а традиции чиновников — остались…»

Неизвестно, до чего бы ещё додумался Фридрих, но в этот момент его позвали.

Мэр Старицына оказался похож на снежного гигантопитека в костюме. Большой и с лицом, как груда сваленных вместе обломков скал. Он стоя поприветствовал Фридриха Ингера, затем указал рукой на кресло напротив и сам сел только после того, как на кожаное сиденье опустился немецкий гость. Справа от кресла мэра притаился тихий, как мышка, переводчик.

Фридрих вздохнул и пересказал свою историю. Как попал в аварию, как остался наедине с трупами на тёмном, мокром шоссе. Сообщил о том, что в настоящий момент представляет благотворительный фонд. И закончил тем, что предложил организовать фирму по перевозке трупов.

— Моя работа в благотворительном фонде оставляет у меня свободное время, — неторопливо говорил Фридрих, удивляясь своим собственным словам.

— … поэтому я готов сам нанять машину, на свои деньги, это тоже можно рассматривать как вариант благотворительности. Я привёз с собой свой сотовый телефон. Как только его подключит одна из местных фирм сотовой связи, я тут же сообщу вам свой номер. Вы сообщите этот номер всем заинтересованным структурам… Только вы должны оплачивать деньги водителю и бензин. Не поймите меня неправильно, господин мэр, все поездки по делам фонда я буду оплачивать сам. Речь идёт только об оплате рейсов по доставке трупов в морг. Я готов предоставлять вам, или кому вы скажете, списки расстояний с точностью до пяти метров и время работы с точностью до десяти секунд.

— Это лишнее, — благосклонно поднял ладонь мэр. — Естественно, каждый труд должен оплачиваться. И идея, которую вы сейчас предложили, это очень, очень хорошая идея. Перестройка, знаете ли, строительство демократии, на уборку трупов просто не остаётся времени… Я рад, рад. Можно даже сделать проще: мы обговорим ваше предложение в заинтересованных кругах и, может быть, придём к тому, что будем выплачивать вам какую-то сумму за каждый перевезённый вами труп.

К сожалению, сам я не вправе единолично решать вопросы, относящиеся к компетенции МВД. Поэтому сейчас я позвоню туда, а вам будет лучше, если вы не заняты, прямо сейчас пройти в управление, — знаете, где это? ну, вы просто примерный гость! — и сказать дежурному у входа, что вы от меня. Вас проводят и там, на месте всё и решите…

17

Память не подвела Ганса Мюллера, бюст перед зданием управления милиции оказался памятником Дзержинскому.

В вестибюле управления МВД, рядом с дежурным, немца уже ожидали.

— Господин Фридрих Ингер? Следуйте за мной.

Слов Фридрих по-прежнему не понимал. Но кивок головой и указующее движение руки было вполне понятно и без переводчика. Взбежав по лестнице на третий этаж, молодой сопровождающий подвёл гостя к двери, три раза стукнул по ней костяшками пальцев и указал на неё открытой ладонью. После чего отдал честь и удалился.

Услышав из-за двери приглашение войти, произнесённое на восточно-берлинском диалекте, Фридрих понял, что на сей раз беседа будет происходить без участия переводчика. И оказался прав.

Войдя, посетитель оказался в обстановке служебного кабинета. Кто бывал хоть раз хоть в одном служебном кабинете, тому не надо описывать этого ощущения. Меняются детали, язык надписей, мебель и канцелярские принадлежности, но сам дух служебного кабинета узнаётся с первого взгляда, первого звука, даже первого запаха, если так можно выразиться.

— Полковник Мороз, — представился хозяин кабинета и приветливо указал рукой на кресло у окна.

Усевшись поудобнее, Фридрих автоматически выглянул в окно и что-то в этом виде показалось ему смутно знакомым. Постойте, да это же прямо напротив окна его новой квартиры! Повинуясь неясно выраженному желанию, он спросил:

— Простите, полковник, это не вы сегодня смотрели на меня в бинокль?

— Я, — ответил полковник. — Интересно было, что там за новый наркобарон объявился в интересной квартире.

Увидев вытаращенные глаза и широко открытый рот гостя, хозяин кабинета усмехнулся и успокаивающе махнул рукой, — не беспокойтесь, мол…

— Ладно, это дела прошлые. А мы, служивые люди, живём большей частью настоящим… Позвонили мне тут от нашего градоначальника про вашу проблему. Интересно, признаться, интересно. За время этой перестройки разные к нам гости приезжали, разные. Жизни учили, секретов там каких-нибудь по дешёвке приобрести, ещё чего, что плохо лежит, приватизировать. Но чтобы вот так вот, напрямую, помогать в землю укладывать, —

такого ещё на моей памяти не бывало, признаться!

Несмотря на то, что тон полковника был более близок к иронии, чем к обвинению, Фридрих поспешил объяснить, что он, собственно, прибыл в Россию совсем с другими целями. Кладбище военнопленных, лютеранская кирха… благотворительность, не более чем!

Полковник Мороз слушал его жаркие, но поневоле путанные объяснения молча, с лёгкой, ни к чему не обязывающей улыбочкой, склонив голову и спрятав глаза. Чтобы по выражению их гость не мог догадаться об истинных чувствах полковника, какими бы они ни были. Когда же господин Мороз поднял наконец-то глаза, в глубине их было не более чем мягкое, где-то даже сострадательное, но в целом благожелательное отношение к заезжему.

— Ну что же, господин Ингер, криминала в вашем желании не обнаруживается. Скажем больше — при нынешнем положении дел помощь ваша представляется нам даже своевременной. Формальности в вашем деле представляются мне попросту минимальными. Так что как только подсоедините свой сотовый и арендуете машину, зайдите в мэрию, вам выпишут бумагу — и трудитесь со всей вашей благотворительностью! А теперь — чай, кофе? Нет? Пиво? Водка?

— Шило? — спросил Фридрих, некстати вспомнив новое русское понятие.

Полковник поднял брови в жесте, должном обозначать удивление.

— Для новичка вы неплохо ориентируетесь… Нет, вынужден вас разочаровать, шила не держим. Очень уж убойная смесь. Может, лучше рюмочку коньяка?

Фридрих набрался смелости:

— Скажите, если это не секрет, почему именно — шило?

Мороз правильно понял его слова. Улыбнулся и щёлкнул себя пальцем по горлу.

— Очевидно потому, что хорошо вонзается… Ну, если вы торопитесь, то вот вам на прощание.

И вручил небольшую книжицу «Инструкции о необходимых мероприятиях при внезапном обнаружении трупа».

— При дежурных вызовах не используется. Желаю удачи, господин Ингер. Надеюсь, ещё увидимся!

И полковник Мороз обворожительно улыбнулся, а в глазах его мелькнули лукавые огоньки. Как будто он знал намного больше того, что сказал. Впрочем, при такой профессии это скорее нормальное положение дел.

18

Через два дня Фридрих оказался официальным директором совместного российско-германского предприятия по перевозке трупов в древнем городе Старицыне…

Подключение сотового телефона не представляло вообще никакой проблемы. Нет, сначала, когда Фридрих зашёл в компанию мобильной связи, арендующую своё помещение прямо на территории главпочтамта, его не поняли. Потом, выяснив, что обе стороны понимают английский язык, перешли на него. Но если из уст господина Ингера выходили звуки классического Оксфорда, то из уст его собеседницы исходили звуки, весьма тонко охарактеризованные великим русским драматургом Грибоедовым как «смесь французского с нижегородским». Очевидно, именно по причине не совсем корректного языкового контакта сотрудница фирмы попыталась объяснить господину Ингеру, что тому следует купить в их фирме ещё один сотовый телефон. На что потенциальный клиент очень удивился и сказал, что телефон у него уже есть, в доказательство чего вынул аппарат из кейса и положил его на стол. Однако сотрудница продолжала настаивать, упирая на глагол «купить». К счастью, к столу оформления заказов подошёл некий вежливый господин, чем-то напомнивший гостю города незабвенного вежливого господина из гостиницы «Центральная». Быстро вникнув в суть проблемы, вежливый господин расширил свою улыбку до ширины необъятной России, лёгким движением брови испарил прямо в кресле непонятливую даму, присел изящно на освободившееся место. Вторым движением брови создал у стола молодого человека в синем форменном комбинезоне с отвёрткой в нагрудном кармане. Короткий жест, энергичное слово — и вот уже телефон заморского гостя обретает официальный русский статус, на столе волшебным образом возникает бланк договора… Через короткое время Ингер встал из-за стола не только обладателем функционирующего аппарата, но и владельцем ручки шариковой с эмблемой фирмы сотовой связи, сувенирным блокнотом с эмблемой фирмы и её адресом, а также глянцевым календариком на текущий год, украшенным с лицевой стороны счастливой головой девушки с телефоном возле уха, а также неизбежным адресом и эмблемой фирмы…

Студент института иностранных языков, знакомый личного переводчика господина мэра, лично вычитал газету объявлений в поисках водителя с автомобилем требуемых характеристик, желающего исполнять работу по найму. Очевидно, вследствие

пережитого, Фридрих пожелал получить в своё распоряжение нечто вроде копии того автомобиля, который послужил ему долгожданным спасителем на месте аварии. И получил его. На такси, в сопровождении переводчика, Ингер подъехал к дому ищущего работу водителя, осмотрел автомобиль и побеседовал с самим водителем. Характер перевозимого груза не вызвал в нанимаемом водителе никаких эмоций. Соучастие в погрузке трупов — тоже. Обговорив размер оплаты, график работы и обязанности, Фридрих в сопровождении переводчика посетил редакции газет, радио и телевидения, где и дал рекламные объявления о новом старицынском бизнесе. На всякий случай. Если перевезти труп потребуется и какому-нибудь частному лицу тоже…

С номером телефона и автомобиля, а также знакомым переводчика они вернулись в мэрию. Где Ингер и получил документ на официальном бланке, утверждающий его в новом звании и должности…

Одним словом, вся эта неизбежная суета пролетела, как вереница кадров комикса, почти без слов, под аккомпанемент лёгкой музыки.

Собственно говоря, все хлопоты, вместе взятые, могли занять и меньше одного дня. Административный ресурс мэрии, надо признаться, стоит в городе немало. Всё дело в том, что молодой студент вместе с Фридрихом Ингером потратили почти сутки на то, чтобы составить краткий немецко-русский и русско-немецкий разговорник. Для конкретного применения в предельно конкретных условиях. Была закуплена карта города, Ингер спешно обучился читать по-русски. И даже запомнил некоторые слова и выражения повседневного обихода. То ли в немце присутствовала способность к языкам, то ли неожиданный стресс по приезде сыграл свою роль, кто знает…

Одними словом, через два дня пребывания в городе господин Фридрих Ингер спокойно заснул в своей арендованной на полгода квартире, даже и не подозревая, какие сюрпризы готовит ему его странная деловая инициатива.

19

Первый день нового трудового поприща дал всего четыре трупа. Все четверо усопших были отвезены в первый городской морг, дежурный на тот день.

Первый труп, положивший почин новому бизнесу, забрали с места автомобильной аварии. Кажется, эти железные чудовища собрались преследовать его всю оставшуюся жизнь… А впрочем, ничего особенного: не справился с управлением, врезался в столб, колонка рулевого колеса раздавила грудную клетку. Подъехали, надели грубые резиновые перчатки, за руки, за ноги, раскачали — и в фургон.

Принимающий в морге тоже не особо удивился совместному предприятию. Ткнул пальцем, в какой строке расписаться, бросил бумагу поверх трупа и буднично повёз каталку внутрь. И никаких там вась-вась. Не Вася оказался.

Второй и третий трупы принадлежали наркоманам. Второй вколол себе «золотой укол» в местном ночном клубе и его обнаружили только утром, когда уборщица не смогла открыть одну из кабинок туалета. На теле имел место «клёвый прикид», как выразился наёмный водитель. Явно не из бедных слоёв населения. Впрочем, золотых украшений, равно как и иных ценных вещей и документов на теле не имелось. По понятным причинам.

Третий труп, второго наркомана, подобрали на территории бывшей воинской части. Ныне — приюте бомжей, наркоманов и «беспризорников», как называют в обновлённой России детей, лишившихся, — в процессе обновления, — дома, родителей или всего сразу. Длинный, нескладный подросток в одежде из мусорных баков или «секонд хенда» упал, пребывая в состоянии наркотического опьянения, в раскрытый люк канализации. Отчего с макушки до пояса оказался покрыт какой-то дурно пахнущей слизью. Водитель споро расстелил на полу фургона лист прозрачного пластика, чтобы не пачкать пол, и под непонятные пока Фридриху комментарии со стороны невесть откуда взявшихся бабушек и тёток, руки в резиновых перчатках с размаху закинули труп внутрь.

Четвёртый труп оказался приличным дедушкой-сердечником, одиноким пенсионером, умершим в ожидании приезда «скорой помощи» в своей квартире. Когда тело выносили, у входа в подъезд с осиротевшей квартирой уже толпилась кучка каких-то странных, похожих на завозимых в Германию беженцев по квотам ООН, — не то из Бангладеш, не то прямо из-за пазухи самого

дьявола. Во всяком случае, лица их и формой и цветом ну очень походили на некоторые средневековые изображения чертей.

Следующий вызов пришёл с мусорной свалки за городом. Это было что-то. Огромное, холмистое от вновь вываливаемых из подъезжающих мусоровозов куч мусора, — поле. То тут, то там из-под его поверхности возносились к небу столбики дыма. Отчего казалось, что свалка имеет внутри себя второй этаж, где обитают совсем уже странные существа. Хотя внешний вид «бомжей», то есть людей свалочной национальности, уже заставлял думать, что ты находишься внутри декораций фильма о последствиях ядерной войны или падения гигантского метеорита. В поисках трупа машина Фридриха объехала половину свалки и увиденное вполне вписывалось в изложенную выше концепцию: вот два новых русских бомжа жарят надетую на лыжную палку свежеободранную собаку, содранная шкура изящно наброшена на растущий рядом куст; вот группа существ непонятного пола, возраста, расы и нации роется в большой куче отходов… причём кажется, что часть вырытого поедается ими на месте…

И так далее…

Труп в конце концов обнаружился у будки местного начальства, которую водитель, находчивый, как и все русские, вычислил по телефонным проводам, натянутым на самодельные столбы по обочине свалки.

Администрация свалки помещалась в фургончике, напоминающем перевозное американское жильё. Только не на колёсах, а на двух бетонных блоках и с короткой деревянной лестницей к двери. Оказывается, свалка была доходным предприятием, принадлежащим какому-то новому русскому, о чём Фридриху поведал водитель, перемежая свои слова постоянными артиклями «бля» и «мать». Собственно, о смысле произносимого водителем Фридрих мог только догадываться, но как ещё прикажете понимать слово «бизнесмен», произносимое с особой интонацией и указанием пальцем в окно, на мусорное поле, а также слово «пролетарии», произносимое неоднократно и с кивками на тружеников свалки? Впрочем, Фридрих не особо вслушивался. И по-русски-то ещё не понимал, да и сюрреалистический вид нового, потайного мира полностью приковал его внимание…

С бомжа водитель жестами приказал содрать покрывавшие его лохмотья. И только увидев насекомых, покидающих как остывшее тело, так и срезанные с тела тряпки, Фридрих понял всю глубину мудрости его решения. Но на всякий случай дома тщательно осмотрел свою одежду, а по телефону службы доставки товаров на дом иностранцам заказал парочку

баллончиков с аэрозолями от бытовых насекомых — для фургончика, а также бутылку шнапса и ящик пива Миллер — для себя.

20

Весь второй день водитель был хмур или сосредоточен. И вряд ли это было связано с тем, что весь сегодняшний день они возили трупы не в городской морг, а в морг больницы номер восемь. Всё равно они не заходили внутрь, а вся внешняя разница заключалась в личности, одетой в застиранный, бывший белый халат, да в разном жизненном пути каталки для завоза трупов с улицы в помещение.

Почин сегодняшнему дню открыла пара подростков, шагнувших с крыши девятиэтажного дома, взявшись за руки, и не разжавших рук даже в смерти. Две девочки лет 14–15. Около подъезда собралась целая толпа как из этого, так и близлежащих домов. Несколько женщин разного возраста, очевидно, родственницы самоубийц, вопили в голос. Не рыдали, не плакали, а именно — вопили. Одна из них мяла в руках, пыталась порвать, но не могла, цветные плакаты с изображением каких-то певцов: на сцене, с микрофонами, в лучах прожекторов. Другая ломала хрупкие лепёшки лазерных дисков заодно с прозрачными пластиковыми коробочками и цветными картинками внутри них. Несколько обрывков, яростно разбрасываемых женщинами, долетели до ног Фридриха. Не нагибаясь, он увидел на них какие-то страшно загримированные сценические личины, лес рук, растопыривших пальцы в жесте, именуемом «голова дьявола». Реклама…

— Was ist das? — непроизвольно спросил Фридрих на родном языке.

— Ю из дойч? — спросил кто-то чуть сбоку и сзади. Он обернулся.

Судя по виду, рокер или байкер, Фридрих не знал, как это называется правильно. Ну эти, мотоциклы, повязки на головах, кожаные куртки, цепи, усы, пиво и так далее.

— Говоришь по-английски? — с запинкой, но достаточно понятно спросил тот.

— Yes, — автоматически ответил немец.

— Это ты есть дойч, приехать вчера, реклама, мёртвые? — ломано, но понятно спросил усатый, с интересом поглядывая на собеседника.

— Я, — ответил тот.

— Вместе убить себя. Оставить писать бумага. Причина — тот, кто петь. Фатум- музыка.

— Фатум-музыка? — поднял брови Фридрих.

— Ну да, yes, рок, судьба, фатум. Русский язык означать

равно. Рок-музыка, фатум-музыка. Ехать крыша.

— Крыша?

Усатый постучал по макушке.

— Голова, крыша, уйти сторона, голова уехать.

— Сошли с ума, хочет сказать эта дубовая башка, — послышалось с другой стороны.

Девушка-рокер. То же, но без усов. Английский гораздо понятнее.

— Кумир обкололся героином и завёл себе новую шлюху. Эти дуры решили умереть. По-вашему, тинэйджеры, по-нашему, «мокрые щели», без царя в голове. Дуры. Пороть их надо.

Сбоку послышались вопли. Все обернулись на шум. Взрослый мужчина, в совершенно жутком возбуждении ловил за воротник рубашки мальчишку примерно одних лет с самоубийцами. Тот выворачивался, орал что-то, скулил, пытался выхватить из рук мужчины лазерные диски, аналогичные уничтоженным родственницами погибших. После двух-трёх попыток мужчина совершенно разозлился, отбросил мешавшие ему предметы, схватил мальчишку двумя руками. Засунул его голову себе между ног, зажал коленями, обе руки вывернул и прижал к согнутой спине левой рукой. Правой вытащил из своих брюк широкий ремень и, перехватив его поудобнее, принялся со звонкими шлепками с силой прикладывать его к мягким частям тела пониже спины нагнутого подростка.

— Так их, — одобрительно сказала девушка. — Драть, как сидорову козу.

— Что это?

— Да отец сына воспитывает. Раньше надо было. Но и теперь не поздно. А этих дур жалели. Дожалелись. Ну и чёрт с ними. Всё равно, рано или поздно, если нет внутри железа, всё заканчивается одинаково. Если твой характер мягкий, как свежее дерьмо, ты труп по жизни.

Рокер — байкер или как его там, с восхищением смотрел на свою подругу.

Девушка поймала его взгляд и усмехнулась. Затем поставила свою уже пустую банку из-под пива на голову бой-френда. И, ловко развернувшись, сшибла её ногой.

— Вот так.

Рокер — байкер почесал макушку и спросил:

— А Монах?

Девушка поморщилась, но, поймав вопросительный взгляд Фридриха, неохотно пояснила:

21

— Это в соседнем городе. Там мальчишки с собой кончали. Игра такая, компьютерная. Нового поколения. Надо играть сто дней, чтобы пройти все уровни. Если в конце проигрываешь, главный компьютерный злодей, Монах, назначает тебе дату смерти. Тоже дураки. Или зомби. Боюсь я этих новых компьютеров. Я сама программист. И я скажу тебе, немец, что для программирования первого «пентиума» выше крыши. Ну, более чем достаточно. Всё остальное — для игрушек. Вот они-то и есть самое зло.

Водитель Фридриха подошёл к уже оседлавшим свой мотоцикл и что-то сказал.

— Твой водитель, немец, просит, чтобы я сказала тебе, чтобы ты достал для него у ментов, ну, у дорожной полиции, разрешение, чтобы ему пить водку за рулём. Слабенький он у тебя, нервный. Гони ты его.

И мотоцикл с рёвом и скрежетом шин сорвался с места.

Фридрих оглянулся.

Пока он беседовал, в толпе произошли некоторые изменения. Судя по происходящему, некоторые из родителей, проживающих рядом с местом происшествия, решили последовать примеру своих соседей. Во дворе хрустели разбиваемые виниловые пластинки и лазерные диски, горели разорванные и целые плакаты с изображениями разных сценических кумиров. Кого-то таскали за волосы, кого-то пороли. Запомнилось совершенно безумное лицо с вытаращенными глазами, широко раскрытыми накрашенными губами и вытянутыми вперёд руками. Разинутый рот издавал совсем уже не человеческий звук, а руки дрожали в тщетной попытке схватить сжигаемое изображение кумира. По сторонам свалки стояли две пары милиционеров и со смехом смотрели на происходящее. Про мёртвых все забыли.

Тихо погрузив тела, Фридрих и водитель незаметно удалились с места описанных событий под звуки песни, вылетавшие из одного из раскрытых во множестве окон:

Strangers in the night

Exchanging glances Wond'ring in the night

What were the chances We'd be sharing love

Before the night was through…

Остальные трупы были менее эмоциональны: сварившийся заживо бомж в колодце, где прорвалась труба горячей воды. Собирали совковой лопатой по частям в пластиковый мешок, потому что мясо отстало от костей… Один наркоман с трассами

от уколов во всех местах тела, отчего со стороны его голый труп казался покрытым какой-то странной татуировкой… Одна пожилая женщина в возрасте, скончавшаяся от сердечного приступа во время проведения одного из бесчисленных политических пикетов. Широко разинутый рот, упорно не закрывающиеся глаза, седые волосы, деревянная ручка от транспаранта в намертво сжатых руках. Забирали от стен мэрии в полном одиночестве. Остальных протестующих оттеснила в сторону милиция. От стоявшей метрах в ста смешанной милицейско — пикетной группы слышались возмущённые голоса… Одна жертва пьяной ссоры с осколком бутылки в черепе. И один утонувший по пьяному делу три дня назад, а всплывший только сегодня. Синий, раздувшийся. С запахом.

Шнапс уже не помогал. Пришлось купить водки.

В первый раз выпив в одиночестве пол литра водки, Фридрих забылся в дрёме прямо за столом. И очнулся только тогда, когда знакомый голос жены окликнул его: «Ганс!»

Вздрогнул, поднял голову. Его Хильда, только какая-то прозрачная, как будто сотканная в воздухе из сигаретного дыма, сидела за столом напротив него. На ней было надето её любимое платье. Не то, в котором она сгорела в машине.

— Я понимаю, что ты страдаешь, Ганс. Я понимаю, что ты хочешь забыть нас. Наши пути разошлись. Мы в мире загробном, ты здесь. Но ты выбрал не лучший способ. Постоянное присутствие смерти в твоей жизни будет только напоминать тебе о нас. Сходи в церковь, Ганс. Очисти свою душу…

Фридрих потянулся вперёд, но его дрожащие пальцы прошли сквозь призрачную плоть Хильды. Жена, до боли знакомым жестом склонив набок голову, улыбнулась ему и медленно растаяла в воздухе. А он так и остался за столом, вознеся над опрокинутой пустой бутылкой из-под русской водки свою бессильно протянутую в вечность руку.

22

На следующее утро, повинуясь приказу своей покойной жены, герр Фридрих отправился в церковь. Точнее — он решил посетить ту самую старинную лютеранскую кирху, на полную реставрацию которой было выделено четыре миллиона дойчемарок.

Лютеранская кирха нисколько не отличалась от своего изображения на фотографиях, вручённых тайному ревизору. Она явно не изменилась ни на йоту со времени своего последнего фотографирования. Забор из сетки-рабицы, груды кирпича с разрушенных верхних этажей, маленькие деревья, выросшие на карнизах и крыше, какие-то ржавые железные полосы, торчащие из стен, ржавый железный лист, свешивающийся с крыши и жалобно поскрипывающий под лёгким ветерком… Никаких следов реставрации. Единственное проявление жизни, не зафиксированное беспристрастной фотоплёнкой — это два лица свалочной национальности. Так называемые бомжи, вяло таскающие полупустые носилки с кирпичами.

— Одно из двух, — сказал сам себе Фридрих. — Или господин свалки превращает свалку в церковь, или церковь — в свалку. Иначе что тут делают бомжи?

Зачарованный картиной посмертного надругательства над зданием, немец ходил кругами вокруг церкви, пока его не взял за локоть какой-то мужчина.

Медленно прочитав по буквам русское имя «Гаврилин» и звание «майор» на удостоверении, предъявленном ему задержавшим его человеком, Фридрих предъявил ему свой паспорт. Майор внимательно изучил его и, перейдя на английский, пояснил:

— Приходится быть бдительным. Вон, в Америке, — бомбу взорвали. Теракт! А вы тут, я смотрю, битый час на задворках управления МВД прогуливаетесь. Подозрительно.

— Я вас понимаю, — ответил Фридрих.

Майор козырнул и откланялся.

Водитель безмолвствовал.

Фридрих поискал и нашёл на карте адрес старого кладбища военнопленных.

Водитель вздохнул, потёр подбородок и отвёз.

Как и ожидалось, реставрация кладбища шла теми же темпами, то есть — никак. Ограда полуразрушена, могилы… Main Gott!!! Что с могилами?

Нет, сами могилы не были разрушены больше, чем их разрушило время. Но вот вокруг — вокруг надгробий в изобилии

валялись пустые шприцы наркоманов, использованные презервативы, раздавленные пластиковые стаканчики, а также бездна пробок от бутылок и осколки стекла. Целые бутылки, как это было принято в обновлённой России, собирали всё те же вездесущие бомжи.

Фридрих выпрямился, глаза его сверкнули, ноздри раздулись, кулаки сжались. Достаточно равнодушно относившийся к религии, он был до глубины души оскорблён этим…

Сев в кабину, быстро и ожесточённо пролистал свои записи, после чего обратился к водителю по-русски:

— Вы есть оскорблять мёртвый враг?

— Чего? — не понял водитель.

Фридрих выскочил из машины, распахнул настежь дверцу со стороны водителя, вытащил за руку не сопротивлявшегося этому русского, и потащил своего работника на территорию кладбища.

— Was ist das? Что есть это?

Водитель довольно равнодушно оглядел неприглядную картину и переспросил:

— А чё?

Фридрих заглянул в глубину его глаз… Но не увидел там ничего, кроме искреннего недоумения. Его работник и в самом деле не понимал причины возмущения своего работодателя!.. И слова немца «ехать русский кладбище» тоже воспринял спокойно, только спросил «на какое»?

— Любой русский кладбище.

— Любой так любой, отвезём, чего ж не отвезти, коли деньги платят…

И они посетили по очереди ТРИ русских кладбища в черте города.

И везде наблюдалась одна и та же картина: большее или меньшее количество шприцов, презервативов, осколков стекла…

— Что случиться кладбище?

— А что случилось? Народ гуляет.

— Гулять — кладбище? Что случиться Россия?

Водителя, как показалось Фридриху, наконец-то немного разобрало.

— А демократия, мать твою, случилась! — рявкнул он, совершенно не заботясь о том, понимают ли его.

— Демократия есть хорошо, — сказал Фридрих. — Демократия народ гулять есть. Но народ есть гулять клуб, разный место танец.

Водитель повернулся лицом к Фридриху, с размаху шлёпнул левой ладонью по правому бицепсу, отчего его правая рука согнулась в локте, и внушительный кулак водителя закачался где-

то посередине между его носом и носом немца.

— Вот русский гулять клуб! — рявкнул водитель, вертя задранным кулаком. Потом быстро-быстро потёр большой, указательный и средний палец друг о друга.

— Мани, мать твою, мани, бля, нету! Клуб, место танец — мани-мани давай! Новый русский мани-мани на кармане!

Водитель сопровождал свою речь изощрённой, но доступной для понятия жестикуляцией: шлёпал себя по карману, выворачивал оба кармана, отчего казалось, что у его штанов вырастали уши, и, конечно же, время от времени повторял жест с бицепсом и кулаком.

— Старый русский мани — во! (шлепок по бицепсу) Мани (шевеление пальцами) новый русский (удар по карману)! Русский мани во (шлепок по бицепсу)! Русский — кладбище гулять! Новый квартир привыкать, твою мать!

— Русский гулять кладбище? Warum? Почему? Русский нет денег? Россия есть спутник, Гагарин, космос! Россия есть великий страна! Warum? Почему есть это?

— Почему? — водитель почесал в затылке. — Тут без бутылки не разберёшься.

Залез за спинку водительского сиденья, достал оттуда бутылку водки. Сорвал пробку, привычно отбросил её поодаль от себя, раскрутил бутылку несколькими движениями, поднял голову, опустил в раскрытый рот горлышко и начал жадно пить водку большими глотками. Отхлебнув полбутылки, опустил сосуд и несколько раз вздохнул, переводя дух.

Вспомнив наставления друга переводчика мэра и завет ирландца, Фридрих покачал перед собой указательным пальцем, глядя при том в глаза водителю.

— Ты есть пить один?

Водитель с интересом посмотрел на немца.

— А на! — сказал он и протянул бутылку.

Фридрих решительно взял в руки протянутый сосуд и вдруг понял, что он ещё никогда не поступал таким образом. Но — отступать? Никогда! Решительно поднёс горлышко бутылки к губам и сделал, превозмогая себя, несколько глотков. Однако уже через несколько секунд жжение в пищеводе заставило его прервать это безумство. Он протянул бутылку водителю, а сам, стараясь закрыть от окружающих своё немыслимо исказившееся лицо, закрыл его поднятой левой рукой. И судорожно, рывками, вдохнул в себя воздух. Прямо через ткань пиджака. Стало немного легче.

— Ну ты даёшь! — совершенно откровенно изумился водитель. — Да кто ж тебя научил рукавом-то занюхивать!

В свою очередь понюхав рукав, снова раскрутил бутылку и допил оставшуюся водку. Ещё раз, со вкусом, понюхал свой рукав. Потом поискал глазами и отбросил бутылку за ближайшую могилу. Из-за двух могил с двух сторон выскочили два бомжа и, пригибаясь, как солдаты под обстрелом, кинулись к пустой бутылке.

Завязалась драка.

Посмотрев на безобразное зрелище, водитель крякнул, махнул рукой, повернулся к нанимателю и сказал:

— Сегодня надо выпить. День потерян.

Фридрих вздохнул, оторвал взгляд от вонючего клубка бомжей, ещё раз окинул взглядом кладбище и согласно кивнул. Сегодняшнее нервное потрясение действительно следовало нейтрализовать водкой. Ирландец был решительно прав.

23

Водитель довёз Фридриха до проходного двора, ведущего к подъезду новой квартиры немца, выпросил себе на новую бутылку и уехал. Выпитое нисколько не повлияло на его мастерство вождения. Фридрих покачал головой и посмотрел на проезжающие автомобили. Представил себе, что ВСЕ едущие только что выпили по бутылке водки, и потряс головой. Потом отчаянно махнул рукой и пошёл проходным двором.

Во дворе стоял джип «Чероки», любимое средство передвижения новых русских бандитов. В раскрытую боковую дверцу джипа грузил ящик с какой-то дорогой водкой здоровенный молодой парень в национальной одежде охранника, — камуфлированном для боевых действий в лесах костюме. Рядом стоял, приложив к уху сотовый телефон, явный хозяин джипа. Стоял себе и покачивал головой, шевелил мышцами лица, слушал. Наконец наморщился и, оторвав от уха телефон, положил коробочку в карман дорогого малинового пиджака с золотыми пуговицами. Посмотрел на приближающегося немца.

Выпитая водка придала Фридриху не свойственную ему до того решимость в поступках. Поэтому он остановился прямо перед хозяином джипа, упёр руки в бока и, глядя прямо в глаза собеседнику, напрямую спросил:

— Ты есть новый русский?

— А ты кто? — настороженно спросил тот.

— Я есть, — немец махнул рукой в воздухе, вспоминая: кто он, — Я есть Фридрих Ингер!

— И чего ты тут делаешь? — всё так же настороженно спросил собеседник.

— Я есть возить новый русский труп! — гордо ответил Фридрих.

Собеседник полез рукой во внутренний карман малинового пиджака, но ничего оттуда не вынул, только отступил на пару шагов.

— Есть новый русский бандит, — беспрепятственно продолжал Фридрих, оставаясь стоять всё в той же, невесть откуда взявшейся позе. — Есть новый русский бомж! Я есть возить новый русский мёртвый! И я хочу спросить тебя, — кто ты есть, новый русский?

Охранник в камуфляже, белобрысый парень с явно выраженными славянскими чертами лица, обошёл немца, заглянул ему в лицо и обратился к своему шефу:

— Да это труповоз новый из мэрии. Немец который. Только врезал здорово.

Настороженное выражение лица хозяина джипа сменилось на неуверенное.

— А ну покажи паспорт!

— Аусвайс, — пришёл ему на помощь охранник.

Фридрих беззаботно махнул рукой, вынул из внутреннего кармана паспорт, раскрыл его и протянул внутренней стороной в сторону русских: и нового, и старого. Новый русский, пузатый и пучеглазый горбоносый брюнет с синими от щетины щеками, наклонил голову вперёд, всматриваясь. На лице его отразилось явное облегчение.

— А, вон ты кто!.. Слышал я, что в нашем доме немец новый есть, а это ты и есть?

— Я нет есть новый немец, я есть дойч. Альт дойч, старый.

— Выпить хочешь? — спросил новый русский кавказской национальности.

— Хочу! — твёрдо ответил Фридрих. Ему было уже всё равно. Доза из бутылки водителя, всего лишь занюханная рукавом, продолжала оказывать своё сокрушительное действие.

— Тогда залазь! — предложил хозяин джипа и кивнул на свой автомобиль.

Видя, что немец замешкался (не понял сказанного), бросил охраннику:

— Помоги иностранному господину, русский!

И засмеялся, довольный собой.

Русский охранник помог немцу залезть на заднее сиденье, рядом с ящиками спиртного, кусками мяса в стеклянных банках и прочими признаками пикника на природе.

— Вы ехать пикник? — уточнил Фридрих из немецкой пунктуальности.

— Шашлык! — ухмыльнулся владелец.

— Was ist… что есть — шашлык?

Хозяин, уже забравшийся на переднее сиденье, обернулся назад.

— Шашлык — это пикник по-русски!

Потом посмотрел на своего охранника, уже севшего за руль и поправился:

— Шашлык — это новый русский пикник!..

Русский ничего не сказал, он смотрел вперёд, положив руки на руль.

Пропустили в дороге по полулитровой баночке пива «Хольстен», известного тем, что его рекламирует сам дьявол во время скупки человеческих душ… — во всяком случае, так

утверждает телевизионная реклама!.. Так в лексиконе Фридриха появилось новое русское выражение «пропустить» в значении: «выпить алкоголя».

Пропускание продолжилось и по приезду на место предполагаемого пикника, то есть, шашлыка по-новорусски. Во всяком случае, Фридрих и новый русский расположились под деревьями с банками «Хольстена». Расстелили поверх мощных корней половички автомобильные, поверх чехлы с сидений. Чем не кресло? Да спиной к дереву прислониться, да ветерок поверху, ствол качает, да пиво в руке пенится — красота! Да старый русский, который молодой охранник, поодаль мясо жарит на угольках, ветерком дымок меж стволов крутит, то и дело мимо носа таким запахом проносит, — слюнки текут!

Глядя на расстеленную между ними на земле полиэтиленовую скатерть со стоящими на ней разовыми пластиковыми тарелками, на которых руками молодого старого русского уже были резво нарезаны сыр, колбаса, зелень, хлеб и прочее, полагающееся на пикнике, а также пребывая в состоянии полной расслабленности вследствие наложения пива на водку, Фридрих упрямо возвращался к затронувшей его теме.

— Я хотеть понять, — кто есть новый русский! Я много слышать — новый русский. Aber, новый русский есть русский? Или есть русский, есть новый русский, ja?

Новый русский кавказской национальности хрюкнул и предложил перейти на английский. Фридрих согласился. Английский был его рабочим языком. В отличие от собеседника. Английский нового русского больше всего был похож на язык официантов в любимом месте отдыха всех новых русских. Имеются в виду Канальские, э-э, пардон, Канарские острова. Нечто вроде пиджин-инглиш со среднеазиатским акцентом. Хотя, судя по апломбу, вкладываемому в слова, говорил как минимум академик из Оксфорда и Кембриджа одновременно. А может даже, и член королевской семьи…

— Русский — это национальность. Новый русский — это профессия.

Фридрих подумал, что ослышался, поковырял в ухе и переспросил:

— Новый русский есть профессия?

— Иес, — ответил новый русский. — Новый русский это тот, кто делает деньги.

— Негр тоже может быть новым русским?

— Иес, — ответил новый русский. — Если негр делает много денег в России, он тоже новый русский. Это не имеет значения. Были бы деньги.

— А русские? — спросил немец.

— Что — русские?

— А русские могут стать новыми русскими?

Пухлые, откормленные губы приоткрылись недоуменно, Выпученные глаза остановились, припоминая. После недолгой паузы двойные подбородки отрицательно колыхнулись из стороны в сторону.

— Нэ помню таких… Нэт, могут, наверное. Что может русский? Так только работать. А власть сейчас у того, у кого много денег. А деньги умеем делать только мы, новые русские. И нам сейчас здесь принадлежит всё. И Россия, и русские.

Чрезвычайно довольный собой новый русский свысока взглянул на немца и грузно развернулся в сторону костра. Шевельнул выпученными глазами, остановил их на фигуре человека в камуфляже, согнувшегося над жарившимся мясом и громко, по-английски, чтобы немец слышал и понимал, крикнул:

— Иди сюда!

Русский подошёл, вытирая ладони бумажной салфеткой. Остановился.

Новый русский вынул из нагрудного кармана банкноту в сто долларов.

— Хочешь заработать сто баксов?

— Ну, — ответил человек в камуфляже.

— Поцелуй мне ботинок!

Русский скосил глаза на Фридриха. Немец глядел во все глаза. Он видел, как склоняется спина потомков победителей Наполеона и Гитлера, как опускается голова соотечественника первого космонавта планеты. Перед могуществом доллара. Перед новым русским.

А потом русский выпрямился, а живот нового русского оказался вспоротым снизу доверху. Откуда появился нож, Фридрих не понял. Он неотрывно глядел в спокойное лицо белобрысого парня, равнодушно глядевшего в слезящиеся глаза умирающего.

— Не брат ты мне, гнида черножопая, — спокойно сказал русский.

Не вытирая, сложил нож, положил в карман. Потом подошёл в джипу, сел в него и уехал. Фридрих перевёл взгляд на вывалившиеся внутренности умершего, вздохнул и вынул сотовый телефон. Он помнил инструкции полковника Мороза: что надо делать при внезапном обнаружении трупа. У настоящего немца дисциплина — в крови.

24

Приехавшие милиционеры в количестве двух человек не торопясь обошли вокруг трупа, осмотрительно стараясь не наступить на вывалившиеся кишки нового русского. Затем, всё так же не спеша, обыскали покойного, сняли с его шеи золотую цепь в мизинец толщиной, с руки часы, с пальца перстень. Из карманов — сотовый телефон, пачку перетянутых резинкой стодолларовых купюр.

Окончив обыск, присели на корточках перед накрытой скатертью и принялись за еду. Открыли бутылку водки, выпили по пластиковому стакану, закусили. Съели готовые порции шашлыка: зажаренное на палочках мясо с луком и помидорами. Сыто отрыгивали, ковыряли в зубах деревянными спичками. Всё молча.

Затем вытерли руки бумажными салфетками, подняли глаза на Фридриха, так и не вставшего со своего места. Нет, вид трупа давно уже не вызывал у него никаких эмоций. Но аромат жареного мяса неведомыми путями пробудил его память. И сейчас, когда глаза немца невидяще уставились в пространство над телом нового русского, перед внутренним взором Фридриха застыла в деталях картина прошлого: огонь погребального костра для его семьи…

— Ну чё, — сказал один из милиционеров, с худым и хищным лицом. — Так и будем в молчанку играть?

— Да, — качнул головой второй, постарше, оттопыривая изнутри языком щёки. — Сознаваться надо. Застали на месте преступления, руки вон в крови до сих пор…

Худой поднялся с корточек, сделал шаг и внезапно дёрнул Фридриха за волосы. Немец вскрикнул, подался вперёд — больно! — потерял равновесие и упал на убитого. Кисти рук скользнули по вывалившимся внутренностям, запачкались.

— Вот, — удовлетворённо кивнул старший, вынул сигареты, закурил. Выдохнул дым прямо в лицо севшему на место немцу. По-прежнему не поднимаясь с корточек, лениво прищурился:

— Ну, так как, сам признанку накатаешь, или помочь придётся?

Фридрих не понимал сказанного. Его знание русского языка было слишком слабым. Но он понимал, в чём дело, он пытался сказать, что это не он, что он только позвонил, вызвал представителей закона… Но изо рта его, перепутавшего и русский, и английский, и родной язык, вырвалось только какое-то невразумительное мычание.

— Значит, упорствуем, запираемся, обманываем представителей правопорядка? — прищурился тот, который постарше, и вдруг метнул из пальцев зажжённую сигарету, целясь прямо в лицо Фридриха.

Фридрих машинально поднял руки, защищаясь, и в тот же миг оба милиционера схватили его за руки и швырнули вперёд, прямо на ствол дерева. От удара перехватило дыхание, и когда немец пришёл в себя, руки его уже были скованы наручниками по ту сторону ствола.

— Ich… — начал было немец, но в тот же миг плоская ладонь со шлепком опустилась на его правую почку. Больно. А милиционер притиснулся вплотную, прижался к телу прикованного со спины, зашептал в ухо, всё так же непонятно, страшно:

— Пиши, пидор, пока я добрый. А то я тя ща в жопу трахну, на кичу кину, со свежей струханинкой в портках, ты весь срок кукарекать будешь. А так по путёвой статье пойдёшь. Понял, нет? Ну, чё, спецмеры применять?

Снова удар по почке. Фридрих ахнул, захрипел сдержанно. И вдруг в его раскрытую ладонь что-то вложили, сжали пальцы насильно. И тут же ударили по руке, ладонь разжалась, предмет исчез. А в поле зрения появился довольный собой худой хищник. В полиэтиленовом пакете, качаясь на весу, лежал нож.

— Макни, — коротко скомандовал старший.

Фридрих скосил глаза, увидел, как второй милиционер приоткрыл пакет и окунул лезвие ножа в уже подсохшую кровь.

— Ну вот, — удовлетворённо произнёс старший. — С пальчиками, с кровью. Запираться бесполезно. Писать надо. Сознаваться… Ты чё, не понял? Ты чё, козёл, я ж тя урою, пидор!

Снова удары по почкам. С двух сторон. И вдруг на голову опустился пластиковый пакет. Затянулся у шеи. Воздух! Воздух!!

Снова удары по почкам. Уже теряя сознание, Фридрих вполне отчетливо услышал уже знакомые слова «АПОКАЛИПСИС EVERY DAY», а затем увидел сквозь прозрачный пластик, как из дерева, прямо из ствола, вышла и села на сучок, свесив вниз босые ноги, его Хильда. Всё в том же своём любимом платье. Не в том, в котором она сгорела.

Фридрих уже не чувствовал боли, просто тело его немного содрогалось. Он неотрывно смотрел на жену. Всё такая же красивая… Даже этот облик, словно сотканный из сигаретного дыма…

— Ты похожа на ангела, милая… Ты пришла за мной? Подожди немного, ты видишь, ещё чуть-чуть и мы снова будем вместе… Только не уходи, пока это не кончится… Я не хочу…

Просто побудь со мной. Это скоро, ты же видишь…

Милиционеры содрали с его головы свой пакет, услышав, что он что-то начал говорить, но слова его, на чужом, непонятном языке, вызвали в них злобу. На его почки, вместо ладоней, обрушились кулаки. Удар, ещё один… и он наконец-то потерял сознание.

Очнувшись от резкого запаха нашатырного спирта, Фридрих попытался встать, но резкая боль заставила его вскрикнуть и снова лечь. Упасть на спину.

— В высшей степени не профессионально, — сказали сверху по-немецки.

Поднял глаза. Полковник Мороз! Скользнул взглядом во все стороны. Увидел: оба милиционера, широко расставив ноги и упершись руками о ствол дерева выше своей головы, стоят под прицелами коротких автоматов в руках людей в камуфляже и чёрных шапочках до подбородков с прорезями для глаз. Четыре всадника Апокалипсиса прибыли за телами и душами грешников.

— Я не убивал… они…

— Я знаю, знаю, — успокаивающим движением поднял ладонь полковник. — Твой знакомый позвонил по ноль два, сообщил, что кончил Пузо, нож в пакете в отделении связи, ты ни при чём….

— Я звонил…

— Вы позвонили мне, я спустил ваш звонок ниже, по инстанциям. А эти два (непонятное слово по-русски)… Ну да ладно, жив остался, и хорошо. А то шлёпнули бы, и сказали, что сопротивлялся задержанию. У нас тут просто.

— Где, в Старицыне?

— Нет, в России.

— Скажите, господин полковник. Тот, кто убил, он — русский?

— Да.

— А эти двое?

— Вроде как… А в чём дело?

Фридрих закрыл глаза и только теперь почувствовал кожей лица мелкие капли дождя, уже некоторое время моросившего сверху, легко, как брызги от фонтана.

— Мы говорили о старых и новых русских…

Полковник наклонился над немцем, пробежал пальцами по его телу. Фридрих невольно вскрикнул. Полковник хмыкнул и нахмурился.

— Н-да… Встречаются два соседа по лестничной клетке. Один другому и говорит: «Что-то у меня в спине побаливает». «Где? Здесь? Это почки». «Вы что, врач?» «Да нет, милиционер».

Это анекдот. На злобу дня, так сказать.

Сильные руки подняли Фридриха, положили на носилки.

— Я заказал вам койку в нашем госпитале. Вас быстро поставят на ноги, не беспокойтесь. У нас хорошие врачи. Если вам что-то нужно, только скажите.

— Тот, русский, он не убил меня, хотя мог…

Полковник улыбнулся кончиками губ.

— В розыск объявим, разумеется, как полагается…

— Спасибо, я понял.

Полковник откровенно улыбнулся.

— Я бы ему за Пузо премию выписал… Хороший парень. Воевал в Средней Азии, в Чечне, вернулся из армии, работы нет. Подался в частные охранники. А тут на Пузо заказ выписали.

— Что есть — заказ?

— Заказ на убийство. Заказать — договориться об убийстве.

— Он был… киллер?

— Нет. Иначе два месяца не ждал бы. Честно работал.

— А этот, кто умер, он есть — новый русский?

Полковник посмеялся и махнул рукой держащим носилки.

— Несите… До встречи, господин Ингер, до встречи, ещё увидимся!

25

Известная русская поговорка гласит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Следующие две недели, проведённые в военном госпитале, помогли Фридриху сделать гигантский скачок в изучении русского языка. Как известно, стрессовая ситуация, — это ситуация, в которой организм выкладывается полностью, а порой и совершает нечто такое, на что человек в обычном состоянии никогда бы и не замахнулся. Впрочем, надо признать, что и учителя ему попались подходящие…

Первые два дня, день привоза и следующий, Фридрих пролежал пластом. Сказалась травма почек. Не то от кулаков милиционеров, не то от непривычного количества и качества алкоголя. Собственно говоря, за эти два дня выздоровление и произошло. Остальные двенадцать представляли собой нечто вроде санаторного отдыха, всё время которого немец потратил на общение с остальными, — русскими, — пациентами. Один полковник с простреленной мякотью ноги прекрасно говорил по-английски, один капитан из ФСБ — по-немецки. Остальные военные, милиционеры и прочие сотрудники силовых структур, не отягощённые подобными знаниями, говорили только по-русски. Но как!..

Всё свободное от процедур время обитатели небольшого госпиталя, пользуясь для лучшего взаимопонимания услугами то полковника, то капитана, учили немца говорить по-русски. Впрочем, иногда казалось, что все эти люди, с простодушием детей радовавшихся каждому успеху общего ученика, с таким же усердием обучали бы и попугая. Во всяком случае, первоначальный лексический запас, загруженный в память немца, состоял именно из тех самых слов, каким обычно и обучают попугаев военные люди…

Уже через три дня Фридрих уяснил, что знаменитый на весь мир русский мат может служить универсальным средством общения не хуже, чем сакраментальное «годдем» в устах небезызвестного Фигаро.

Господина Ингера, в числе прочего, обучили универсальному междометию «ну» и эмоционально-экспрессивному «бля», в том числе его вариантам «блин» и «бляха муха». В качестве проверочного теста на знание русского языка немцу предложили расставить в предложении: «Мужики, кто последний за пивом», — неопределённый артикль «бля». Что вызвало у Фридриха здоровый понимающий смех.

Одним словом, загрузив в свою память как отдельные слова,

так и словесные обороты, к концу второй недели немец уже мог сообщить свои мысли, чувства и желания какому-нибудь русскому, или наоборот, понять слова, обращённые к нему. Конечно, обсудить тему бессмертия души по-русски ему бы не удалось. Но примитивный обмен мыслями, не говоря уже о выражениях типа «дайте два пива Миллер»… какой базар, в натуре!

В день выписки появился полковник Мороз и принёс бутылку настоящего немецкого шнапса. Попробовав его, все русские с сожалением посмотрели на иностранца. «Теперь понятно, почему вы, немцы, такие», — сказал больной полковник (не Мороз), выразив в этих словах общее мнение русских. Фридрих напрягся и выдал по-русски следующую фразу: «Немецкий шнапс, это есть лучше, чем японский ссаке». И покинул госпиталь под дружный смех выздоравливающих, вместе с господином Морозом.

Пройдя по городским улицам, Фридрих внезапно спросил спутника:

— Сколько будет стоить лечение?

— Нисколько. Я провёл вас как нашего сотрудника.

— Но я не есть ваш сотрудник.

— Но пострадали-то вы от наших сотрудников, — усмехнулся Мороз.

— Чувство справедливости? — спросил дотошный немец.

Полковник рассмеялся и попрощался.

Вернувшись домой, Фридрих обнаружил у подъезда своего водителя. Тот сидел за рулём автомобиля с видом сумасшедшего профессора из фильма ужасов. Увидев немца, протянул ему сотовый, сообщил, что всё это время работал один и попросил отпуск. Ну и отпускные, по возможности. На вопрос Фридриха «а как же дело?» обрадованно протянул ему оформленную доверенность на управление своим автомобилем и добавил, что машину можно ставить прямо во дворе, добавив: «Какой дурак труповоз угонять будет?» Фридрих подумал и согласился. Положил в карман телефон, вручил повеселевшему водителю выходное пособие и сообщил, что через неделю ждёт его обратно. После чего побродил в одиночестве по городу, купил две упаковки пива Миллер и пошёл спать, готовиться к возвращению на работу.

26

Первый рабочий день после выхода из госпиталя пришёлся на морг психиатрической больницы. Старый знакомый Вася встретил его как лучшего друга, помог выгрузить труп самоубийцы, отстрелившего себе верхнюю часть головы из охотничьего ружья, после чего загадочно подмигнул и таинственным голосом пригласил приехать вечером, после работы.

— Зачем? — спросил Фридрих.

— На шашлык, — простодушно ответил Вася.

Фридрих вздрогнул и изменился в лице. Один раз он уже побывал на шашлыке…

Вася посмеялся и таинственно сообщил, что на этот раз всё будет иначе. Фридрих пообещал подумать. «Вдвоём посидим», — сказал Вася. Неопределённо пожав плечами и изобразив мимикой лица, как его учили в госпитале, Фридрих уехал, не ответив ни да, ни нет. Но весь день, каждый раз, помогая немцу разгрузить очередной труп, Вася многозначительно подмигивал, а прощаясь и помахивая рукой на прощанье, всякий раз напоминал: «До вечера».

День выдался урожайным. Три жертвы бандитской разборки, взорванные в джипе «Чероки». Один наркоман. Один бомж. Один пенсионер. Один чиновник мэрии, застреленный киллером у подъезда собственного дома. Подъехав к подъезду за телом, Фридрих увидел там самого мэра. Раскланялись, обменялись рукопожатием.

— Таких людей теряем, — вздохнул мэр.

Фридрих сделал сочувственное лицо и покивал головой. Подождал, когда труп погрузят, и уехал. Помощник мэра очень уж был похож на нового русского с шашлыков, чтобы испытывать к нему хоть каплю жалости. Но приличия следовало соблюсти.

Одним словом, отключив телефон, но на всякий случай, оставив дома записку, когда и куда он уехал, — по мягкой подсказке полковника Мороза, — Фридрих поехал в гости к Васе. В морг. На шашлыки. Пикник ночью, в морге, среди трупов. Что может быть романтичнее? Только секс на свежей могиле в полнолуние. «Интересно, дойду ли я и до этого?» — подумал Фридрих, укладывая в сумку водку и упаковки с пивом Миллер. Потом остановился, посмотрел на своё отражение в зеркале и пожал плечами. Планировать что-то в России? Бессмысленно.

Шашлыки у морга обещали много новых ощущений. Во-первых, место проведения. Между задней стеной морга и высоким трёхметровым забором. И та и другая вертикальные поверхности

не имели окон, равно как и удалённые боковые поверхности забора. Отчего казалось, что находишься внутри гигантского колодца. Лишь редкий ряд американских тополей вдоль забора и трава под ногами оживляли серую унылую бетонность окружающего.

Фридрих и Вася сидели на лишённых коры стволах деревьев, сложенных в виде большого треугольника. Посередине, на месте старого кострища, стоял железный ящик на коротких ножках. Стенки ящика зияли треугольными дырами, пробитыми чем-то вроде большого скальпеля для вскрытия трупов. Внутри ящика жарко пылали угли. Поверх углей, занимавших в высоту около трети ящика, на металлических прутьях жарилось мясо. Прослоенное кольцами лука и помидоров. Время от времени, повинуясь какому-то внутреннему чувству, Вася нагибался и поворачивал прутья, чтобы мясо обжаривалось равномернее. Ящик назывался «мангал», а прутья «шампур». Оба названия Фридрих только что записал в свою записную книжку. Русскими буквами.

— А что это есть там, верх? — спросил Фридрих.

Вася поднял голову, полуобернулся и посмотрел в направлении указательного пальца гостя. На крыше морга, на самом краю, стояло странное сооружение, напоминающее противотанковый ёж из рельсов времён Второй Мировой. Две доски крест-накрест, короткие. Буквой «Х». И одна длинная, лежащая на перекладине буквы. С того конца, который выдавался над крышей, свисало на верёвке большое ведро.

— Крышу крыли, — пренебрежительно махнул рукой Вася. — Оставили.

Фридрих порылся в записной книжке.

— Крыша есть верх дома. Это один. Крыша по-русски есть рэкет, это есть крыша два. Русский премьер-министр от президент Ельцин делать ладони жест на свой предвыборный плакат: «я есть ваша крыша». Мне объяснять госпиталь. Какая крыша это есть и что есть «крыть»?

Вася изумлённо похлопал глазами.

— Ну, Фридрих, ты ващще, прямо как фриц какой. Вопросы задаёшь.

Фридрих недоумённо поднял брови.

— Фридрих есть имя. Фриц тоже есть имя, Но Фриц есть короткий имя. Ты есть Василий, короткий имя — Вася. Я есть Фридрих, короткий имя — Фриц. Что есть твои слова? — сам не зная почему произнес Фридрих — Ганс.

Вася открыл рот в изумлении.

— Ты — Фриц?!.. Бли-ин, ну, ващще!.. По этому поводу надо

выпить!

И шустро разлил водку по заранее приготовленным ёмкостям. Немцу — в гранёный стакан, себе — в знакомую уже медицинскую мензурку.

Приняв в руки стакан с водкой, Фридрих как мог проницательно посмотрел в глаза Васи. В глазах Васи сияла изумлённая восторженность открытия.

— Ты нет знать, что Фридрих есть Фриц?

— Откуда! — широко развёл руками Вася.

— Почему первый раз увидеть меня, двое сказать — Фриц? Вы знать меня?

— Откуда! — снова развёл руками Вася, но уже тише.

— Почему назвать имя Фриц? Вы есть КГБ?

Вася округлил глаза, автоматически опрокинул в рот стакан водки, задумчиво запил её бутылочкой пива Миллер, потом поковырял в ухе и мягко, как больному, сказал:

— Ты водочки-то ахни, и не думай много. А то рехнёшься. КГБ умерло давно, от него только зомби осталось. Вы, немцы, — фрицы, американцы — янки. Вы нас, русских, тоже, чай, поди, невесть как кличете.

И слегка хлопнул кончиками пальцев по донышку стакана Фридриха. Фридрих поднёс стакан ко рту и выпил сто граммов водки в три глотка, не почувствовав вкуса. Едва он опустил свою ёмкость на место, как Вася тут же наполнил его водкой. И себя не забыл, естественно.

— Между первой и второй — промежуток небольшой. После первой — не закусывают.

И Фридрих выпил ещё сто граммов водки.

— Запей! — сказал Вася и подал открытую бутылочку пива.

Фридрих послушно выпил. Прямо из горлышка.

— С пылу, с жару, — сказал Вася и подал шампур.

Мясо с углей, приготовленное по рецепту санитара морга, аккуратно легло на смесь водки с пивом. Сочное, в меру прожаренное, вперемешку с пропахшими дымком колечками лука и запечёнными ломтиками помидоров. В желудке Фридриха проснулся отчаянный аппетит и он буквально не заметил, как съел три шампура подряд.

— Вот это по-нашему! — гордо заметил Вася. И разлил водку.

Облизав пальцы, чтобы не запачкать стакан, это получилось как-то само собой, Фридрих принял наполненный до краёв водкой русский гранёный стакан, непонятно почему шумно выдохнул в сторону скопившийся в лёгких воздух — и единым духом опустошил его.

Когда невольно задравшаяся кверху голова Фридриха

вернулась в более — менее горизонтальное положение, глаза его, подёрнувшиеся слезами, остановились на пламени костра. А рот раскрылся сам собой и он, по-немецки, ибо русских слов и не хватило бы, да и думал он сейчас на родном языке, — обратился к огню:

— Здравствуй, Тевтобургский лес! Я, Арминий, клянусь, что ни один римлянин не уйдёт живым из-под твоих ветвей, мясо Вотана! Клянусь омелой и дубом, мы заслужим место в Вальгалле, накормив птиц Одина сладким мясом врага!

И дико расхохотался.

— Ты чего, Фриц? — озабоченно спросил Вася.

— Я не есть Фриц, я есть Арминий! — выкрикнул в нахмурившееся небо Фридрих.

— Так, — сказал Вася. — Арминию больше не наливать.

Но стихия, властно захватившая немца в свои объятия, руководила его телом по своему хотению. Фридрих перестал быть Фридрихом. Он пил водку из горлышка, проливая жгучую жидкость на рубашку, рвал зубами куски мяса с шампура и глотал, почти не разжёвывая, рывками задирая голову вверх, как динозавр. И наступил момент, когда Фридрих допился до состояния, близкого к отрезвлению. Он пришёл в себя, ощутил, что сидит на поваленном стволе дерева у огня, увидел и узнал сидящего напротив.

— Это есть — хорошо! — сказал Фридрих, широко разведя руки и потрясая ими.

Вася, приоткрыв рот, только головой крутил, глядя на него.

— Ну, Фриц, Арминий твою мать, и здоров же ты пить!

— И есть! — рявкнул Фридрих и сыто рыгнул. — Хорошее мясо!

— Ещё бы, — хмыкнул Вася. — Свежачок, в натуре.

— Кто есть свежа-чок? — благодушно спросил Фридрих, снова отрыгивая.

— А пошли, покажу!

И они пошли смотреть.

Свежачок санитара оказался трупом молодой женщины.

Фридрих, тупо покачиваясь взад и вперёд, смотрел, как Вася поворачивает на перевозимой каталке обнажённое тело, показывая на щели разрезов.

— Главное, чтобы туша соответствовала стандартам, — говорил Вася, ковыряя в ухе.

— А-э-э? — отвечал Фридрих, пытаясь разобраться со своими ощущениями.

— Я говорю, чтобы молоденькая была, здоровая. Не блядь какая, с триппером.

— И-и-э-э-х! — рвалось из горла немца.

— Не, не заметят! Зашью, приодену, ничё. В первый раз что ли!

Фридрих, сфокусировав внимание на лице сотрапезника, икнул.

— Я теперь есть — людоед?

— А как же! — жизнерадостно ответил Вася. — Прямо как в кино. Правда, здорово?

Из груди Фридриха вырвалось неразборчивое рычание.

— Я знал, что тебе понравится, — говорил Вася, приобняв гостя за плечи и провожая его к выходу из морга.

— Вона, эти, как их, самураи! Рубанут шашкой напополам, и давай жрать печёнку!

— Мы есть самураи? — наивно спрашивал Фридрих.

— Не-а! — гордо отвечал Вася. — Они сырое жрут, а мы — жареное!

— Жареное — лучше?

— Спрашиваешь! — отвечал Вася и раскатисто хохотал.

Оставив Васю мочиться на стену морга, Фридрих, опираясь на ту же стену обеими руками по очереди, направился дальше. Безумие хмеля наложилось на осознание факта каннибализма. Возносимое парами выпитого спиртного, порождало в мозгу неясные желания. Так, например, ни с того, ни с сего Фридриху внезапно захотелось немедленно остановиться, поднять голову и завыть, как американский оборотень в Париже. Что он и сделал.

Звёздное небо, услышав раскатистый вой, недоумённо замерло. И ответило леденящим душу, протяжным, как зубная боль, скрипом.

Фридрих, поматывая головой, сквозь сливающиеся и разбегающиеся картины окружающего вдруг увидел, что он стоит прямо под той самой странной конструкцией на крыше. И с неё, издавая тот самый скрип, опускается верёвка, на конце которой раскачивается гигантское ведро. Фридрих недоумённо проводил глазами ведро, мягко опустившееся дном на траву у стены морга прямо перед его ногами, и снова поднял лицо на звук голоса, громыхающего словами, как грозовая туча молниями:

— ОНО — КЛАДЁТ — ШАМПУНЬ — ОБРАТНО!

Фридрих откачнулся назад, взмахнул руками для равновесия, и, подаваясь вперёд, нагнулся, раскинул руки и «выкрикнул съеденное», пользуясь запавшим в память термином, прямо в подставленное ведро. Вытаращив глаза и согнувшись, как поперечина виселицы дядюшки Линча, Фридрих самозабвенно кричал съеденным и выпитым. Непрожёванные куски мяса вперемешку с красными ленточками помидоров лились струёй из

брандспойта. Создавая на земле полную картину поля битвы, усыпанного трупами лилипутов…

27

Открыв глаза, Фридрих понял, что голова его просто раскалывается на части. Но этого мало, — он не знал, где он находится. Пока было только ясно, что лежит на твёрдой и ровной поверхности, а где-то рядом разговаривают по-русски несколько человек. Пребывая в полу сомнамбулическом состоянии, немец сел, выпрямившись по пояс, и повернул голову по сторонам, пытаясь определить, где он.

В морге. Внутри. На одном из оцинкованных столов для трупов. Поверх аккуратно постеленной газетки бесплатных рекламных объявлений. Шум голосов производили несколько молодых людей в белых халатах, укладывающие на рядом находящие столы свежие, порой даже кровоточащие трупы с явными следами насильственной смерти. Судя по оторванным конечностям, разорванным грудным клеткам и сплющенным головам, где-то произошло нечто вроде крушения поезда или падения в пропасть автобуса.

Трупов было много. Наконец, каталка с очередным остановилась прямо у стола, на котором ночевал Фридрих. Один из разгружающих махнул рукой, слезай, мол, со стола. Немец автоматически слез. Посмотрел, как на не остывшее ещё место укладывают синее от татуировок тело мужчины без рубашки и почти без головы.

Перекладывая голову то на одно плечо, то на другое, стал рассматривать татуировки. Потом это занятие надоело и он направился к выходу. Внимания на него никто не обращал. У самого выхода увидел под стулом свою сумку. Вытащил, вынул последнюю оставшуюся бутылку пива Миллер, вздохнул, поискал глазами открывалку, не нашёл, увидел на пальце одного из трупов большой перстень. Автоматически, пользуясь кистью трупа как открывалкой, снял пробку с горлышка бутылки. Потом протёр стекло выбившимся из-за пояса брюк краем рубашки, сел на стул и начал меланхолично тянуть из горлышка пиво.

Из внутренней двери появился помятый, как лист газеты под трамваем, ночной санитар Вася. Подошёл к Фридриху, взял из его рук пиво, присел рядом со стулом на корточки и приложился к бутылке. Допив, со вздохом посмотрел на пустую посуду, вздохнул ещё раз, махнул рукой и потянул немца за рукав.

— Пошли, пивка хлебнём…

— Найн, — ответил тот. — Я ехать дом…

— На машине?

— Такси…

Вася протяжно вздохнул.

— Ну ладно. Заезжай, если чего….

Фридрих махнул рукой. Получилось совсем по-русски. Стихийно.

Дома, то есть на снятой квартире, распахнул дверцу холодильника. Стройные ряды бутылок пива Миллер заставили его невольно улыбнуться. Вынул одну. Опять нет открывалки! Посмотрел на свою руку. Перстень! Дениц показал ему, для чего в России носят на пальце перстень. Надо будет купить… Нашёл открывалку, открыл. Подошёл с бутылкой в руке к окну. Распахнул занавески, облокотился о подоконник. Машинально взял в руку стоящий рядом театральный бинокль, поднёс к глазам. Пошарил по улице. Наткнулся на здание МВД. Вспомнил про полковника с очень русской фамилией Мороз, поискал по стене здания его кабинет. И наткнулся на человека, смотрящего в бинокль из окна. Человек встретился глазами с Ингером, улыбнулся и оторвал от лица свой бинокль. Полковник Мороз! Потом снова поднёс бинокль к глазам и помахал рукой, приветствуя. Ингер автоматически помахал в ответ. Потом, очевидно, кто-то внутри позвал полковника и господин Мороз, махнув на прощание, исчез в недрах кабинета. Фридрих поставил бинокль на подоконник, меланхолично допил пиво, вздохнул и пошёл за новой бутылкой. Захватив сразу три, поставил их на журнальный столик, бросил рядом открывалку и сел, точнее, просто-таки рухнул в кресло. Открыл пиво, вздохнул, пригубил. Поставил на столик и, повинуясь некоему внутреннему чувству, повернул голову в направлении кровати. Там, прямо на покрывале, прислонившись спиной к стене, сидела Хильда. Поднял руку, приветствуя её.

— Тебе помогла Россия, Ганс?

Фридрих пожал плечами. Русский жест задумчивого незнания.

— Я не знаю… Это очень странная страна. То, что там, на Западе, и то, что здесь, это совсем другое. Здесь всё другое. Я словно попал на чужую планету.

— Но ты уехал сюда, чтобы сбежать от себя. Ты добился того, что ты хотел?

— Не знаю… Не знаю. Тот я, который уехал и тот я, который здесь, это совсем разные я. И я не знаю, кто из этих я есть я настоящий.

— И что ты чувствуешь сейчас?

Фридрих пожал плечами.

— Давно… В прошлой жизни… Там, в Фатерланде… В кабинете добрейшего психоаналитика Вольфдитриха я говорил,

что чувствую себя людоедом, потому что тот запах, там, на месте вашей смерти, показался мне запахом вины. Моей вины. Вчера я ел мясо человека. Но я ничего не чувствую — сейчас. У меня только очень болит голова. Это потому, что я выпил слишком много водки. И эти видения. То ли это галлюцинации, то ли переселение душ… ты не знаешь, Хильда, я не стал верить в переселение душ? Говорят, у вас там, на том свете, знают многое из того, что не доступно нам. Ты следишь за мной, правда?

— Всё меняется, Ганс. Ты теперь Фридрих. Я не знаю этого человека.

— Хильда, когда я собирался ехать в Россию, я читал книги о тех, кто был в России. Я читал книги о России. Но то, что я встретил здесь, это совсем другое. Что это? Там, в вашем мире, знают ответ?

— Ты отделяешься от нас стеной, Ганс. Нет, ты не забыл нас. Но ты изменился.

Фридрих усмехнулся. Поднял голову. Затылок к стене, взгляд в потолок.

— Да, я изменился. Я помню, что я любил вас. Ты и по-прежнему здесь, в моём сердце. Но теперь ты там немного по-другому. Я даже сам не знаю, как. Я говорил правду, когда говорил, что готов умереть, чтобы встретиться с вами. И тогда, когда меня били по почкам и душили в пакете, я искренне был готов уйти к вам. И так же искренне радовался, что остался жив. Я не знаю, что со мной. Я не знаю, зачем я уехал сюда. Может быть, я считал, что эта страна по ту сторону добра и зла и я смогу встретить вас здесь, живыми? Не знаю…

— Если встретишь нашу дочь, не обижай её, Ганс.

Фридрих повернул голову.

— Я был прав? Вы здесь? Хильда!..

Но на кровати уже никого не было. Только лёгкая дымка, напоминающая клубы сигаретного дыма на сквозняке, медленно рассеивались в воздухе.

Оставив пиво, Фридрих рывком поднялся с кресла, подошёл к кровати и упал лицом вниз, на то место, где минуту назад сидела его жена. Целуя холодное покрывало, шептал:

— Прости, Хильда, я по-прежнему люблю тебя…

И не заметил, как провалился в сон.

28

Вечерняя дискотека в России, пожалуй что, ничем не отличается от той, которую показывают, в виде фона действия, в голливудских боевиках. Очевидно, правила поведения на такого рода мероприятиях были скопированы русскими прямо с экрана. Наивные люди.

Поэтому за трупом, обнаруженном в мужском туалете русской ночной дискотеки, пришлось проталкиваться сквозь плотные ряды принаряженной, в броне бижутерии и смазке дезодорантов, обильно потеющей от возвышенных чувств молодёжи: наконец-то и у них теперь всё по-настоящему, — то есть прямо как в кино!

Обычно Фридрих носилками не пользовался. Технологию погрузки трупов он позаимствовал у своих первых учителей на этом поприще. Лежащий на полу фургончика щит из досок с зацепом во всю ширину на дальнем крае — вытаскивался наружу и ставился наклонно, с опорой на борт. А уж по трапу, держа труп за руки, за ноги — и взойти можно, а если один трудишься, то и на верёвке втащить. Примитивно, грубо, из подручных материалов, но удобно. Очень по-русски. После погрузки щит втаскивался внутрь и ставился на ребро вдоль стенки.

Однако, требование иметь носилки никто не отменял. Поэтому Фридрих, как научили его русские, их не выбрасывал. Во-первых, пригодятся, если тащить далеко. А во-вторых, это пропуск. Мудрость второго замечания Фридрих оценил только сейчас, но по достоинству.

В самом деле. Протиснуться сквозь спрессованную в ожидании интересного зрелища толпу, не будучи группой или в форме милиции, было крайне трудно. А так — ничего!.. Фридрих уже оценил всё могущество этого русского слова. Как ему сказали в госпитале, это был современный вариант произнесения старинного заклинания «авось». Форма применения — беспредельная. Вот и теперь, расталкивая себе дорогу концами носилок, Фридрих бодро говорил в обернувшиеся к нему рассерженные лица: «Ничего! Ничего!» А когда один из обиженных обернулся и в ответ на «ничего» Фридриха зло рявкнул: «Чего — ничего?», что означало готовность к драке, Фридрих ответил, как его научили:

— Труп заждался!!

После чего пробраться к месту смерти было уже легче. Впрочем, этим заклинанием нужно пользоваться осторожно. Один раз. Последующие повторения слов могли вызвать ответ: «Твой,

что ли?» — и обильное побиение камнями, а за отсутствием оных — всем, что под руку подвернётся. Что и произошло за спиной немца вскорости после его прохода. С жаждущим повторить получившийся приём раздвижения толпы.

Скучающе сдерживающий возбуждённую чужой смертью дискотечную молодёжь, милиционер только безучастно скользнул глазами по носилкам и автоматически посторонился, пропуская Фридриха. Безо всяких слов. Действительно — пропуск…

Внутри было тоже как в кино: труп на полу в картинной позе, скучающий милиционер, выдавливающий прыщ перед зеркалом. Окончив своё многотрудное дело, страж закона и справедливости обернулся и выразительно посмотрел на вошедшего.

— Один потащишь?

Эту ситуацию они в госпитале проигрывали.

— Спасибо, что приехал, — хладнокровно ответил Фридрих. И добавил:

— Зритель — носильщик.

— Тоже верно, — с уважением отметил милиционер и почесал нос.

Второй милиционер у входа опустил ногу, которой, как шлагбаумом, перегораживал вход, упёршись в косяк двери. Вошли двое. Бритые затылки, кожаные куртки, спортивные штаны. Господа рэкетиры. У полиции своя форма, у бандитов — своя. Демократия, однако.

— Ну? — сказал старший бритый затылок.

Милиционер у двери вышел наружу и закрыл за собой дверь. Второй, у зеркала, вздохнул и вынул из кармана пачку пакетиков с белым порошком.

— Ну-у-у… — протянул рэкетир с опаской и недоверием.

— Откуда столько? — перевёл его звуки второй, ещё не разучившийся говорить, пересчитывая количество и проверяя на язык качество порошка.

— Да, — махнул рукой милиционер, — мочканул торговца и себе вколол по самые помидоры. Вот на очке прохлаждается.

Помощник рэкетира распахнул указанную дверцу. На унитазе сидел второй труп. Рука перевязана, ниже локтя немного посинела. Из вены торчит не полностью опустошённый шприц.

— Жадность фраера сгубила, — вздохнул милиционер. Потом повернулся к Фридриху и поднял руку с жестом, который, с лёгкой руки Черчилля, стали называть «знаком победы».

— Два трупа, два!

Старший рэкетир повернулся и осмотрел Фридриха с головы до ног.

— Э-э-э? — протянул старший рэкетир и кивнул менту на

человека с носилками.

— Да это ж немец! Труповоз мэрский! — удивился милиционер. Мент, по-простому.

— А-а-а? — с сомнением сказал рэкетир.

Милиционер оглядел невозмутимого Фридриха критическим взором и махнул рукой.

— А! Пускай клевещет!

Рэкетир хрюкнул, вынул из внутреннего кармана пачку долларов, сопя и причмокивая, отшелестел требуемую сумму, вручил милиционеру. Тот вздохнул и спрятал деньги в карман.

Младший рэкетир, рассовав пакетики с порошком по внутренним карманам куртки, с сомнением шмыгнул носом, произнёс рассудительно:

— Не по понятиям выходит. Нам вроде как всё, а братану — хер в зубы?

Старший рэкетир снова хрюкнул. Но уже задумчиво.

Милиционер, прямо как мент какой киношный, разинул рот и недоумённо уставился на Фридриха, как будто увидел его впервые. Меж тем младший рэкетир широким вальяжным шагом подошёл к трупу на унитазе, взял его за тонкую шею, хакнул и одним рывком выкинул на пол, рядом с уже лежащим. После чего широким жестом указал на оба трупа:

— Угощайся, брат приехал!

И зареготал, засмеялся собственной шутке. Смех с удовольствием поддержал старший рэкетир, а к общему смеху чуть позже присоединились и милиционер. Все трое с любопытством и улыбками смотрели на немца: что же тот предпримет?

Фридрих, памятуя недавние шашлыки «а ля морг», и зная по-русски только одно значение слова «угощайся», а именно — пищевое, без какой-либо задней мысли подошёл к трупам и пощупал их конечности. После чего выпрямился и безо всяких эмоций ответил:

— Мясо плохое есть, шашлык нет готовить. Спасибо, нет угощаться.

Разинутые в смехе рты замерли, да так и застыли в этом положении, пока расположенные немного выше в иерархии человеческого организма мозги переваривали проглоченную информацию. Труповоз, труп, шашлык…

Младший рэкетир, стараясь не выпускать происходящее за пределы шутки, хмыкнул и пояснил, крутя над трупами растопыренными пальцами (мизинец и указательный) обеих рук:

— Да ну тя в жопу, жрать их на хер… Шмотья там какого бери, говорю.

Во время энергичного шевеления руками полы его куртки распахнулись, и Фридрих увидел засунутый за поясной ремень пистолет. После чего скосил глаза на милиционера. На поясе представителя закона висели: дубинка резиновая и наручники.

Аккуратно приставив к стене носилки, Фридрих поправил у зеркала галстук и задумчиво сделал круг вокруг лежащих на полу трупов, постоял немного, в сомнении покачивая головой из стороны в сторону, и наконец, повернув лицо к говорившему, указал пальцем на перстень, украшавший палец убитого шилом в спину торговца наркотиками.

— Я буду иметь кольцо.

Младший рэкетир осторожно подошёл к трупу, присел на корточки, не сводя глаз с Фридриха, стянул с пальца трупа перстень, выпрямился, сделал шаг назад и лишь там посмотрел на предмет в своей руке.

— Говно, — авторитетно оценил вещь. — Рубль штучка, два кучка.

Посмотрел в глаза спокойно стоящего немца. Прищурился.

— А зачем тебе?

Фридрих, всё так же невозмутимо, сделал жест: накрыл правой ладонью левый кулак. После чего поёрзал ладонью взад и вперёд.

— Пиво открывать.

Сжав в кулаке оригинально приобретённую вещь, Фридрих подошёл к двери, приоткрыл её и сказал милиционеру по ту сторону:

— Прикажите носить дас труп. Их бин указать место.

Ломаное русско-немецкое наречие прозвучало достаточно громко. И нечто в произнесённом сразу сделало любопытствующих по ту сторону милиционера маленькими и плюгавыми. Они послушно закивали головами и через пару минут Фридрих, с гордо поднятой головой, удалился, возглавляя группу из четверых русских танцоров, тащивших два трупа, положенных на одни носилки, друг на друга. Носильщики, по одному на каждую ручку носилок, сдержанно пыхтели, но молчали. Потому что сразу же за носилками, в виде почётного эскорта, шли два рэкетира и два милиционера с задумчивыми лицами. Со стороны, видимо, всё выглядело достаточно внушительно.

Отъехав от дискотеки, Фридрих остановился, оглядел перстень, протёр его водкой из запасной бутылки, хмыкнул и надел на палец. Всё равно хотел купить…

29

Потренировавшись дома, Фридрих ловко открыл бутылку своим новоприобретённым перстнем. Посмотрел по сторонам, нагнулся, увидел под служебным столом господина полковника корзинку для мусора и ловко закинул пробку туда. Выпрямился в кресле, закинул ногу на ногу, посмотрел в окно, вид на свой дом из окна управления МВД открывался прекрасный, отхлебнул пива. Потом взглянул на хозяина кабинета. Господин Мороз удобно расположился в кресле, его расстёгнутый мундир прекрасно гармонировал с бутылкой пива в руке. В другой руке господин полковник держал очищенную от шкуры сухую рыбу, которую и поглощал с аппетитом.

Со стороны послышался смех. Это смеялся друг и подчинённый полковника, майор Феликс. Фридрих познакомился с ним ещё в госпитале. Но там не знал, с кем имеет дело. И только сейчас, увидев, с каким радушием полковник встретил майора, в голову Фридриха стала закрадываться мысль, что в тот самый госпиталь он попал вовсе не из человеколюбия полковника. Впрочем, эти мысли Ингер держал при себе. Но вот эмоции по поводу рыбы к пиву… Нет, такого не вынесет ни один настоящий немец!

— Я служил в ГДР, — сообщил майор. — И до сих пор помню, как страдали добрые бюргеры, когда в их присутствии принимал пищу русский офицер. Если пить чай, то кинуть в стакан кусочек масла. После чего стакан отмывается с великим трудом. А если пить пиво, то обязательно с рыбой. А у них от этого чуть ли не судороги начинались.

— Что же ты по-немецки так плохо говоришь? — благодушно спросил полковник.

— Я изучал язык потенциального врага, — ответил майор, в свою очередь впиваясь в янтарную спинку своей рыбины. — А с другом можно и на пальцах объясняться.

— А почему вы скрывали своё знание языков? — спросил Фридрих, за отсутствием немецких закусок не закусывавший своё пиво ничем. — Вы изучали меня?

— Работа у нас такая, — ответил полковник, благодушно причмокивая. — Что на глаза попадётся, то и изучай. Порой и сам не знаешь, что может пригодиться, потому и тащишь в своё гнездо как сорока: всё, что блеснуло.

— О! — парировал Фридрих. — Значит, я прохожу в вашей картотеке под кодовым именем «Блестящий»?

Офицеры дружно рассмеялись.

— Ну, если исходить из инструкции присваивать агенту кодовое имя, ничем не могущее навести на мысли о его внешности, привычках и так далее, то вас, господин Ингер, мы должны проводить под кодовым именем «Роженица».

И они снова рассмеялись. Фридрих присоединился. Подумать только…

— Роженица, — произнёс немец, пробуя на язык слово. — Кто бы мне вот новую машину родил…

— А что случилось со старой?

— С машиной — ничего. Случилось с водителем. Когда я лежал в госпитале, он работал один, потом попросил отпуск на неделю, а когда пришёл, то пришёл пьяный и сказал, что больше он трупы возить не хочет. Я уговорил его поработать хотя бы в этот день, было много заказов. Но он пришёл пьяный, вести автомобиль пришлось мне, а когда мы грузили труп, он споткнулся, труп упал на него, водитель начал кричать, плакать и бить мёртвого человека. Это получилось так плохо, что я без сожаления расстался с ним.

— И это все ваши проблемы? — мягко спросил полковник Мороз.

— Нет, господин полковник. Эти два месяца я мало сталкивался с бытовыми деталями русской жизни. Но две встречи с полицией России… В первый раз я попал в госпиталь. Во второй раз полиция продавала гангстерам наркотики, взятые с тела мёртвого торговца, которого убил наркоман. Я очень много не понимаю…

— Ну, с машиной мы вам поможем, — сказал майор. — У моей жены есть сестра, у сестры — муж, а у мужа — племянник. Хороший человек, с высшим образованием, четыре языка. Работал где-то там, что-то с космосом. Потом космос кончился, зубы на полку, промышляет частным извозом. Ну, документы переоформить — пара пустяков. Пиво допьём, я ему и позвоню. Может, сегодня и начнёте. Я думаю, согласится. Попрошу, в случае чего. Нормальный человек.

— А по поводу России вам поможет господин майор, — добавил полковник.

— В смысле? — поднял брови господин Феликс.

— Ну, вообще, — покрутил пальцами в воздухе полковник. — Чичероне там, туда-сюда. Ты же, майор, всё равно в отпуск уходишь? Ну вот. На море на твою зарплату не намылишься, кончился проклятый коммунизм. Аквалангист, понимаешь.

Феликс хмыкнул, покрутил головой и залпом допил пиво.

— Ну и — вообще… — загадочным тоном закончил полковник.

Майор опустил голову, посмеялся чему-то, поднял голову, посмотрел на полковника, тот улыбнулся в ответ. Потом перевёл взгляд на немца, и Фридрих поразился озорному блеску его глаз. Они явно что-то замышляли. Впрочем, если бы они хотели сделать ему вред, они давно бы уже сделали его. Фридрих успокоился. И улыбнулся в ответ.

— Благодарю за помощь, господа, — ответил он.

— Ну, какая это помощь, — всё так же благодушно сказал полковник.

— Но если нам вдруг потребуется ваша помощь, вы как? — спросил майор.

— Что — как? — не понял поначалу Фридрих. — А… Но чем я могу вам помочь?

— Ну, вдруг чего, — уклончиво ответил майор.

— Если это будет в моих силах и не нарушит закон, я готов помогать.

Офицеры переглянулись.

— Ну, вот и ладушки, — снова улыбнулся господин полковник. — Ладно, господа, вы уже отдыхаете, а у меня сейчас хлопот будет полон рот. Не подумайте, что я вас выгоняю…

Майор и Фридрих дружно поднялись с мест, распрощались и вышли.

— Давай сначала ко мне, я сделаю пару звоночков, переоденусь, всё такое, ну и пойдём потом уже, чтобы ничего больше не отвлекало.

В кабинете майор вручил гостю альбом подводных съёмок, в который Фридрих тут же тактично и уткнулся. Тем более что виды оказались сняты «с душой», как говорят русские. Профессионально, со вкусом. Красиво, одним словом.

Фридрих и не заметил, как майор успел переодеться, прозвониться и так далее. Казалось, вот только что вот раскрыл первую страницу альбома. И уже всё.

— Ладно, — махнул рукой майор. — Вижу, что оценили. Ладно, берите с собой, дома посмотрите, потом вернёте. Не в последний раз видимся, надеюсь.

И они вышли. Сначала из кабинета, а потом и из здания.

30

— Ну-с, — сказал майор, как только они сошли со ступенек парадного входа, — для начала я предлагаю продолжить и — по пивку! Двое мужчин, мирно пьющих пиво и беседующих — это настолько не вызывающая подозрений картина, что будьте готовы выпить сегодня много пива.

— Всегда готов, — ответил немец.

— Я тут договорился о встрече с вашим будущим водителем. Так что мы сейчас идём в направлении точки встречи, ну а по пути я вам кое-что покажу. Из жизни России. Вы ведь этого хотели, не так ли? Предупреждаю заранее, что буду показывать вам то, что знаю сам. Если придёт в голову мысль, что это специально для вас, выбросите её из головы.

Первый кусочек России лежал в стороне от центральных улиц. Впрочем, достаточно свернуть и немного пройти, чтобы оказаться на задворках жизни. Это правило справедливо для многих городов и стран.

— Сейчас зайдём в магазин, обратите внимание на нищенку слева по ходу.

Вошли. Нищенка действительно находилась на месте. Она кланялась, выставив перед собой руку, и просила проходящих мимо «подать», — «на хлебушек».

Феликс купил в хлебном отделе четвертинку чёрного русского хлеба, отвёл Фридриха в сторону и вручил ему хлеб со словами:

— Сейчас выходим, как скажу, подойди к ней, отдай хлеб и скажи: «На, покушай».

Фридрих кивнул. Он не совсем понимал, зачем Феликс ждёт, когда в магазине будет поменьше народу, а в проходе — вообще никого. Но терпеливо ждал. И двинулся с места лишь по команде сопровождающего. Как и было приказано, подошёл к нищенке один, положил в её руку хлеб и сказал, тщательно выговаривая слова: «На, покушай».

Спрятавшись за деревом, Фридрих ждал неизвестно чего. И дождался. Нищенка вышла на крыльцо, оглянулась по сторонам и украдкой, тайным воровским движением выкинула хлеб в урну. Майор удовлетворенно хмыкнул. Дождался, когда старуха вернулась на свое место, и повел немца дальше, продолжая свою странную экскурсию по России.

Отойдя несколько шагов, пояснил:

— Если увидишь нищего, постоянно стоящего на одном месте, или заметишь место, на котором постоянно стоят разные

нищие, то можешь быть уверен, что перед тобой бизнес на нищете. Частных лиц тут предельно мало, в основном рабы. Существуют несколько мафий, делающих деньги на нищих. И если кому-то, скажем, придёт в голову мысль попрошайничать, то его мигом поставят на место. Побьют, для начала.

Точно так же, как у бомжей поделены места сбора пустых бутылок, все места, наиболее подходящие для нищенства, тоже принадлежат кому-то. Посторонних прогоняют, бьют или заставляют платить дань. Ты видел, что произошло с хлебом, который выкинула эта? Его молча, без криков, воплей и просьб подобрал один из бездомных мальчишек и съел тут же. Запомни, Фридрих, настоящий голод никогда не выставляет себя напоказ.

— Не поворачивай голову в сторону, скоси глаза. Видишь человека в больших тёмных очках? Вон у той подворотни? Ждать не будем, неизвестно сколько прождёшь, но на всякий случай — это один из центров местной розничной торговли наркотиками. Любая синтетика. И ещё, в этом месте всегда можно сдать.

— Что сдать? — не понял Фридрих.

— Наркотики, что же ещё? Менты отбирают у наркоманов, или кто там по карманам пошарит. Все несут сюда. Половинную цену вручают сразу же.

— И вы так просто об этом говорите?

— А как я должен об этом говорить? В России есть хорошая поговорка: «Свинья грязи найдёт». Что в нашем случае означает, что если у человека есть потребность задурить себе голову, он найдёт, КАК это сделать. Наркотики — это просто модно. Втащить кислоты, надеть очки с призмами и улететь на дискотеке под мерцающие огоньки. На этот способ надо много денег. Поэтому он считается элитным. Наркотики — это престижно. Престижно потратить много денег, престижно попробовать то, что никто ещё не пробовал. Если денег нет, но желание вышибить себе мозги есть, можно взять из-под полы откровенно бодяжной водки. Смешать с пивом, добавить стеклоочистителя и ударить по печёнке.

Кстати, вы знаете, что во времена СССР на заводах пили клей БФ?

Фридрих даже поперхнулся. Клей? Пить?

— Да-да, именно клей, и именно пить. Существовала целая технология очистки спиртовой основы. Что-то там с солью, при помощи дрели и ещё всякое разное. Не специалист. Сам термин «шило», которым вы щеголяли перед полковником, родился именно на заводах. Первоначально слово «шило» обозначало смесь не питьевого спирта с водой. Технический, гидрашка, всё, кроме метила. Существовала даже широко распространённая

поговорка, выражение жизненной философии: «Пить всё, что горит, трахать всё, что шевелится. А что не шевелится — расшевелить и трахнуть». Так что в наши дни изменилась только форма, но не содержание.

— Что желаете в продолжение программы? Могу показать агентство по найму в публичные дома за границу. Дом, в котором живёт устроитель боёв до смерти. Людских, естественно. Могу сводить в ресторан, показать главного вора города. Он сейчас контролирует пару банков, уважаемый человек. А в своё время лично загубил четырнадцать душ. Зарезал, в смысле. Могу показать, но только снаружи, сами понимаете, притон педофилов. Или цыганский посёлок, центр распространения растительных наркотиков…

— Скажите, пожалуйста, — тихо попросил Фридрих. — Вы, похоже, знаете всех преступников в городе. Вы можете их арестовать?

— Шесть часов, — ответил майор Феликс.

— Простите?

— Если придёт приказ, в любое время дня и любое время года, то все известные нам рэкетиры, сутенёры, наркоторговцы, одним словом, все уголовные преступники, вне зависимости от их нынешнего социального статуса, через шесть часов будут находиться в хорошо охраняемом месте.

— А кто отдаёт приказ?

— Тот, кто никогда его не отдаст. Потому что много имеет взамен. Как говорит Виталий, это ваш будущий водитель, — демократия есть диктатура денег. Эксплуатация бомжей, нищих, проституток, торговля наркотиками, всё такое прочее — это очень денежное занятие. И оно кому-то выгодно. На всём этом кто-то делает деньги. Как и на войне в Чечне. Кому-то выгодно, чтобы всё это продолжалось.

У нас с полковником есть свой культовый фильм. «Новые центурионы». Как сказал его герой, делай свой долг на пять процентов и будь счастлив, что делаешь хоть это. И культовая книга. «Крёстный отец». Этот мир против нас, так что держись за свою семью…

Вы меня понимаете, геноссе Фридрих?

— Яволь, — ответил тот, немного подумав. И добавил: — Яволь, майн фюрер.

31

Переговоры с Виталием, новым водителем и дальним родственником майора Феликса, прошли быстро, в благожелательной обстановке и при взаимном интересе сторон. Тут же, не сходя с места, ударили по рукам. А на следующее утро Виталий заехал за Фридрихом, они погрузили трап, носилки и верёвку в небольшой грузовичок-фургон, размерами немного побольше первых двух труповозов, и стали ждать звонка.

Первый звонок прозвучал рано, молодой настойчивый голос дал заказ на частный извоз трупа и назвал адрес. Прибыв по указанному адресу, — старый район города из частных деревянных домов, — Фридрих вышел из кабины грузовичка и с любопытством огляделся. В таких местах он ещё не был. Воздушная линия жёлтых труб центрального газоснабжения. Деревянные заборы. Первый этаж домов каменный, второй — деревянный. Полное ощущение провала во времени. Не то в двадцатый век, не то в девятнадцатый…

Из-за кряжистого, разлапистого дерева вышел человек в головной повязке, старой кожаной куртке, порыжевшей от времени, и широких чёрных брюках, заправленных в высокие кроссовки. Лицо человека украшали солнцезащитные очки. Хотя погода не соответствовала. Небо тучками подёрнулось. Какое там солнце, — того гляди дождь пойдёт!

Неторопливо подойдя к машине, встречающий неспешно поинтересовался:

— За трупом?

Фридрих неторопливо кивнул.

— За мной, — скомандовал встречающий и добавил: — Водилу оставь. Не надо.

Фридрих посмотрел на Виталия. Виталий, не вылезая из-за баранки, пожал плечами.

Фридрих ответно пожал плечами и направился следом за странным встречающим.

Зашли за угол, прошли переулком, прыгая со старой покрышки на старую покрышку, уложенные в виде мостков посреди вечно непросыхающей грязи. На полпути, где-то на пятой или шестой покрышке, немец остановился и критически оглядел предполагаемый путь проноса трупа. Не пройти посуху…

Повернули в следующий проулок и зашли во двор первого же дома слева. Верх — дерево, первый этаж и полуподвал — кирпич. Старый, красный, багровый даже. В воздухе запахло веком восемнадцатым, может даже — семнадцатым…

Провожающий зашёл в маленькую деревянную пристройку у самой стены, нечто вроде кабинки туалета на улицах Запада, открыл тяжёлую низкую деревянную дверь, молча пригнулся и стал спускаться в полуподвал. Фридрих, молча, не унижаясь до суетливых расспросов, — следом. Лестница короткая, но крутая, ступени продавлены посередине тяжестью многовекового хождения. Не до слов. Не упасть бы.

Войдя в само помещение полуподвала, Фридрих чуть было не упал. В прямом смысле этого слова. И было от чего. Прямо перед ним, в дальнем конце практически пустой комнаты, за столом, застеленным флагом Третьего рейха, свастикой ко входу, сидели, сцепив руки поверх стола, трое бритоголовых крепышей в кожаных куртках и тёмных очках на половину лица. Сидели и молча: ни слова, ни жеста, — смотрели на вошедшего.

Фридрих машинально оглянулся назад. Сопровождающий уже отошёл в угол и встал там по стойке «смирно». Тоже не выражая никакого желания общаться и даже шевелиться. Постояв в недоумении около минуты, Фридрих решил, что неподвижностью и молчаливостью хозяев не удивишь. И стал неспешно осматривать место, в которое его завела судьба.

На стене слева от входа имел место быть флаг Третьего рейха, копия скатерти на столе с троими молча встречающими, следом, ближе к двери, шло большое, на всю высоту стены, изображение какой-то дополненной свастики. Сразу и не узнаешь.

На середине противоположной стены, сверху донизу, составленный из отдельных кусков, пребывал фотопортрет некоего усатого господина в японской одежде для занятий каратэ. Господин стоял в решительной стойке, выставив вперёд, в сторону зрителей, внушительный кулак. По обе стороны от центрального изображения имелось ещё несколько изображений того же господина, размером поменьше и в других условиях съёмок, фотографии шеренг людей в одинаковой форме, фас и профиль, и что-то там ещё, поменьше. А также неизбежные изображения икон, фотографий церквей и прочая атрибутика современных российских патриотов. Фридрих наконец-то понял, куда он попал. Он попал в логово экстремистов фашистского толка.

Закончив осмотр помещения и немного подумав, он вышел на середину комнаты. Где и замер, скрестив руки на груди и устремив взгляд куда-то поверх голов сидящих за столом.

Постояв так минутку-другую, Фридрих принялся насвистывать мелодию: «Ах, мой милый Августин». После чего, ввиду отсутствия реакции хозяев, начал рассматривать трещины на потолке. Краем глаза он заметил, что неподвижные фигуры за

столом дрогнули и стали переглядываться. «Ага», — подумал по-русски Фридрих и внутренне улыбнулся.

Центральная фигура за столом гулко откашлялась в поднесённый к лицу кулак. Фридрих выждал секунд десять и безмятежно опустил глаза на источник звука.

— Мы разочарованы, — сказала центральная фигура.

— Мы? — подумал Фридрих. — Мы, Кайзер Полуподвала… забавно…

— Может, он и не немец вовсе, — сказал один из сидевших сбоку.

— Да нет, немец, сам проверял, — ответил второй сбоку.

— Паспорт показать? — спросил Фридрих.

— А покажи! — ответил центральный.

Фридрих подошёл к столу, и показал паспорт всем троим, предусмотрительно не выпуская его из рук. Потом вернул документ во внутренний карман.

— Итак, господа, вы меня обманули.

— Не обманули, а проявили тактическую хитрость, — проворчал центральный.

Фридрих усмехнулся.

— И что дальше? Ну, схитрили. Ну, увидели живого немца. И что теперь?

Сидевший в центре растерянно посмотрел на стены, потом по очереди взглянул на обоих соседей, потом снова на стены и потом уставился на немца, словно увидел его впервые.

— Не тот нынче немец пошёл, — сокрушённо заявил сидевший в середине и горестно покивал головой.

— Не, не тот, — поддакнули оба боковых, соглашаясь.

Фридрих откровенно расхохотался.

— Если это всё, то я назад иду, — и направился к выходу.

— Проводите, — поспешно крикнули сзади. — Предателю расы нечего делать среди истинных арийцев!

Когда впереди показалась машина, сопровождающий аккуратно взял Фридриха за локоть. Ингер полуобернулся.

— Передайте полковнику, что всё в порядке, как обычно, — сказал сопровождающий.

— Какому из полковников? — равнодушно спросил немец.

— Морозу, — немного растерянно сказал русский. — Или вы не из милиции?

— Я передам, — пообещал Фридрих, и покровительственно похлопал экстремиста по кожаному плечу.

— И в Москву отчёт, — в приступе внезапной фантазии продолжил он. — И на Запад отчёт. Хорошо работаете, продолжайте в том же духе!

Залез в кабину, махнул рукой и сказал по-русски, громко, для стоявшего на земле:

— Трогай!

— Штирлиц сел в такси и сказал шофёру «Трогай!». Шофёр потрогал — и припух, — негромко произнёс Виталий, когда машина отъехала.

— Штирлиц? — переспросил Фридрих. — Ах! Русское кино! Помню, помню.

В это время зазвонил сотовый.

— Городской отдел по перевозке трупов слушает.

В трубке раздался здоровый жизнерадостный смех.

— Ну, как вам наши фюреры, геноссе Ингер? — ласково спросила трубка.

— Майор Феликс! — изумился Фридрих.

— Он самый. Понравилась экскурсия? Мне только что доложили, что всё прошло нормально, вы в порядке, уже уехали.

— Так это была ваша затея?

— А как же! Ну, как ваши впечатления? От русских фашистов?

Фридрих попытался вспомнить подходящее русское слово.

— Это просто какой-то — срам, — с чувством сказал он в трубку.

Трубка снова ответила ему жизнерадостным смехом.

— А вы чего хотели? Там только наших агентов процентов восемь состава, да фээсбэшники, да всякие разные, — процентов сорок-шестьдесят наберётся.

— А зачем вам всё это надо? — изумлённо спросил Фридрих.

Из трубки послышался протяжный укоризненный вздох.

— Ну, подумайте сами, вы же взрослый человек.

Виталий, с интересом прислушивавшийся к громко пищавшей трубке, дождался окончания разговора и спросил:

— Так это он вам экскурсию к нашим декабристам устроил, что ли?

— Почему — декабристам? — не понял Фридрих.

— По-Ленински, однако. «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа». Соберутся кучкой в подвале и начинают гордиться чистотой рядов. Да водку жрать.

— Но если этих людей там мало, и среди них так много агентов правительства?..

— То почему так много разговора о русских фашистах? Элементарно, Ватсон! Как начнут наши законодатели бюджет урезать, начальство команду даёт, командиры подвальные декабристов своих строят, символику страшную надевают, — и по улице! А там уже заранее предупреждённые журналисты с

видеокамерами наготове. Материал жареный, раздувают вовсю. Получается эксклюзив. Жареный эксклюзив быстренько переправляют на Запад. Тамошние журналисты, в целях повышения тиража или там смотрибельности канала, эту лабуду вовсю крутят. Западные правительства посылают запрос в Москву. Из Кремля требуют на ковёр силовые ведомства: ФСБ, ментов и прочих там. Что у вас творится? Те пожимают плечами и говорят: а что мы можем без денег? После чего появляются деньги. Что, в общем-то, и требовалось изначально.

Фридрих покрутил головой.

— А почему стражам закона сразу не дать столько денег, сколько им надо для работы?

Виталий изумлённо присвистнул.

— А украсть? Демократия — это диктатура денег. Поэтому все рвутся к деньгам. Ты что думаешь, наши парламентарии в парламент прут просто так? Не-ет… Во-первых, это неприкосновенность. Воруй — не хочу! Во-вторых, за принятие нужного закона по пятьдесят тысяч долларов народишко огребает, тоже не хрен собачий. Сейчас, правда, цен не знаю. А украсть-то хочется! Деньги-то нужны! Заводы-фабрики стоят, откуда украсть можно? Только из бюджета. Нефтедоллары. Вот и кроят, как могут. А если они по новому закону бюджет урезали, откуда деньги взять? Только перекраивать. А по какой причине? А вот по такой!

Фридрих сидел, разинув рот.

— Но как же ваш народ выбирает в парламент таких кандидатов?

— А на это выделяется часть украденного. Покупаются специалисты по общественному мнению, которые объясняют народу, что он сам во всём виноват, и надо выбрать того-то и того-то. Ты чего думаешь, они воруют в три глотки? На выборы припасают!

Фридрих попытался обдумать услышанное.

— Тратить на выборы, чтобы прийти во власть и украсть на следующие выборы? Но это же замкнутый круг.

— Конечно!

— Но если нет производства, то откуда берутся деньги в бюджет?

— А государственное имущество распродают. Сейчас вон уже до земли добрались.

— А когда продадут землю?

Виталий преувеличенно пожал плечами, не отрывая глаз от дороги.

— А что делают простые русские избиратели? Разве они не

читают газет?

— Читают. Но газеты купил тот, у кого были деньги. А деньги были у тех, кто смог украсть. Вон, в начале перестройки, были у людей сбережения, раз — и нету никаких сбережений! Украли. На украденное купили газеты. После чего в газетах стали печатать только то, что не мешает воровать дальше и оправдывает украденное раньше. Маркс, он, конечно, сволочь, но в одном он гениально прав: если капиталу дать триста процентов прибыли, то он не остановится перед любым преступлением.

— Ты всё понимаешь. Почему ты работаешь на машине?

— Потому что в шестнадцатой главе евангелия от Луки сказано: «… ибо сыны века сего догадливее сынов света в своем роде»… В роде — солгать, в роде — украсть…

Помолчали.

— А что я должен делать? Пить уксус, крокодилов есть, — как говаривал товарищ Гамлет, принц датский? По всей планете, а сейчас и в России, из ста человек девяносто девять хочет много денег, лучше сразу и любой ценой. Истинные сыны века сего. Остальные могут только попытаться выжить. Что я и делаю.

Фридрих подумал, ещё раз подумал и спросил. Тихо, как бы про себя:

— Значит, фашистами у вас называют тех дурачков из подвала?

Виталий хмыкнул, и дальше они ехали уже молча.

32

Мужики сидят под тентом,
Им под тентом — хорошо,
Выбирают импотенты
Между телом и душой!

Эту странную песню пел майор Феликс, старательно обрабатывая веником спину Фридриха Ингера. Дело происходило в русской бане. Точнее — в номерах. Ещё точнее — в парной комнате, на верхней полке, где самый жар. Ингер лежал на подстилке из старой армейской шинели, чтобы не обжигаться о раскалённое дерево полки, на голове его, в качестве предохранения от теплового удара, помещалась потерявшая всякую форму зимняя шапка-ушанка.

После того, как его побьют веником по всем у телу, надо выбраться из парной комнаты и прыгнуть в бассейн с холодной проточной водой. Русские утверждали, что это колоссальное удовольствие и очень полезно для здоровья. Возможно. Может быть, в сорокаградусные морозы это даже и приятно. Но не привычному к такому обращению немцу порой хотелось просто взвыть волком. Нет, он ходил в турецкие бани, он был в финской сауне. Но русская баня — это слишком сильное впечатление для цивилизованного человека.

Так. Кажется, пытка кончилась. Поддерживаемый под руку майором, Фридрих, оскальзываясь на подгибающихся ногах, добрёл до выхода, дошёл до края бассейна, заботливая рука сняла с его головы шапку, и герр Ингер камнем канул в воду.

В первые мгновения он даже не почувствовал разницы температур. Настолько хорошо, добросовестно и трудолюбиво распарил его тело Феликс. Но через какое-то, не определённое сознанием немца, время, тело его наконец-то поняло, куда оно угодило. После чего Ингер, словно влекомый неведомой силой, с воем оказался на бортике бассейна.

Оба милиционера, майор Феликс и неведомый молодой человек спортивного вида, которого велено было звать просто «лейтенант», стояли рядом, от души улыбаясь. Фридрих посмотрел на их лица и внезапно сказал:

— Такие же улыбки я видел в госпитале, у тех людей, которые учили меня русскому языку. Я уже понял, что для тех людей я был чем-то вроде большого попугая, которого они учат говорить по-человечески. Любопытно, кто я в ваших глазах?

— Вы преувеличиваете, дорогой Фридрих, — усмехнулся Феликс.

— Разве? А что скажет лейтенант?

Лейтенант перевёл глаза на старшего по званию, словно в ожидании приказа.

— Нет, нет, лейтенант! Сами, сами, пожалуйста. Что вы думаете?

— А я не думаю, — ответил лейтенант. — Я выполняю приказ. Прикажут, — буду поить вас водкой и водить блевать с крыльца. Прикажут, — всажу вам пулю между глаз.

— Спасибо за откровенность, — не смутился Фридрих. — Вот что мне нравится в русских.

— И что же? — полюбопытствовал майор.

— Выражаясь по-русски, они вкладывают душу в то, что делают.

— Возможно, — загадочным тоном произнёс Феликс. — А теперь — к столу!

Стол ломился. Водка настоящая, не поддельная, охлаждённая. Пиво в изобилии: и количеством и ассортиментом. Естественно, любимая русскими сухая рыба вобла. Естественно, те самые салаты, про которые русские сами же и рассказывают массу анекдотов.

— Это то самое, куда русские падают лицом, сильно выпив водки?

Феликс смеялся, хлопал по плечу, говорил: «Всё-то мы знаем!», шутил.

Фридрих залихватски хватил большую стопку водки, крякнул, наморщив нос, потёр руки и приступил к закуске. Естественно, для гостя имелись сосиски и капуста. Впрочем, русские понимают в немецкой кухне столько же, сколько немцы в русской.

Кольцо, из соображений безопасности при посещении парной, было снято, поэтому пивные пробки открывались о край стола. Фридрих пытался схитрить, заменяя водку пивом, но русские, пившие пива чуть ли не больше его, ухитрялись выпивать и изрядное количество водки. А также, вроде бы и незаметно, тост за тостом, влить и в гостя чуть ли не полную бутылку. Необычная обстановка, хорошая закуска, когда Фридрих понял, что уже пьян, было поздно. Он напился. Движения стали неровными и порывистыми, реакция на внешние раздражители замедлились. А понимание окружающего помутилось. Поэтому, когда майор предложил пойти и ещё разок окунуться в бассейн, немец не вспомнил про обжигающий холод воды и вышел в зал для мытья. Пошатываясь и расставив для равновесия руки.

Не доходя до бассейна, он услышал позади себя какие-то странные, не вписывающиеся в ситуацию звуки. Нечто вроде

частых звонких шлепков босыми ногами. Детских.

— Откуда здесь могут взяться дети? — подумал Фридрих и обернулся.

К нему спокойно, глядя на него широко раскрытыми зелёными глазами, приближалась голая девочка лет четырнадцати, очень похожая на его дочь.

— Но ты же погибла, — сказал он на родном языке, всматриваясь в знакомые черты.

— Или Хильда была права? Она сказала, если встретишь нашу дочь, не обижай её. Она говорила про тебя? Это ты? Посмотри на меня.

Фридрих протянул руку к её лицу, взял за подбородок, поднял голову.

— Но ты же совсем без одежды!

Обернулся, приобняв её одной рукой, в поисках любого клочка ткани, и лишь теперь обратил внимание на какие-то непонятные звуки. Непонятные щелчки. И вдруг увидел, что присевший на корточки уже одетый лейтенант фотографирует его. Почувствовал на своём теле прикосновения, опустил глаза. Девочка, повернув лицо в сторону фотографа, принимала разные позы, касаясь его тела. Недоумение сменилось горчайшей обидой. Не злобой, не ненавистью, нет. Именно обидой. Люди, которым он доверял, обманули его.

— Дьявол есть Отец Лжи, так учит Христос. Вы обманули меня, русские?

Лицо его изменилось, он оттолкнул, не глядя, этого маленького участника лжи, и сделал шаг. Лейтенант быстро поднялся и вышел за дверь. Когда Фридрих, почти не качаясь, последовал за ним, ни лейтенанта, ни его фотоаппарата в комнате не было. Только майор Феликс, в одной простыне, сидел за столом, тщательно пережёвывая пучок зелёного лука.

— Одевайся и иди, — сказал он за спину немца.

Фридрих обернулся. Голая девочка равнодушно обошла его, накинула на себя платье, надела босоножки и вышла за дверь. Дверь закрылась. Повернулся к столу.

— Он уже ушёл, можешь за ним не гнаться.

Лицо майора было спокойным, сосредоточенным и на нём лежала какая-то неясная тень. А в глазах блестело искреннее сочувствие. Удивительно…

Феликс протянул руку и указал на скамью напротив.

— Присаживайся, Фридрих, я начинаю объяснение. Видишь ли, на настоящий день положение дел в России таково, что на любого участника какого бы то ни было дела, имеющего дело со сколько-нибудь значительными деньгами, необходимо иметь

компрометирующий материал. Компромат, как говорится. И здесь нет исключений ни для тебя, ни для меня. Ты думаешь, полковник Мороз приказал сделать это для своего собственного удовольствия? Нет. Он всего лишь полковник. В том-то всё и дело.

Нам с полковником ты искренно нравишься, Фридрих. Мы испытываем к тебе самое настоящее расположение. Мы понимаем, что для тебя это душевная травма. И можешь быть уверен, что этот материал никуда не пойдёт. Он будет лежать в сейфе. Но он обязан там лежать. И если его там не будет, плохо придётся уже нам с Морозом.

Пойми, Фридрих, система власти в современной России, да, наверно и у вас тоже, такова, что компромат собирается на всех. НА ВСЕХ. Это объективная реальность. Она не зависит от нас, как от нас не зависит смена дня и ночи. На всех. На политиков. На высших офицеров. Это обязательно. Если получится — на всех подряд. Тебя просто не пустят во власть, если на тебя нет компромата и тобой нельзя управлять. Это как военные механизмы. В каждый должен быть встроен механизм самоуничтожения. Чтобы если какой-то элемент системы стал угрожать существованию всей системы, или её достаточно большому участку, можно было ликвидировать этот элемент. Такова се ля ви, как говорят французы.

Я понимаю, что для тебя это достаточно большое нервное потрясение. Поэтому и сделал так, чтобы о съёмке компромата знало минимальное количество людей. Лейтенант — могила. Он отдаст фотоаппарат и тут же всё забудет. Девочка — профессионалка. Она знает, что язык — это самый быстрый инструмент для выкапывания себе могилы.

— Она не может быть профессионалкой, — хрипло ответил Фридрих, глядя в стол. — Ей сколько лет?

— Это не имеет значения, — ответил майор. — Парламент России уже принял закон о возможности совокупляться с несовершеннолетними. С четырнадцати лет. Ходят слухи, что некоторые наши парламентарии ездили по обмену опытом в Сан-Франциско. Говорят, там есть общество, которое борется за права детей подвергаться сексуальной эксплуатации с восьми. Но у нас ещё не готово к этому общественное мнение.

Фридрих поднял голову и посмотрел в глаза Феликсу. В глазах майора читалось искреннее сочувствие.

— И что же мне теперь делать? — хриплым разбойничьим голосом спросил немец.

— Напиться, — кратко ответил майор.

33

Хильда медленно пролетала мимо него, кружась в воздушном танце с облаками. Её волосы, которыми она так гордилась при жизни, плыли за ней невесомым шлейфом под хрустальные звуки клавесина. На конце каждого волоска мерцала крохотная искорка. Не было земли и неба, не было света и тьмы. Был серебристо мерцающий туман. И они. Вдвоём.

Фридрих поднял руку и посмотрел сквозь туманную плоть на самозабвенно отдающуюся несущему её потоку мерцающей музыки жену.

— Где мы? Я тоже умер?

Неспешно повернув голову, словно её оторвали от какого-то важного дела, Хильда прелестно наморщила носик знакомым до боли земным жестом смешливого вызова.

— Если ты ещё раз выпьешь столько же водки, непременно умрёшь.

— Значит, я ещё жив? Тогда где я? Где мы?

Хильда недоумённо огляделась вокруг, глаза её ненадолго приняли знакомое земное выражение. Так она могла бы выглядеть, если бы парижский клошар попытался бы продать ей Мулен-Руж. Ах, наше свадебное путешествие…

Хильда внезапно оказалась одетой в своё свадебное платье, грянул невидимый марш Мендельсона, сквозь серебристый туман проплыла мило хохочущая о своём стайка распустившихся цветов. Гирлянда плюща их садового домика мимоходом сплелась в вензель на свадебном торте, хор колокольчиков ландыша прозвенел хрустально мелодию дверного звонка, прелестная роза обернулась в его сторону и томно послала Фридриху воздушный поцелуй. Звонко и проказливо захихикали лесные фиалки, а гордый эдельвейс лишь окинул людей взглядом несуществующих глаз и отвернулся.

Хильда небрежно и самую чуточку досадливо повела плечами, живой гербарий исчез, снова послышался клавесин, а глаза её приняли прежнее, отсутствующее выражение.

— Разве это так важно, Ганс? Или Фридрих? Кто ты теперь, Ганс?

— Не знаю, — ответил Фридрих и повторил её слова: — Разве это так важно?

— Ты изменился Ганс. Понимаешь? Ты уже никогда не станешь прежним.

— Ну и что? — пожал плечами Фридрих. — Ты тоже изменилась, Хильда.

— Я? Ах, да, — Хильда небрежно повела плечами. — Но это же так естественно…

— Ты что-то хотела мне сказать?

— Я? Ах, да. Конечно. Благодарю тебя, что ты не обидел нашу дочь.

— Значит, там, в бане, была она?

— Не полностью. И только на короткое время. Но всё равно, спасибо тебе.

Фридрих оглянулся. Везде, куда ни проникал его взор, было только одно: серебристо мерцающий туман. Ад? Рай? Чистилище? Великое Бардо?

— Это всё, что ты хотела сказать мне?

Хильда недоумённо оторвалась от своего занятия и встретилась с ним взглядом.

— Нет, Ганс… Ты забываешь, кто ты. Может быть, ты стал русским? Вспомни, кто ты, Ганс. Я боюсь, что ты забудешь не только нас. Ты забудешь и себя. Ты можешь не приносить цветы на мою могилу. Но я думаю, тебе стоит поразмыслить над тем, где будет твоя. Я беспокоюсь за тебя, Ганс. Хотя мы теперь и такие разные. Но я всё же была твоей женой.

— Была, — промолвил Фридрих. И тут же всё изменилось.

Хильда отвернулась и стала стремительно удаляться от него. Серебристый туман исчез, появилась головная боль и тошнота. Появилось что-то белое, нависшее сверху. Фридрих с усилием разомкнул наконец-то веки и увидел над собой потолок. Со стоном повернулся на бок. Теперь он узнал обстановку. Это была его квартира. Он лежал на кровати. Кто-то бережно раздел его до трусов, накрыл одеялом. Он же поставил рядом, только протяни руку, — большой таз с водой. В воде, закутанная каждая в индивидуальную мокрую тряпку, стояли бутылки пива. Фридрих пошевелил рукой и ощутил на пальце знакомую тяжесть. Перстень-открывалка.

Протянул руку, покачал одну из бутылок из стороны в сторону, мокрая тряпка сползла в воду. Поднял бутылку, перенёс её на кровать, непослушными руками сорвал пробку. Поднёс горлышко ко рту. Пиво оказалось холодным. Точнее — прохладным. Чуть ниже комнатной температуры. Скажем так: на верхнем пределе температурной шкалы, допустимой для пива в приличном пивном обществе. Фридрих вздохнул и сделал первый глоток. Потом перевернулся на спину, подмял под себя подушку, приподнялся и лёг чуть повыше. Вздохнул.

Жизнь продолжалась.

34

Жена плохого не посоветует. Даже умершая. Поэтому Фридрих, когда наконец-то пришёл в себя и понял, что сегодняшний день для работы потерян, махнул на всё рукой и в переносном, и в прямом смысле, — впервые у него сам собой получился этот странный русский жест, — и отправился на видеорынок, мирно соседствовавший с книжным и рынком лазерных дисков для компьютера. Девять десятых продающихся там дисков были «левыми», то есть пиратскими копиями. Что не делало их хуже качеством где-то в половине случаев. Впрочем, русские — на удивление неприхотливый народ.

На рынке Фридрих уже был. Друг переводчика из мэрии, за небольшую мзду составивший для него в высшей степени удачный индивидуальный немецко-русский разговорник, приезжал сюда за какими-то программами, в виде отдыха от работы. Оказывается, многие государственные учреждения не могли себе позволить приобретение лицензированных программ по финансовым соображениям. И спокойно пользовались пиратскими. Что никак не отражалось на их работе.

Погуляв по рынку, Фридрих не нашёл немецких фильмов вообще. Нашёл только «Фатерлянд» с Рутгером Хауэром. Купил, конечно. Когда он уже подошёл к выходу, к нему вплотную приблизился какой-то русский, пахнувший луком, водкой и одеколоном «Шипр».

— Слышь, мужик, выручи. Мне бы опохмелиться. А ты такого в жизни не видел и не увидишь, бля буду.

Выражение «бля буду» означало нечто вроде штрих-кода. Своеобразная гарантия качества. Обещание того, что обещание соответствует реальности.

Фридрих хмыкнул, почесал нос. Этот жест тоже был кодовым. И тоже что-то там означал. Задумываться над значением не хотелось, сумма казалась смешной, а продавец — навязчивым. Так что приобретение видеокассеты произошло скорее для того, чтобы отвязаться. А не потому, что Фридрих и в самом деле ждал чего-то там особенного.

Вернулся домой. Прошёл на кухню. Критически посмотрел на плиту. Есть не хотелось. Но надо же чего-нибудь… Открыл холодильник. Пиво. Водка в морозильнике. Мясные консервы. Сухая русская рыба. Водки не хотелось, хотелось пива. Достойная немецкая закуска к пиву отсутствовала. Пить пиво просто так? Вздохнул и вынул рыбу. Попробовать, что ли…

Прошёл в комнату, установил кресло напротив телевизора. С

одного боку — таз с водой и пивом. Ходить за каждой бутылкой — «в лом», как говорят русские. А испарение — охлаждает. Пиво должно быть прохладным. С другого бока — журнальный столик. На столик была положена сухая рыба и зазубренный столовый нож. Вообще-то русские чистили рыбу зубами, предварительно поколотив ею о край стола, как это было вчера в бане. Но он ещё не стал настолько русским, чтобы пойти на это. Нож, оно, знаете ли, культурнее…

Поставил «Фатерлянд», привычным уже движением перстня открыл пиво. Пристроил пульт управления телевизором и видеомагнитофоном поближе. После чего занялся рыбой.

«Фатерлянд» пришлось смотреть урывками. Увлёк процесс общения с рыбой. Фридриху внезапно пришла в голову мысль, что русская вобла, — так называется специально высушенная рыба к пиву, — это нечто вроде японской чайной церемонии. Когда основное внимание уделяется не процессу поглощения, а процессу приготовления. Залезть в домик, усесться на своё место. Смотреть, как проворные руки гейши взбивают пену. Потом взять чашку, хлопнуть её махом. И сновка сидеть. Медитировать. Наслаждаться ощущениями…

То же самое оказалось и с воблой. Во-первых, сам процесс очистки. Неспешное приготовление умиротворяюще действует на всё тело. Расслабленные руки, не совсем плетьми висят, нет, просто не напряжённые. Спокойно, без суеты, делают своё дело. Фридрих не удержался и всё-таки, — ритуал есть ритуал! — постучал воблой по колену. Потом погнул рыбину во все стороны. Послышался характерный треск. Чешуя на рыбе встопорщилась, как иглы рассерженного дикобраза и осталась в этом положении.

Фридрих посмотрел на нож и отрицательно покачал головой. Нет. Только руками! И он стал аккуратно, чешуинку за чешуинкой, очищать рыбу. Выдёргивать, и класть рядом, на столик. Получилось что-то вроде перебирания чёток. Монотонно, но в то же время разнообразно, с ожиданием чего-то впереди, какой-то награды за выполняемые усилия.

Не терпится? Оторви плавничок, положи в рот. Терпкая солёность приятно ложится на язык. Язык безо всяких усилий поворачивает во рту гребёнку сухих косточек и слюна неторопливо вымывает притаившееся между ними вкусное содержимое.

Так. Плавник кончился. Выплюнуть его, туда, в чешую, на стол. А теперь — поднести в губам початую бутылку и сделать длинный, неторопливый, неспешный, медленный глоток.

Пиво как бы самотёком движется тонкой струйкой по жёлобу языка и теряется в горле. Жаждущая раствориться во влаге

солёность несколько усмиряет свои порывы, а ты в рот второй плавничок. А руки, неспешно, без суеты, выдёргивают чешуинку за чешуинкой, оголяя чуть беловатый от соли, обещающий вкусное бочок воблы. И снова всё повторяется.

Часть чешуи отдирается вместе с куском рыбьей кожи, некоторые чешуинки приходится скрести ногтем. Но вот рыба готова. Экспериментировать с поджариванием на огоньке спички рыбьего пузыря с последующим поеданием оного Фридрих не рискнул. Это показалось ему чересчур русским. Все потроха были удалены и брошены в кучу чешуи безжалостной рукой. Вместе с головой. Не плавник. Слишком много во рту места занимает.

Снова — пиво.

И вот, наконец, сама вобла. Отдираем часть спинки. У больших рыб это называется балык. Жуём, прикрыв глаза. Плотная ткань воблы разжижается хлынувшими со всех сторон в рот потоками, реками, ниагарами слюны. Полость рта словно пропитывается солью, смешанной с пылинками рыбьей плоти. Глоток, и тут же, не открывая глаз, рука нащупывает бутылку, подносит ко рту горлышко, и ты пьёшь, пьёшь, пьёшь живительную влагу, чья лёгкая горечь как по волшебству усмиряет вызванную воблой жажду.

Чудные ощущения!

Не удивительно, что испытавший подобное впервые, Фридрих основную часть внимания сосредоточил именно на процессе общения с воблой. Отчего кино пришлось воспринимать эпизодически, урывками. Впрочем, «Фаретлянд» он уже видел…

Удивительно, что пиво и фильм кончились практически одновременно.

Не заметивший, как кончилось пиво, Фридрих с изумлением посмотрел в пустой таз, где сиротливо плавали одинокие тряпки. После чего почесал в затылке. И вздрогнул, осознав всю необычность этого жеста. Осторожно, скосив глаза, поднёс руку к лицу и подозрительно осмотрел её со всех сторон. Рука как рука. Ничего необычного. Посмотрел по сторонам, пожал плечами, потом махнул рукой, — ничего не понимаю!

Вздрогнул. Попытался повторить жест с маханием рукой и чесанием в затылке. Не получилось точнее, получилось, но не то. Не так. После чего Фридрих сложил руки на коленях, вздохнул и сказал сам себе. По-немецки:

— Кажется, под воздействием воблы начинаю превращаться в русского.

Встал. Положил руки на живот. Однако! — как говорят русские. Сколько же он выпил? И как незаметно. Вздохнул и пошёл к холодильнику.

Погрузив в таз новую партию бутылок, поковырял языком в зубах, пошуршал пальцем в чешуе на столе, — не затерялся ли там какой вкусный кусочек? Потом опомнился, погрозил тем же пальцем кучке чешуи и костей сказал вслух, по-немецки:

— Нет, на сегодня — хватит.

И включил проигрывание.

Съёмки документальные. Явно скрытой камерой. Человек из-под потолка так снимать не может. Он там просто не поместится. Микрофоны расположены где-то в районе кровати. Потому что звук ясный, чёткий, без искажений.

Машинально поднося к губам пиво, когда в горле совсем уже пересыхало, Фридрих не отрываясь, смотрел, как некий человек, в котором он узнал местного губернатора, кувыркается в постели с двумя негритянками. Хрюкает от наслаждения, зарывается в их тела, одним словом, устраивает оргию.

Помимо обычных телодвижений, губернатор использовал минет, кунилингус, анилингус, а кроме того, одна из негритянок, в то время, как он возился со второй, насиловала его в зад искусственным членом. В перерывах между оргазмами губернатор развлекался нюханием какого-то белого порошка. А также поливал тела негритянок коньяком и облизывал мокрые места.

Много чего совершал губернатор. Многое открыл для себя нового Фридрих.

Затем сменилось место действия. Баня. Номера. Чуть ли не те же самые, вчерашние. В бане, в зале для помывки с бассейном, а также в самом бассейне занимались групповым сексом несколько мужчин. В одном из мужчин Фридрих узнал мэра. Попеременно исполняя то активную, то пассивную роль, господин мэр использовал для секса настолько необычные места человеческого тела, что Фридрих даже изумился тому, что такое вообще возможно! Мужчины пили водку и гонялись друг за другом с естественными и искусственными членами. Практиковали секс анальный, оральный и мануальный.

Затем снова произошла смена места съёмки. На этот раз господин мэр участвовал в сексуальных играх в стиле маркиза де Сада. Примечательно, что для участия в этих развлечениях он пригласил исключительно несовершеннолетних мальчиков.

Последний эпизод показывал господина губернатора. Господин губернатор предпочитал несовершеннолетних девочек. Впрочем, это тоже были игры де Сада. Только в качестве садомазохистского инвентаря губернатор использовал исключительно собственный член. Потому что эти девочки не достигли даже возраста, разрешённого парламентом России, то есть четырнадцати лет. И им было откровенно больно. Одна даже

открыто плакала. Что ещё только больше возбуждало губернатора…

Общее время показа было небольшим. Что-то около получаса или сорока минут. Но по истечении их, когда кассета окончилась, и видеомагнитофон с жужжанием погнал перематывать плёнку обратно, Фридрих встал, твёрдым шагом направился на кухню, открыл морозильную камеру холодильника, достал бутылку водки, сорвал пробку и сделал несколько крупных глотков прямо из горлышка. Без закуски. Даже не занюхивая рукавом.

Зазвонил телефон. Не сотовый, местный. Квартирный.

— Алло?

— Теперь вы понимаете, почему без компромата нельзя?

— Это был ваш человек? — вопросом на вопрос ответил Фридрих.

— Это имеет значение?

— Не знаю, — честно ответил Фридрих.

— Если вы хотите отомстить мне, вам достаточно обнародовать эту плёнку. Лично мне будет очень плохо. Нашему общему знакомому — тоже.

— Вы же прекрасно понимаете, что я этого не сделаю, — сердито ответил Фридрих.

В трубке послышался вздох.

Молчание.

— Ну и что же я должен теперь делать? — несколько сварливо спросил в трубку Фридрих. Некстати вспомнил Виталия. — Пить уксус? Крокодилов есть?

— Ничего, — ответил майор. — Абсолютно ничего. Продолжайте заниматься тем же, чем и занимались. Лично вы не должны делать ничего.

И повесил трубку.

Фридрих постоял минуту с телефонной трубкой в одной руке и бутылкой водки в другой. Потом в сердцах бросил трубку на место, отнёс в морозильник водку, вынул последние бутылки пива. Выпил их стоя. Подумал, после чего произнёс по-русски три универсальных междометия, подряд:

— Ну, блин, ващще!

Принял ванну и лёг отсыпаться. Завтра предстояло возвращение на работу. Говорят, трупы не торопятся. Может быть. А вот эти проклятые живущие вечно куда-то спешат!

35

Утром позвонили из банка. Нет, не из Фатерланда. Из местного. Сообщили, что деньги из мэрии так и не перечислены. Заботливо интересовались проблемами дальнейшего сотрудничества. Может быть, господин Ингер захочет воспользоваться услугами их банка в какой-нибудь другой сфере?

— Я поговорю с мэром, — спокойно сказал в трубку Фридрих.

Свирепея внутренне, спустился во двор, сел в кабину.

— У нас тут уже два заказа, — сообщил водитель. — Труп на дому, бабушка померла, и труп на кладбище, пьяный в блевотине захлебнулся. Куда поедем?

— В мэрию, — непререкаемым голосом сказал Фридрих.

Виталий с любопытством взглянул на него, но перечить не стал.

— Сиди здесь, — приказал немец. — Я сам.

— Да бога ради, — ответил русский.

Господин мэр, конечно же, оказался по горло занят. Он интимно шептался о чём-то в углу коридора с двумя хорошо одетыми мужчинами. Один был похож лицом на шулера из Монте-Карло, второй на местного разбойника. А может, не разбойники, может, любовники. После вчерашнего просмотра Фридрих готов был предположить всё, что угодно. А то и не предположить, а то и, как говорят русские, «в бубен зарядить», то есть набить лицо.

Впервые в его жизни кулаки Фридриха сами собой сжимались и разжимались от страстного желания придушить кого-нибудь собственными руками. Очевидно, то же самое желание было написано на его лице, потому что господин мэр, только что жарко шептавшийся о чём-то с двумя господами, чьи локти он почтительно поддерживал, встрепенулся и прикипел взглядом к лицу приближающегося немца.

— Господа, иностранец! — восторженно взвизгнул мэр.

Господа окинули иностранца взглядом с ног до головы, словно прикидывая, как он будет выглядеть голым. А мэр уже широко распахнул объятия и устремился навстречу, вереща восторженным мазохистом:

— Ах, дорогой Фридрих! Мы слышали о вас, это просто ужасно!

Фридрих остановился.

— Ах, эти противные милиционеры! Но вы выжили, и это просто замечательно!

— После того случая прошло много времени, — сказал

Фридрих, останавливая руки мэра, порхавшие вокруг него в желании прикоснуться, дотронуться, приникнуть трепетно.

— Я пришёл по поводу оплаты. Мой первый водитель уже уволился, он не может работать бесплатно. Я заплатил ему из своих средств. Сейчас я нанял второго водителя. Был договор…

— Я помню, помню! — успокаивающе замахал лапками чиновник.

Отчего сразу стал похож на перевёрнутого на спину жука.

— Но в бюджете буквально нет денег! Мы говорим со спонсорами, инвесторами, мы ведём переговоры, мы будем усиливать налоговые службы, мы обязательно заплатим, а сейчас, я искренно прошу прощения, но ко мне пришли… вас проводят к моему заместителю. Я уверен, вы с ним договоритесь.

Мэр совершал лицом самые разнообразные движения. Лапки его мелькали в воздухе, как будто он плёл вокруг иностранца некую невидимую паутину. Откуда-то, как из-под земли, вынырнул услужливый молодой человек, интимным до отвращения прикосновением дотронулся до локтя Ингера снизу и чуточку изнутри, ловко развернул в сторону, а когда Ингер снова смог развернуться, то оказалось, что мэр уже увёл своих гостей. Или они увели его? Но в ближайшей видимости не было видно никого.

Ингер шлепком сбил в сторону потянувшуюся к нему было снова переднюю конечность молодого чиновника и взглянул в его глаза. Там не было ничего, кроме чудовищной искренности. И готовности услужить — любым образом.

Вздохнув, Ингер сказал:

— Ведите. К заместителю.

Заместитель не поднялся с места. Возможно, ему было просто трудно шевелиться. Или ей? Пол существа на первый взгляд не определялся. Средний пол. На полкабинета.

Выслушав суть проблемы и по-прежнему не поднимая глаз, существо по финансовым вопросам, слегка пошевелив сардельками пальцев по бумагам на столе, ответило:

— Ваш служащий слишком много себе позволяет. У нас учителя с врачами по полгода зарплаты не получают. И ничего, терпят. Работают. Да, трудности есть. А кому сейчас легко?

Существо подняло голову, и Фридрих наконец-то смог увидеть глаза помощника мэра по финансовой части. Удивительно дело. Едва лишь бледные бесцветные и тусклые пятнышки, выполняющие роль глаз в этой туше, развернулись в сторону посетителя, как человеческая голова исчезла. Перед ошеломлённым взором немца произошло нечто вроде чуда. Воротник костюма для делового человека внезапно заполнился

гладкой лоснящейся шкурой, и на немца уставилась огромная свиная голова. Оцепенев от внезапного превращения, Фридрих слушал ритмичное хрюканье, неведомым образом складывавшееся в членораздельную человеческую речь. Но слова как бы существовали сами по себе. Вне зависимости от того, как шевелился пятачок свиньи и елозили по бумаге её копытца. Членораздельное чавканье как бы выпускало из пасти чудовища невидимую мономолекулярную нить, опутывающую тело человека по ту сторону канцелярского стола и лишающее его не только физической подвижности, но малейшей возможности шевелить мозгами, мыслить. Просто жить.

То ли магия чудовища была рассчитана только на русских, то ли вчерашний просмотр тому виной, то ли вобла повлияла, но Фридрих внезапно взорвался:

— Руссиш швайн!!!

Грохот кулака по поверхности стола. Голова свиньи останавливает плетение словесной паутины, видимо, её попросту заело. Заклинило механизм. Поломало органчик.

Чеканная немецкая речь заполнила кабинет финансовой свиньи дробным лязгом подкованных сапог вермахта. Из внутреннего кармана появился и прилип к раскрытой ладони паспорт гражданина Великой Германии. Едва раскрылись его обложки, как по обе стороны свиньи вспыхнуло и там образовались из воздуха два офицера гестапо в полной парадной форме и фуражках с высокой тульей. Первый офицер вынул из ножен у пояса длинный австрийский штык времён Первой мировой, поднял его к лампе и прищурился вдоль лезвия. Большим пальцем левой руки провёл вблизи острия, проверяя заточку. В руках второго вспыхнула метровым пламенем паяльная лапа для опаливания щетины…

Глаза свиньи, каждый сам по себе, как у хамелеона, разошлись в обе стороны. После чего она стала резко менять размеры. Гигантский костюм делового человека опустел, остался сидеть за столом, а из-под стола выскочил уменьшающийся поросёнок, подбежал к стене и скрылся в мышиной норке.

Развернувшись, чтобы с грохотом обрушить на косяк входную дверь, Фридрих бросил мимолетный взгляд на пустое место за столом и замер. Толстое, без признаков здоровья, бесформенное существо смотрело на него до смерти перепуганными глазами. И на какой-то миг Фридриху стало… русский писатель Достоевский назвал бы это «стыдом за человечество».

И немец тихо закрыл дверь кабинета.

На выходе из мэрии его окликнули.

— Господин Фридрих Ингер!

Обернулся. Молодой человек, но не тот, томный, подбежал и вручил, буквально сунул в руки какие-то бумаги. Фридрих сжал кулак, бумаги жалобно хрустнули. Взглянул бешено в глаза курьера, тот отступил на шаг. Повернулся и пошёл к машине, чеканя шаг, как на плацу.

Когда Фридрих захлопнул за собой дверцу грузовичка, Виталий с одобрением повернул к нему голову. В глазах его светилось искреннее одобрение и жгучий интерес.

— Слушай, ты знатно расшевелил этот гадючник. Что ты там натворил? Что там было?

Фридрих отрицательно покачал головой. Он всё ещё никак не мог отдышаться.

— Не знаю. Русские говорят — глюки.

— А что это у тебя?

Фридрих пролистал бумаги, показал Виталию.

— Это чудо, — серьёзно сказал русский. — Слушай, они заплатили!

36

По сути, Фридрих не нуждался ни в каких деньгах мэра. Просто его приучили к тому, что договора заключаются для того, чтобы их выполнять. Но не исключено, что свою роль сыграла и съёмка инсценированного компромата. Он попросту разозлился. Так, как с ним обращались в России, с ним не обращались нигде. Хотя, чего, собственного говоря, он ожидал?

Фридрих шёл по улице. Гулял. Заложив руки за спину, бормоча по-немецки:

— Хильда, Хильда, как же я по тебе соскучился…

— Вот как? — сказала она. И взяла под руку. Как живая.

Повернул голову.

— А ты похорошела… А где же наша дочь?

Хильда легкомысленно наморщила носик:

— Она уже взрослый человек. ТАМ взрослеют иначе, Ганс. Ты был слишком занят своей работой. А она была ещё ребёнком. Поэтому она и смогла так быстро забыть тебя. Не совсем забыть, natürlich, aber… ты понимаешь?

И она вопросительно посмотрела в его глаза.

Фридрих задумался.

— Послушай, Хильда, мы говорим с тобой сейчас на каком языке?

— Разве это важно?

Глаза жены сияли и лучились. Как живые…

— Как ты там? — тихо спросил он.

Она улыбнулась

— ТАМ всё по-другому, Ганс. Там всё другое. Нет слов. Здесь. На земле.

— На земле тоже много хорошего, Хильда.

— Да, Ганс. Но иногда, когда я вспоминаю о тебе, я думаю, что ты чуточку ошибся. Я думаю, тебе не надо было ехать в Россию. Та связь между нами, когда мы обменялись кольцами, она становится всё тоньше и тоньше. Но она делается ещё тоньше от того, что ты и сам меняешься. Ганс. Ты уже отказался от своего имени, ты теперь Фриц. Это тоже милое имя, оно хотя бы немецкое. Разве ты не скучаешь по Германии, Ганс?

Хильда положила ладонь на его грудь, прямо напротив сердца. От этого сердце Фридриха забилось часто и тревожно, пронзительная грусть по Фатерланду наполнила его сердце. Он даже застонал от невидимой боли, именуемой тоска по дому. Попытался положить свою ладонь на руку жены, но Хильда, всё так же продолжая улыбаться, стала таять, таять, и растаяла…

А Фридрих больно стукнулся ногами о бампер автомобиля, немного заехавшего при парковке на тротуар. Отойдя на шаг и невольно вскрикнув от неожиданности, Фридрих опустил глаза, — и взгляд его упал на эмблему. БМВ. Седьмая модель.

— Боже, — прошептал Фридрих, опускаясь на колени и раскидывая руки во вселенском объятии. Это знак судьбы. Да, судьба посылает ему знак.

Руки Фридриха ласково гладили капот. Этого металла касались руки германца. Губы Фридриха целовали решётку радиатора. Через него мотор дышал воздухом Баварии…

Рядом раздались какие-то странные звуки. Немец поднял голову.

Возле машины стоял новый русский. Почти точная копия первого. Как штамповка. С одного конвейера.

— Хароший машын, да-а? Самому нравыца! — гордо сказал сын гор. И добавил:

— Целуй, да! Ты уважаешь мой машын, уважаешь меня! Хочишь на пыва, да-а?

Едва Фридрих понял, что ему предлагают купить бутылку пива за то, что он будет целовать машину незнакомца, и поднялся с колен, чтобы попытаться объяснить этому новому русскому, что дело не в нём, а в тоске по Германии, как что-то негромко хлопнуло, из боковой части головы нового русского вырвался красный фонтанчик, а половина головы попросту исчезла. После чего тело упало на бок и застыло, а пространство асфальта за головой стало понемногу менять цвет.

— Дывысь, Мыкола, як погани москали пыву кличуть! — раздался громкий голос из-за спины Фридриха.

— Як? — сумрачно ответил другой голос.

— Пи-и-ива! — тоненько заверещал первый.

— Убыв бы! — строго и мрачно ответил второй.

Фридрих медленно повернулся.

Сзади, неторопливо помахивая в воздухе резиновыми дубинками, к месту убийства приближались два милиционера. Те самые, из дискотеки.

Остановившись над трупом, один из них ухмыльнулся, взглянул на немца, указал на труп концом своей дубинки и громко, жизнерадостно сказал:

— В голову Штирлица попала пуля. «Разрывная!» — раскинул мозгами Штирлиц.

Наверное, хотел сделать приятное. Почему-то все русские поминали при немце этот старый советский многосерийный фильм. Сам Штирлиц стал героем анекдотов. Это понятно. Но при чём тут он сам? Фридрих пожал плечами, обернулся к машине.

Погладил её по капоту.

— Извини, но это — Россия.

— Точно, — с удовольствием подтвердил старший званием. — Россия.

— Что это было? — спросил Фридрих.

— Снайпер, вестимо, — ответил второй милиционер, подпиравший дверь.

— Отпрыгался, козёл, — с удовольствием констатировал факт первый мент. И — немцу:

— Везёт тебе, братан, как свежий жмур, — так и ты тут!

После чего нагнулся к трупу и начал неспешно обирать его карманы. Вынул бумажник, подал напарнику. Тот тут же принялся разбираться с его содержимым. Первый тем временем снял с шеи трупа толстую унитазную золотую цепь, с пальцев кучу перстней, с запястья часы. Из кармана брюк толстую пачку долларов.

— Только карточки, — сказал второй, распотрошив бумажник. — Виза. Мать её.

— А! — махнул небрежно рукой первый. Взвесил в руках снятое золото, посмотрел на немца. Подал ему часы.

— Держи, братан, мы люди честные. Ты чё? Это же Ролекс, Ролекс!

И потряс в воздухе часами. Для придания им веса в глазах немца.

— Ну вот, — сказал первый мент, вручив-таки немцу часы. — Вот тебе и свежее мясо.

Засмеялся довольный.

— Можно забирать? — спросил Фридрих.

— Не-а, — с сожалением ответил старший мент. — Не простая рожа была. Ща тут понаедут, фото снимать будут, мелом чертить. Это надолго.

Тут же нажал на кнопки снятого с пояса убитого сотового телефона. С удовольствием прижал к уху дорогое техническое устройство. Поднял глаза, назвал адрес. Перевёл взгляд на немца, подумал и сказал:

— Не, свидетелей нет.

Закрыл телефон, спрятал в карман и обратился к Фридриху:

— Слышь, братан, тебе что, охота часами сидеть в коридорах и ждать вызова к следаку? А потом на выходе отбиваться от хачей?

Фридрих отрицательно покачал головой. Что бы это ни было, интонации голоса мента предполагали неприятности. Длительные.

— Ну, так, и — поди, с богом. Обновку-то обмыть надо, чтобы

носилась долго.

Фридрих понял, что его выпроваживают с места происшествия. Но просто так уйти, говоря по-русски: когда «в зубы сунули» «кусок», «чтобы заткнулся», — ему не позволяла проснувшаяся национальная гордость. Поэтому немец покачал в руке часы, взглянул на перстень-открывалку, надетый на палец и сказал рассудительно, вслух, в пространство:

— Если меня не убьют, я уеду из России богатым человеком!

И удалился неспешно под одобрительный смех милиционеров. Похоже, теперь они считали его полностью своим.

37

Когда Фридрих привёз в морг психиатрической больницы очередной труп, санитар Вася, возлюбивший немца, потому как дал ему «путёвку в жизнь», (с остальными тружениками моргов у немца отношения не сложились), — попросил его заехать завтра.

— Но завтра принимает другой морг, городской.

— Да нет, — поморщился Вася. — Тут у нас неопознанных целая куча набралась. Пора зачищать ледник. А то свежих жмуриков класть некуда. А я уж отблагодарю.

— Шашлычком? — спросил Фридрих.

— А чё? — рассудительно сказал Вася. — Ежели желание есть. Только свежих нет пока. Я, как будет мясцо подходящее, звякну тебе. А щас нет. Просто спиртишку хватим. Да ты не думай! Не «Рояль» какой, а самый натуральный медицинский. Дефицит. Ценная вещь. Угощаю.

Фридрих приоткрыл рот, и перед его мысленным взором встала картина того, как в кабинет господина Гуго входит санитар Вася в бывшем белом халате, и мановением руки нанимает банкира для погрузки трупов. Господин Гуго и Вася кидают трупы за руки, за ноги. Вася величественным жестом платит банкиру отрезанной человеческой ногой, тот с поклоном принимает оплату своего труда. Эта мысленная картина настолько развеселила Фридриха, что тот кивнул и согласился. Вася расцвёл и пообещал, что всё будет «ништяк». Этимологию этого слова немцу не мог объяснить никто. Хотя само слово оказалось достаточно известным.

Пришлось сделать два рейса. Даже в новый грузовичок все трупы за раз погрузить не удалось. Много неопознанного народа умирает в России. Очень много.

На кладбище они подъехали к вырытому маленьким экскаватором, если судить по следам на грунте, рву. На гребне вырытой земли сидели двое могильщиков. Фридрих внимательно посмотрел на них. Нет, черепом бедного Йорика никто не баловал. Подошёл ближе. Могильщики разговаривали. Старый, седой, пятнами, пятнами — плешивый, смолил самокрутку с жутким табаком и учил молодого жизни.

— … а Михалыч прикинулся костюмишком, ну и в толпу. А когда жмура в яму опустили, он на перёд вынырнул, лопатник достал, ну и на лопату сотенную так и пришлёпнул. И громко так, оглядел родичей. И говорит: «На помин души». Ну и в толпу обратно унырнул. А народ-то, он же тупой, как баран. Он же как все. Ну, все и потянулись на совок бабки кидать. Кто полтишку

кинет, кто червончик — всё бабки…

Заметил подошедшего.

— Чего тебе? Жмуров привёз? Ну и кидай сам, мы не нанимались.

От машины замахал руками санитар Вася.

Фридрих подошёл. Втроём, Виталий тоже помогал, закинули трупы в ров. Один из машины скидывает мертвецов на землю, двое других берут за руки, за ноги, раскачивают — и в яму. Вася посмотрел вниз.

— Поровнее бы их. Да ладно. Один хер — гнить.

Махнул могильщикам:

— Закапывайте!

И они поехали пить спирт. Точнее, Виталий выгрузил Фридриха и Васю у морга, а сам только улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я не пью. Совсем.

Фридрих удивился. Русский? В России? Не пьёт водку? А пиво? Совсем ничего не пьёт? Наркотики? Тоже нет? Что, совсем-совсем ничего-ничего?

— А как же ты расслабляешься? — недоумённо спросил Вася.

— А я не напрягаюсь, — ответил водитель.

— Ну, хоть анекдот какой расскажи, — не унимался Вася

— Литературный анекдот от Марка Твена, — повернул голову в окно Виталий. — Телеграмма зятю о смерти тещи: «Что делать с покойной: бальзамировать, похоронить, кремировать?» Ответная телеграмма: «Если не поможет, попробуйте расчленить!»

И уехал.

Вася проводил машину взглядом, хмыкнул, почесал нос и посмотрел на небо. Смеркалось. Трупы хоронили уже под вечер. Когда основная перевозка трупов по официальным каналам закончилась. Махнул рукой, единым жестом освобождая себя от всех проблем. И они пошли пить спирт.

Устроились на старом месте, по ту сторону морга. Вблизи старого кострища. Чтобы к природе поближе. На холодный мангал, это такой железный ящик с дырками для жарки шашлыков из человека, поставили некую древность: керосиновую лампу с рефлектором на стекле. Рефлектор отражал свет вниз, отчего освещение приобретало некий интимный, в хорошем смысле этого слова, характер. Вроде как всё видно, и в то же время глаза не слепит.

Нехитрую закуску разложили на медицинских подносах для операционных инструментов. Точнее — для ножей патологоанатомов. На отдельный поставили уже знакомую Фридриху посуду. Гранёный стакан и медицинскую мензурку.

— Ты спирт с пивом не мешай, — учил Вася жизни Фридриха.

— А то что будет?

— Плохо будет, — авторитетно говорил Вася, наполняя ёмкости.

— Спирт, — санитар внушительно поднял палец к пасмурному небу. — Он сам по себе.

Фридрих пожал плечами. Этот жест одновременно выражал множество значений. В данном случае он мог выражать сомнение, равнодушие к проблеме или молчаливое согласие. Или всё вместе. Одновременно.

Хмель легко звенел в голове комариным зудом за стеной палатки. То есть — ненавязчиво. Проблемы уменьшались в размере, становились мелкими и незначительными. Сердитая русская закуска, основой которой служил всё тот же вездесущий чёрный хлеб, килька, лук, чеснок и плавленые сырки, — служила отличной декорацией к действию спирта. Создавалось ощущение полной нереальности. Впрочем, на этот раз к столу было подано что-то ещё. На вид — похожее на колбасу. Во всяком случае, форма колбасы присутствовала.

— Что это? — лениво спросил Фридрих.

— Колбаса «с вашим калом всё в порядке», — ответил Вася.

— С каким калом? — не понял Фридрих.

— Ну, колбаса так называется. Прислали Брежневу ливерную колбасу для народа. А он её американцам, на экспертизу. Ну, те присылают ответ: «С вашим калом всё в порядке».

— Колбаса «Русский кал»? — лениво сказал Фридрих.

— Да это для народа! — широко улыбнулся Вася. — Сами они сервелаты жрут.

— Кто — они?

— Ну, эти, наверху.

— Боги?

— Какие, на хрен, боги! Начальство наше, мать ихнюю через пень в колодец дышлом, бляди кургузые. Расссияне, панимашь!..

Последние слова Вася как будто выплюнул.

— Не сердись, Вася, — миролюбиво попросил Фридрих. — Ну их всех.

Вася хмыкнул и почесал в затылке.

— В жопу, — дополнил он и улыбнулся. — Давай я тебе лучше анекдоты буду рассказывать. Наши, медицинские. Ты в своей неметчине такие вряд ли слышал.

И Вася начал рассказывать анекдоты.

— Ну, приходит первокурсник на занятия по анатомии, на вскрытие трупов. Ну, старший курс ему и говорит: «Жрать хочешь? Вон каша!» Ну, салага её спорол, а старший курс его и

спрашивает: «А ты знаешь, откуда взялась эта каша? Из пищевода во-он того трупа!» Ну, салага её, понятно, выблевал, а старшекурсник оборачивается так к своим, и кричит: «Налетай, братва, на подогретое»!

— О! — меланхолично заметил Фридрих. — Гурман, однако.

Воодушевлённый Вася продолжил:

— Ну, профессор на занятиях по анатомии говорит студентам, что врач должен быть не брезгливым. Ну, суёт трупу палец в задницу и облизывает его. Ну, один студент решается и повторяет. Тогда профессор говорит, что врач должен быть не только не брезгливым, но и наблюдательным. Я, говорит профессор, в зад совал этот палец, а облизывал вот этот!

— Голова, — меланхолично заметил Фридрих. — Молодец, однако.

Вася разошёлся.

— Ну, приходит студентка сдавать зачёт. Преподаватель ей: берите билет! Она: кайф! Он ей: будете готовиться? Она: кайф! Он ей: а вы какое-нибудь другое слово знаете? Она: секс! Он ей: а что это такое? Она: кайф! Он ей: скажите, девушка, в вас есть хоть что-то положительное? Она: как же, как же, реакция Вассермана!

И зашёлся в хохоте.

— Вассерман? — меланхолично переспросил Фридрих. — Это проба на сифилис?

— Ага! — жизнерадостно ответил Вася. — А ты чего не смеёшься?

— А разве это — смешно? — задумчиво спросил Фридрих.

Вася недоумённо выпучил глаза.

— Ну, ты даёшь! Наверно, выпил мало.

Однако Вася оказался в корне не прав. Спирт кончился.

— Пойду ещё принесу, — сказал санитар, тяжело поднялся и пошёл в морг.

Однако, едва он свернул за угол, как оттуда раздался чей-то рассерженный голос. Ему, столь же сварливо и громко, ответил голос Васи. Потом голоса утихли, а из-за угла появился санитар. Быстрым шагом подошёл к гостю, почесал нос, сказал взволнованно:

— Тут это, того, труп привезли, принять надо.

— Принимай, — вяло отозвался Фридрих. — Я тут посижу, хорошо?

— Хорошо — хорошо! — с готовностью сказал Вася. — Конечно, сиди. Ну, я пошёл?

Фридрих махнул рукой, отпуская, и санитар с топотом убежал за угол. В морг.

Неспешно текли минуты. Тишина. Только еле-еле, на самом

пределе слышимости, потрескивает огонёк в керосиновой лампе. Фридрих сидит на стволе дерева без коры, ноги его едва не касаются пустых медицинских подносов из-под ножей патологоанатома. Хмель от спирта потяжелел. В горле першило. Протянул руку, взял банку, попил воды.

Положил руки на колени, голову на руки, смотрел в никуда.

— Какая странная страна Россия, — думал Фридрих. — Какие странные в ней живут люди. И как странно всё, что происходит со мной. А что, собственно говоря, со мной происходит?

Немецкая пунктуальность проснулась и взяла дело в свои руки.

— Во-первых, — рассудил Фридрих, — я как будто раздвоился.

В подтверждение этих слов из тела Фридриха выплыл его призрачный двойник, развернулся и сел на ствол дерева напротив. В той же позе. Фридрих не удержался и помахал ему рукой. Двойник ответил тем же жестом. Ингер удовлетворённо улыбнулся, вернулся в прежнюю позу и стал думать дальше.

— Во-вторых, изменилось моё поведение. Если бы кто-нибудь сказал мне, что я буду пить спирт в компании с санитаром морга для того, чтобы отметить факт погребения неопознанных трупов в братской могиле, причём мне бы сказали, что эти трупы буду разгружать я сам, а тем более вручную, за руки и ноги, я бы ответил, что мой собеседник сошёл с ума. Разве представитель правления банка способен на такие поступки?

Фридрих вопросительно посмотрел на своего призрачного двойника.

Двойник поднял голову, посмотрел на Фридриха и пожал плечами.

— Понятно, — подумал Фридрих. — А не может ли быть так, что я попросту подвергся влиянию окружающих? И под их влиянием просто-напросто сошёл с ума?

Почесал нос жестом санитара. Двойник поднял голову и повертел пальцем у виска.

— Да, — решительно подумал Фридрих. — Алкоголизм. Допился банкир до белой горячки.

Возле призрачного двойника возникли два психических санитара кавказской национальности. Один из них, у которого была только половина головы, потрогал лоб призрака, повернулся к напарнику и замахал руками:

— Слушай, да! Белый-белый и совсем горячий, да!

На двойнике немца оказалась длинная рубашка, рукава которой санитары тут же принялись завязывать на его спине. Двойник вытянулся, изменился лицом — и умер. Санитары

исчезли. Появился Вася из морга, отрезал у дубля Фридриха ногу, насадил её на вертел и принялся жадно пожирать прямо сырой. Сожрав половину, вторую половину протянул немцу.

— Держи, братан, мы люди честные. Ты чё? Это же Ролекс, Ролекс!

Собственная полусъеденная пятка ткнулась прямо в губы Фридриху. Ужаснувшись этому чудовищному предложению самоедства, Фридрих принялся отчаянно отбиваться от засовываемого в рот мяса. И очнулся.

Он сидел на стволе дерева где-то на улице и шевелил руками в воздухе прямо перед своим лицом. Луна, сиявшая в просвете между тучами, бросала на землю свой таинственный свет, отчего все предметы принимали какие-то фантасмагорические формы.

— Где я? — ошарашенно спросил немец.

Потом потрогал руками голову и задал новый вопрос:

— Кто я?

Не получив ответа, поднялся, посмотрел по сторонам. В одной стороне ему показался выход. Туда он и направился, перемещаясь вдоль стены и опираясь на неё для надёжности руками. Дошёл до угла, свернул за угол. На лицо упали первые капли дождя. А прямо перед ним возникли широкие каменные ступени. Сверху на них падал конус света от пронзительной жёлтой лампочки накаливания под древней тарелкой, жестяным колпаком от дождя, он же примитивный рефлектор-отражатель. Колпак-отражатель слегка покачивался, отчего в невнятный шорох начинающегося дождя вплетался тягучий ржавый скрип, а освещённое пространство под ним раскачивалось из стороны в сторону, как ноги повешенного.

Кажется, он узнаёт это место…

38

Ещё перед входом в зал со столами для трупов Фридриху послышались некие странные звуки, ассоциирующиеся никак не с местом упокоения усопших. А скорее — с кораблём секса из фильма «Калигула». Настолько сладострастны и томны были стоны прерывистого дыхания, доносившиеся до его ушей из-за закрытых дверей.

— Наверно, мой пьяный сон продолжается, — сказал сам себе Фридрих.

И тихо, чтобы не скрипнуть, отворил дверь. Вошёл. И увидел.

Ввиду сегодняшней очистки ледника морга пусты были все лежаки для трупов, кроме одного. Нет, двух. На одном санитар Вася осуществлял половой акт с каким-то лицом женского пола. Что можно было увидеть из отвисших по бокам грудей с широкими тёмными сосками. А также женского платья, небрежно брошенного на соседний лежак. На этом же лежаке валялся скомканный халат санитара, а на другом конце этого же лежака имела место быть отрезанная голова девушки. Длинные ресницы, накрашенные губы, химическая завивка…

Фридрих успокоительно покачал головой и кивнул сам себе. Теперь ему стало понятно, почему голое тело под санитаром показалось ему ненормально коротким. Просто оно было без головы. И, кстати, руки вниз с лежака живая женщина так бы не свешивала.

Постойте?..

Глаза Фридриха сделали попытку вылезти из орбит, нижняя челюсть опустилась, тело немного наклонилось вперёд, а в горле начался процесс беспрерывного икания, регулярно сотрясавшего ослабленный спиртом организм иностранца.

Вытаращенные глаза Ингера зашарили по пространству морга. Замечая то, что было упущено зрением при первом взгляде. А именно: большое ведро с тряпкой на боку, издающее запах какой-то горячей медицинской жидкости. А также металлическая стойка с большой резиновой кружкой Эсмарха, в просторечии именуемой клизмой или клистиром. Длинный резиновый шланг с белым пластмассовым наконечником свисал почти до пола и слегка раскачивался в такт страстным сексуальным движениям санитара.

Санитар Вася, накушавшись медицинского спирта, совокуплялся с трупом.

Достойное завершение оргии в морге.

На десятое или двадцатое икание немца Вася добился

оргазма, замычал и затих.

Потом поднялся с мёртвой, почесал впалый тощий живот, снял с обвисшего члена презерватив и кинул его на соседний лежак. Прямо на скомканную одежду. Слез с трупа, похлопал безголовое тело по животу и бодро произнёс:

— Хорошо-то как, Маша! Я не Маша! А всё равно — хорошо!!

Повернулся и увидел оцепеневшего немца.

— А! — сказал Вася тем же тоном. — Проснулся, наконец.

Похлопал себя по телу, повертел головой во все стороны, поднял вверх палец:

— Сейчас всё будет правильно!

Окунул палец в ведро с горячей жидкостью, хмыкнул, произнёс звук «А!», махнул рукой, окунул в ведро большую тряпку, вынул её и постелил на тело покойной. Затем снял с крюка кружку Эсмарха, зачерпнул ею из ведра, повесил на место, а наконечник резинового шланга небрежно сунул между ног покойной, прямо в бугорок Венеры.

— Сейчас, — сказал Вася. — Сейчас согреется.

Полез под свой халат и вытащил из-под него большую связку презервативов, ласково именуемую в народе «патронташ». Оторвал один, протянул немцу.

— Зачем? — глупо спросил Фридрих.

Вася вытаращил глаза.

— А ты что, не будешь, что ли? Ты что? Ты же здоровый мужик! Любовь — это радость!

— Любовь? — сглотнул Фридрих тихим словом, поглядев на труп.

— Любовь, секс, трах, — как хошь назови. А не хошь говорить — спой!

Голый санитар всплеснул руками, перебрал босыми ногами по каменному полу, то есть, станцевал, в своём понимании танца, и заголосил дурным голосом:

— «Моя милая в гробу, я подкрался и… люблю«…Опа!

Остановился, нагнулся поближе, интимно потыкал пальцем в грудь немца.

— И ващще! Как попы говорят? Бог есть любовь! Значит, любовь есть Бог. Так в божественных книгах прописано. Понял, да?

Фридрих сглотнул невесть откуда взявшийся в горле комок, ответил слабо:

— Вы предлагаете мне секс с трупом?

— Слушай, не дури! Кому какое дело до того, каким образом человек достигает оргазма? Тебе будет — хорошо, а ей уже всё равно. И ващще! Ты мясо с трупа ел?

— Ел, — убитым голосом сознался Фридрих.

— Ну вот! — торжественно заявил Вася. — Потрахаешься в своё удовольствие, а потом и шашлычка сварганим! Шашлычок «Любительский», из свежеотлюбленной любимой. Мясцо парное, час назад как трамваем задавило. Я потом так зашью, что никто и не подумает. Всё равно шрамы от вскрытия остаются. А спирт, кстати, ещё есть.

И покровительственно сунул немцу презерватив, прямо в руки.

— Держи! Без этого нельзя. Потому как трупный яд, всё-таки.

Фридрих почувствовал приступ тошноты. Не исключено, что придётся ещё раз кричать съеденным. Чего не хотелось. Пришлось пускаться на хитрости.

— Я плохо чувствовать себя, — ломаным языком сказал он.

— В смысле? — не понял Вася.

— Оказаться, я плохо переносить много спирт, — честно ответил Фридрих.

— А! — задумчиво промолвил санитар. — Ну, это может быть. На спирт тоже тренировка нужна. Значит, не будешь, говоришь? Ну а я ещё разок тогда. Подожду немного, как согреется, да ещё палочку кину. Пятую…

— Что есть кинуть палку? — заинтересованно спросил Фридрих, уверившись в том, что угроза совокупляться с трупом, да ещё, оказывается, переполненным до самых краёв вагины трупным ядом, его миновала.

— Как — что? — удивился Вася. — Кинуть палку, потрахаться, вдуть, зафердолупенить по самые помидоры, отодрать мочалку, факнуть, дать покурить, если в рот, ну, бабу поиметь, в смысле. А ты чего таких простых вещей не знаешь?

Посмотрел вбок. Хлопнул себя по лбу.

— Блин! Ты же немец! Совсем забыл.

— Правда? — удивился Фридрих. Но дальше удивляться не стал, просто спросил:

— А зачем греть труп?

— Как зачем? Чтобы потеплее была. Как живая. В смысле.

— А вот это? — указал пальцем на кружку Эсмарха.

— А! — сказал Вася, подошёл к трупу, вытащил из вагины погибшей наконечник клистира, опустил его в ведро, послышалось журчание.

— Как говорит наш главный специалист по прохладным машкам, — что в нашем деле есть самый цимес? Вагинальная клизма из горячего формалина! От этого там, где нужно, такая приятственность образуется, что прямо лучше, чем у натуральной. Нет, ты в самом деле не хочешь попробовать, а? А

то давай! Или ты стесняешься? Кого, меня? Так я выйду!

Фридрих замахал перед собой руками, показывая, что необходимости никакой нет, он и в самом деле лучше воздержится. Фридрих указывал на живот, свой живот, естественно, корчил рожи, показывая, как ему нехорошо, махал открытыми ладонями, нет, мол.

— Ну, — разочарованно сказал Вася. — Как хочешь, как хочешь…

Потом кинул на немца подозрительный взгляд.

— А ты часом не того, не пидарас?

— Кто? — вытаращил глаза Фридрих.

— Ну эти, которые мужиков трахают.

— А! — сообразил Ингер. — Гей? Русский гей есть п-пидарас?

По слогам выговорил незнакомое слово. Вася усмехнулся.

— Не. Не русский. По этому поводу мне тут анекдот рассказали. Ну, это, приходит мужик к врачу и говорит, значит. Дескать, доктор, я думаю, что я — гей. А тот ему так: а вы кто по профессии? Ну, там, банкир, журналист, политик? Ну, повар, — говорит мужик. А доктор ему: ну, ты хотя бы не русский? Да нет, говорит повар, — русский я. А врач ему так: какой же ты тогда гей? Ты простой пидарас!

И расхохотался. Потом сразу же нахмурился. Вздохнул тяжко.

— Был тут у нас один. Ночным санитаром. Тоже пидарас оказался.

— Он водил сюда мужчин? — догадался Фридрих.

Вася посмотрел на немца чуть ли не с презрением.

— Слушай! Умный человек, почти что иностранец, а такую дурь несёшь! Ну, какой дурак в морг устраивается, чтобы живых трахать? Ну, сам подумай! Жмуров трахал, паскуда!

И Вася в сердцах трахнул кулаком о лежак, на котором сидел бок о бок с немцем.

— Ему, как человеку, про вагинальную клизму объяснили! Кто ж знал, что он горячий формалин в жопу заливать будет! Мало того, что всю больницу говнищем провонял, так ещё раз пришли родственники обмытого обряжать, а у того из жопы гандон торчит! Да ещё к тому же и пользованный! Шухер был до седьмого неба, блин! Ну, погнали того пидора ко всем, на хер, пидарам! А нам-то каково!

Вася всплеснул руками и уставился на немца разгневанным взглядом.

— Ну, ты сам посуди: какой от всего этого моральный урон чести заведения!

— О-о-о… — понимающе покивал Фридрих. — А я и не знал, в чём причина такой глубокой неприязни некро-гетеро-филов к

некро-геям! А всё так просто!

— Некро-гетеро-фил… — со вкусом произнёс Вася и прищурился. — Звучит-то как…

Вздохнул, слез с лежака, подошёл к мёртвой сексуальной партнёрше.

Некоторое время глядел на неё, прищуривался, примеривался.

Потом сделал шаг, хакнул, нагнулся, выкинул руки и каким-то хитрым движением резко надавил на живот покойной. Срамные губы Венерина бугорка нехотя раздвинулись и выплюнули в пространство струю тёплого формалина пополам с трупным ядом. Внутренности полового органа в очередной раз согрелись и были готовы к употреблению.

Удовлетворённо посмотрел на дело рук своих, снял с трупа мокрую тряпку, надел на изготовленный к сексу член новый презерватив, в последний раз движением руки пригласил немца попробовать, а когда тот отрицательно помотал головой, окончательно отказываясь, вздохнул, пожал плечами и полез на партнёршу, напевая дикую, ни на что не похожую песню:

К нам недавно заходил -

Зоо-некро-педо-фил.

Мёртвых маленьких зверушек

Он с собою приносил…

Дальнейшего развития действия Фридрих дожидаться не стал, а потихонечку-потихонечку, крадучись, покинул место действия. Героическими усилиями удерживая в желудке жаждущее свободы содержимое из съеденного и выпитого ранее. Остановился только на улице, под светом фонаря. Тоскливо смотрел по сторонам, губы беззвучно шептали: «Апокалипсис EVERY DEY, Апокалипсис EVERY DEY»… Сюда его только привозили, обратной дороги пешком он не знал, а идти по городу ночью невесть куда…

Рассвет застал Фридриха на пропахшем тёплым формалином крыльце морга. Русский добрался-таки до своего спирта, разошёлся вовсю, и всю ночь истово предавался утехам крайней плоти. Немец ночевал на улице. Обхватив себя руками за подмышки, приплясывал с ноги на ногу, дрожал от холода пополам с похмельем и беспрерывно, по-русски, повторял:

— Надо меньше пить. Надо пить меньше. Меньше надо пить…

39

Следующий день, на его счастье, оказался воскресеньем, когда большинство официальных учреждений отдыхают. И с трупами вполне могли справиться и сами русские. Фридрих добрался домой на попутной машине достаточно рано, принял душ, позвонил водителю, отменил работу на сегодня и попытался уснуть. Не получилось. Ночной озноб совокупился с нервным ознобом, и тело немца сотрясала непрерывная дрожь. Тогда он решился, нашёл домашний телефон майора Феликса, позвонил и спросил его, не может ли тот организовать русскую баню с парной, только без девочек.

Голос милиционера был чуточку удивлённым, но только самую чуточку.

— Без проблем, — ответил майор. — За вами заехать?

— Да, если можно, — ответил Фридрих. — Когда?

— Да прямо сейчас. Я как раз собираюсь на дачу. Полковник уже там, топит печь. А я тут по своим делам задержался в городе. К счастью, как я понимаю. Так что вы выходите и ждите у подъезда. С собой брать ничего особенно не надо. Там всё, что надо, найдётся.

Переодевшись в новую одежду и захватив с собой атташе-кейс с чистым бельём, немец вышел из подъезда. Прижал обеими руками к животу бывшее вместилище документов, слегка покачиваясь взад и вперёд, ждал.

Минут через пять к нему подошёл невысокий хрупкий подросток в зелёном и коричневом, обладатель длинных прямых волос каштанового цвета и глубоких серых глаз. Остановившись перед Фридрихом, мальчик встретился с ним взглядом, и тихо произнёс:

— Товарищ, там человек говорит, что он инопланетянин, надо что-то делать.

Делать? Так. Пожарные, милиция, Скорая помощь…

— Звони ноль три.

— Я-то позвоню, только он почти босой.

Фридрих пристально посмотрел в ожидающие чего-то глаза подростка, рот Ингера сам собой разошёлся в совершенно идиотской улыбке от встречи с продолжающимся безумием и немец, слегка покачивая головой из стороны сторону, начал негромко смеяться. Он не один сумасшедший. Это приятно. Это вселяет определённые надежды.

Хрупкий, похожий на эльфа подросток глубоко, не по-детски, вздохнул и сказал чуточку укоряющим голосом:

— Вот вы тут смеётесь, а я вчера в лесу хоббита видел…

И удалился неспешным шагом. Дивноликий маленький принц, скользящий мимоходом сквозь шизо-крызо-глюки объективной реальности, на бесконечном пути из Вечности в Вечность.

Через минуту подрулила машина майора. Феликс взглянул через боковое стекло и открыл дверцу. Смотрел, как Фридрих садится, а потом сам захлопнул дверцу, накинул на пассажира ремень безопасности и отметил цепким взглядом:

— Эк вас угораздило. В гроб краше кладут.

Эти слова вызвали у Фридриха новый приступ истерического беззвучного смеха.

— Пивка? — спросил майор, протягивая бутылочку «Миллер».

Фридрих даже не удивился. Взял, сорвал кольцом пробку, выкинул её в окно, жадно припал к ячменному источнику. Зубы лязгнули о стекло. Майор покачал головой и тронулся с места. Вёл машину спокойно, изредка поглядывал на пассажира в зеркало заднего вида.

Ни о чём не расспрашивал.

— Скажите, майор, я сильно сошёл с ума?

Феликс бросил быстрый взгляд в зеркало на лицо немца.

— Это из-за нас?

Фридрих посмотрел на пустую бутылочку и вздохнул:

— Не знаю…

— Там, сзади, есть ещё, если хотите.

— Хочу. Я изменил пиву. А за измену принято расплачиваться.

Майор сдержанно хмыкнул.

— Судя по запаху, вы вонзили себе шило и по самую рукоятку?

Фридрих достал из сумки ещё одну бутылочку пива «Миллер» и внезапно в его голову пришла ещё одна сумасшедшая мысль:

— Вы тоже любите «Миллер» или это специально для меня?

— Для вас, — не стал отпираться майор. — Мы же вас всё равно хотели пригласить в баньку. Настоящую. Деревенскую. В виде извинения, если хотите.

Фридрих хмыкнул и промолчал. Но молчание в машине носило теперь дружеский характер. Разность нервных потенциалов, грозящая молниями ссор, отсутствовала

40

Полковник встретил их у распахнутых ворот. Подождал, пока машина проедет, закрыл ворота, подошёл к автомобилю. Взглянул в глаза Фридриху, молча, со значением, встряхивая, пожал ему руку. Потом указал на небольшое строение рядом с домом.

— Нам туда. Прошу, господин Ингер.

Деревенская баня была намного меньше и скромнее городских номеров, но ощущение уюта и какой-то трогательной, милой домашности расслабило нервную систему Фридриха до такой степени, что нервная дрожь покинула его тело. А когда он разделся и прошёл в парную, она же помывочная, единственное отапливаемое место в бане, предбанник обогревался разве что вырывающимся из открывающейся двери в парное отделение теплом, — тело его покинула и дрожь от холода. Наконец-то он согрелся.

Полковник и майор поддавали на каменку русским квасом. Отчего всё внутреннее пространство бани пропиталось сильным хлебным духом. Несколько странно, непривычно, но мило. По-домашнему. Уютно.

Оба русских старательно пропарили Фридриха сначала берёзовыми вениками, потом дубовыми, вениками из крапивы с какими-то ещё растениями, и под конец — снова берёзовыми. В промежутках немец выходил во двор, ложился на лавку и его с двух сторон окатывали из вёдер холодной водой. Это оказалось приятнее, чем прыгать в бассейн.

В конце концов Фридрих был распарен до того, что его подошвы, казалось, горели, а всё тело пропиталось жаром и над облачённым в халат телом гостя, его обвязанной полотенцем головой колыхалось марево тёплого воздуха.

В доме Фридриха усадили по-турецки, со скрещенными ногами, во внушающее уважение своими размерами кресло, накинули на ноги нечто вроде пледа или покрывала, на мощные подлокотники кресла водрузили широкую сосновую доску, а уже на неё поставили глубокую тарелку с огненным борщом, приправленным доброй ложкой густой сметаны и налили стопку кристально прозрачной водки.

— Не пьянства ради окаянного, а дабы восстановить баланс между головой и телом. Пиво ты уже из себя выпарил, а во-вторых, пивом не опохмеляются. Это другая разновидность спирта. Ещё древние учили нас, что подобное излечивается только и исключительно подобным.

Эту сентенцию выдал полковник Мороз, удобно расположившись в кресле напротив. В перерывах между парением немца, пока Фридрих отлёживался в предбаннике, господа милиционеры попарились всласть и сами. С обеих рук нещадно побивая себя берёзовыми вениками и рыча при этом деянии на разные голоса. Железные люди.

Майор раздувал сапогом древний самовар, помещавшийся сбоку от небольшого камина, в котором неспешно горели несколько извилистых коряг: не ради тепла, а ради живого огня. Что великолепно завершало картину домашнего уюта.

Феликс раздул пламя в жаровой трубе, снял с горловины самовара сапог, повернул и подсоединил металлическое колено вытяжной трубы, уходящей в дымоход камина. Похлопал по начищенному боку ведёрное русское чудо и сел в третье кресло. Чайный набор, то есть чашки, блюдечки, варенье, нарезанный лимон и много что ещё размещались на двух этажах передвижного столика возле камина, по ту сторону от самовара.

Фридрих с глубоким вздохом облизал деревянную расписную ложку. Он родился заново. Natürlich, в переносном смысле этого слова. Но от этого ему не было менее хорошо.

— Премного благодарен, господа. Право, мне даже не совсем понятно, почему вы так хорошо относитесь ко мне.

— Так, а чего же тут понимать, — благодушно ответил полковник, — ты к нам по-человечески, и мы к тебе по-человечески. Завтра будешь писать отчёт в свой банк, напиши просто, что всё в порядке, церковь ваша восстанавливается, кладбище восстанавливается, работы идут полным ходом. Завтра вы с майором съездите туда, или в понедельник, без разницы. Майор вам всё там сфотографирует, приложите фотографии к отчёту.

Фридрих удивился. Но выразить удивление не успел. Полковник продолжал:

— Деньги ваши никуда не делись, никто их не украл. Крутить, да, крутили. Куда же без этого? На одну зарплату в наши дни жить нельзя. А то дети, насмотревшись телевизора, будут говорить: «Папа, зачем тебе охранять тех, у кого много денег? Убей их, а деньги принеси нам, потому что мы хотим кушать». И нет никакой гарантии, что ты их однажды не послушаешь. В наши дни, если есть возможность прокрутить наличные, их надо крутить. Это практически единственный источник реального заработка для таких, как мы. И вся разница только в том, что и мёртвые, и здание каменное подождут, никуда не денутся. Те, кто крутят зарплаты врачей и учителей, пенсии пенсионеров и пособия инвалидов, поступают намного хуже нас, господин

Ингер.

И приказ на подготовку компромата на вас, извините уж за прямоту, пришёл ко мне сверху. Если бы прокруткой ваших денег занимался лично я, всё обошлось бы и так. Но я, при всём своём чине, тоже только пешка в более крупной игре. Я даже не знаю: где крутили эти бабки, — здесь или в Москве. Скорее всего, в Москве. Весь крутёж и вся крутизна сконцентрировались сейчас там.

Вы нам не мешали. Более того. Вы могли сразу по приезде отослать отчёт, что ничего нет, и у нас могли бы быть неприятности. Я уж тут, извините, приказал отслеживать все ваши контакты. Вы этого не сделали. Я не буду углубляться в причины. Главное, что всё было именно так, как я сказал. Поэтому извольте получить вашу честно заработанную долю.

И перед ошеломлённым Фридрихом, прямо на ту же доску, на которой он только что вкушал вкуснейший борщ, выложили несколько пачек денежных купюр крупного достоинства

Оглядев кучу наличных, Фридрих отрицательно покачал головой.

— Я не могу, вот так, взять эти деньги…

— Мы вас понимаем. Везти всё это через две таможни, да, это понятно. Тогда вы завтра же, перед тем как навестить строительные объекты или после этого, — отправитесь с майором в банк и всю сумму в марках перечислите на ваш счёт, посмотрите, тут всё правильно?

И с этими словами полковник положил поверх денег бумагу с номером счёта. Того самого, о котором Ингер, простите, Ганс Мюллер договаривался со своей сестрой Эльзой перед отъездом в Россию.

Уж что-что, а профессиональная память банкира…

— Откуда у вас это? — спросил Фридрих, едва лишь справился с шоком.

Полковник скромно улыбнулся.

— Работаем понемногу…

— У вас в России что, все бывшие сотрудники КГБ ушли в милицию?

Полковник усмехнулся.

— Это вряд ли. Просто, как сказал классик, всё перемешалось в доме Облонских.

— Я вижу, ваша милиция способна сделать всё, — не переставал изумляться Фридрих.

— Это вряд ли, — ненавязчиво вмешался в беседу майор.

А потом они с огромным удовольствием весь вечер пили чай из самовара у камина. И разговаривали о пустяках. Фридрих

научился пить чай из блюдечка. О деньгах, равно как и о других делах, они в тот вечер больше не говорили.

41

Утро воскресенья прошло в неспешном пробуждении, умывании из ручного рукомойника, в частности. Фридрих Ингер веселился, как ребёнок. Поддевал снизу ладонями штырь регулятора ручной подачи жидкости, ждал, когда из открывшегося отверстия натечёт достаточное количество охлаждённой за ночь открытым воздухом воды, плескал в лицо, фыркал от удовольствия.

— Жить в музее! — восклицал он. — Это прелестно!

— Какой музей? — недоумевал майор. — Рукомойник обыкновенный.

— Но я такого никогда раньше не видел, — объяснял немец. — Это есть реликтовый объект человеческой культуры! Он должен иметь место в музее!

— Да у нас по деревням вся Россия такими пользуется, зажились в городах, просто.

— Город — это хорошо, — не соглашался Фридрих. — Город есть центр культуры!

Майор усмехался, ждал своей очереди.

Потом все вместе пили чай из самовара, поставленного на воздухе.

— Откуда этот запах? — спрашивал Фридрих, вытягивая шею.

— Так просто самовар правильно поставлен. На сосновых шишках, — объяснял майор.

Дымок из высокой, коленом вбок, дымовой трубы, — относило в сторону. Но запах свежего дыма всё равно был неистребим. И придавал чаепитию на открытом воздухе особый вкус. Даже варенье, сваренное женой полковника, на свежем воздухе казалось вкуснее.

— Мальчишкам на улице тоже всё вкуснее кажется, — говорил полковник.

— Будем, как дети, — усмехался майор, намазывая на хлеб толстый слой варенья.

Фридрих держал перед собою блюдечко и отчаянно дул на него. Налить в блюдце крутой кипяток из продолжающего гореть самовара, плеснуть туда же заварки из особого чайника под толстой ватной куклой для сохранения тепла, тут же остудить и немедленно выпить. Было в этом варварском обряде что-то притягательное. Как сказал бы добрейший рыцарь человеческих душ, господин Вольфдитрих, в этом было что-то от понарошку.

Потом, после утреннего чая, больше похожего на плотный завтрак древнего лесоруба топором, неспешно собирались в

дорогу. Полковник, видя удовольствие гостя, вытащил из погреба двухлитровую банку полюбившегося тому варенья. Банка еле-еле уместилась в атташе-кейсе. Туда же, в качестве сувенира, положили крупную сосновую шишку, понравившуюся Фридриху своим вальяжным видом, и блюдечко для чая. Блюдечко завернули в старую одежду.

— Приедешь домой — вымоешь, — говорил майор. — А так гарантия, что не разобьётся.

По дороге заехали к полковнику, высадили у подъезда. Полковник, прихватив две сумки с запасами из дачного погреба, махнул им рукой на прощанье. По пути к дому Фридриха заехали к восстанавливающейся немецкой церкви.

Фридрих только рот раскрыл от изумления.

Никакого сравнения!

Техника, люди, работа кипит, как суп у доброй хозяйки. Внешность полностью отреставрирована. Майор прошёлся вокруг здания с поляроидом, сделал семь снимков. Тут же показал карточки. Загляденье, — как говорят русские!

Вошли внутрь. Тут ещё простор для работы существовал. Но видно было, что за дело взялись всерьёз: без дураков, — как говорят русские. Внутри майор сделал ещё три снимка и сменил кассету. Вставил новую и бодро произнёс:

— Теперь — на кладбище.

На кладбище тоже было всё по-другому. Во-первых, никаких бомжей, битого стекла, пробок от пива и использованных презервативов. Всё чисто выметено. Во-вторых, ограда полностью заменена. Металлические конструкции в полтора человеческих роста. Чугунное литьё. Сразу за входом вытянулась гранитная плита, резчик по камню трудится, наносит на поверхность готическим шрифтом немецкие фамилии. Тут же помощник резчика заполняет вырезанные углубления золотой пастой. Не мудрствуя лукаво, как говорят русские, они просто-напросто скопировали технику оформления своих кладбищ.

Глаза Фридриха увлажнились. Он вытянулся и почему-то щёлкнул каблуками.

Впрочем, ввиду того, что обут был немец в мягкие кроссовки, должной красоты звука не получилось. Да и бог с ней, с красотой, — как говорят русские, — главное, чтобы душу вложить. Чтобы с чувством, с пониманием, чтобы не от ума шло, от вложенных инструкций, а от сердца, напрямую…

Фридрих, сопровождаемый по пятам майором, долго бродил по кладбищу.

Потом, когда они уже вышли, сели в машину и майор, положив в конверт, отдал немцу все сделанные им фотографии,

Ингер, молчавший от избытка чувств последние полчаса, вздохнул и тихо, как бы себе под нос, произнёс:

— Данке шон.

— Битте шон, — незамедлительно ответил майор. И добавил, — Теперь — домой?

— Домой, — согласился Фридрих.

У подъезда дома, когда Фридрих уже подходил к металлической двери, майор окликнул его. Нагнувшись на своём сиденье, он указал рукой на оттопырившую бока кейса банку варенья.

— Не разбейте!

Фридрих улыбнулся, погладил кейс по оттопырившемуся бочку и показал русскому большой палец. Майор усмехнулся, помахал на прощание рукой и уехал.

Дома Фридрих прошёл на кухню и поставил на огонь чайник. Воду, в больших пластиковых бутылках, ему доставляли регулярно. В воде из водопровода, как его предупредили уже давно, купаться-то через раз нужно, а уж пить…

Пока чайник грелся, из атташе-кейса блюдечко было вынуто, вымыто и поставлено у стены на бок, вертикально, для красоты. Тут же, рядом, так же установил сосновую шишку. Детей в доме нет, разбить некому…

Приготовил чашку, выложил варенье в глубокую розетку, поискал и принёс на кухню большое махровое полотенце из ванной комнаты. Не матрёшка, но тепло в заварном чайнике сохранит. Чайник придётся оставить на слабом огоньке, на плите…

Так и сделал.

Чай на кухне значительно отличался от утреннего чая из самовара на свежем воздухе. Ну, подумайте сами, — какой в городе может быть воздух! Запах машин. Запах асфальта. Запах дурных человеческих мыслей и тел, не то, не то…

Фридрих разложил перед собой фотографии, расставил их иконостасом, прислонив к обмотанному полотенцем заварному чайнику. Прихлёбывал из чашки. Облизывал ложечку, — варенье действительно оказалось замечательным!.. — сидел, глядел.

Так и просидел на кухне. До темноты. Улыбался чему-то. Глядел в стекло, отражавшее обратно его чуточку странное выражение лица. Мурлыкал что-то там про себя, напевал без слов и музыки. Гладил пальцем фотографии.

Хорошо, когда к мёртвым относятся с уважением!

С этой мыслью и ушёл. Ушёл спать.

42

Сколько он спал, неизвестно. Сон оказался на диво спокойный, ровный, мягкий. Проснулся же оттого, что в тихую мелодию сна ворвались посторонние звуки. Дисгармония сна заставила Фридриха открыть глаза. Да. Явно какие-то посторонние, не стандартные, не обычные звуки. Русские говорили, что в их домах могут жить забавные духи-хранители дома. Может быть, это скрипит половицами господин домовой?

Оказалось, нет, не он. В глаза ударил свет фонаря, чьи-то грубые руки схватили его, вышвырнули вон из кровати, бросили на пол, зажали рот, придавили к полу руки и ноги. Чья-то рука схватила его за волосы, приподняла голову. До хруста в позвонках. Чьё-то колено наступило ему на спину. Чей-то кулак ударил по почке. Фридрих сдавленно ахнул.

— Вы из милиции? — догадался он сиплым голосом.

— Молчать, сука! — жарко, в ухо, шёпотом. — Где деньги, падла? Колись, убью!

— Какие деньги? — искренно не понял Фридрих.

Удар автоматным прикладом по спине. Напротив сердца. Немец со всхлипом втягивает воздух. Снова рука рвёт его голову вверх и назад.

Пронзительный свет фонаря в глаза. Удары по лицу. Слева. Справа.

— Ты получил дойчемарки. Где они? Колись, сука! Где деньги?

— Я нет иметь марки, — в голове помутилось. — Я нет брать деньги!

— Так мы тебе и поверили! — снова удары. — Где бабки, пидор?

— Я нет знать, что вы говорить!..

Удар в спину. Напротив сердца. Невольный вскрик.

— А это тебе, падла, за то, что вы к нам Ленина в опломбированном вагоне прислали!

Снова удары. Один, особенно сильный, погрузил Фридриха в беспамятство.

Застонав, Фридрих попытался повернуть голову, чтобы в лицо не падал ослепительный свет. И ему это удалось. Его никто не держал. Несмотря на то, что в комнате явно находились люди. Фридрих слышал шаги, звуки ударов. Интересно. Кого тут ещё можно бить?..

Рискнув, Фридрих приоткрыл глаза и из-под ладони, повернув голову, взглянул в сторону раздававшихся звуков.

Увиденная картина его удивила. Оказалось, во-первых, что он снова лежит на кровати. Во-вторых, на полу распростёрты лицом вниз четыре человека в камуфляже, но без чёрных масок, какими обычно пользуются бандиты и отряды специального назначения. Маски четверых лежали на полу, рядом с ними. Свет оказался не светом фонаря в лицо, а светом люстры под потолком. Те, кто вошёл в его квартиру вслед за налётчиками, не боялись показывать факт своего присутствия. Во-первых, это были пять человек в камуфляже и масках, на спине одного из них, стоявшего, опустив ствол короткого автомата спиной к кровати, над одним из бандитов, Фридрих прочитал слово «ОМОН». Отряд милиции особого назначения. Во-вторых, возглавлял милицейский спецназ полковник Мороз собственной персоной. Тоже в камуфляже, сером, городском, как и его бойцы, в отличие от зелёного, лесного камуфляжа бандитов. И без маски. Надо полагать, полковник не считал нужным скрывать свой лицо.

В настоящий момент полковник присел над одним из распростёртых на полу, задумчиво тыкал ему в колено стволом пистолета. И говорил:

— … значит, будем играть в ромашку. Вначале выстрел в колено. Изнутри. Это гарантирует разрыв крупного кровеносного сосуда и раздробление сумки сустава. Так что даже если вы выживете, дорога у вас останется одна — на паперть. Для цыганской мафии деньги зарабатывать жалостливым видом. Ну, так как, будем говорить, или вас соблазняет описанная мною перспектива?

Полковник подождал, хмыкнул — и выстрелил.

И тут же подался вперёд, всем телом, с размаху обрушил на голову закричавшего рукоять пистолета. Тот упал лицом вниз, замолк. Подскочил ещё один боец, припал на колено, быстро перехватил жгутом ногу выше раны, фонтанчик крови из отстреленной в колене ноги унялся.

Когда боец, остановив кровь, поднимался, Фридрих по каким-то еле заметным нюансам движения узнал в нём лейтенанта, фотографа из бани. Тот тоже поднимался на ноги таким же волнистым, особенным движением.

Полковник опустился на одно колено возле следующего налётчика, приставил ствол пистолета к его колену. Пошевелил ствол, пристраивая его поудобнее, ласково спросил:

— Ваше последнее слово, будущий калека?

— Майор Гаврилин, — глухо сознался второй.

— Очень любопытно, — продолжал разговор полковник. — А сами вы откуда?

— РУБОП, — непонятно ответил лежащий.

— Не позорьте наших друзей, — мягко ответил полковник.

— Нас подобрал майор, мы работаем на него. Мы и раньше, с ним, кое-что…

— Ух ты! — восхитился полковник. — Майор накопил деньжат на личную армию?

— Он нас частными охранниками пристроил, — продолжал сознаваться лежащий.

— А в свободное от основной работы время вы подрабатываете частными заказами, как я понял. Ну-с, и где же вас ожидает майор? Или вы будете уверять меня, что куча марок должна была остаться вам на память? Место? Пароли? Детали? Ноги нужны, или как?

— Явочная квартира у гостинцы «Центральная», — сознался бандит.

Полковник рассмеялся.

— Пользоваться казённым помещением для лично бандитских нужд. Ай да майор! Ай да сукин сын! Он там один или с кем-то? Условные стуки? Быстрее!

— Один. Стучать «дай, дай закурить».

— Всё слышал? — спросил в пространство полковник.

— Уже едем, — отозвалась висящая на боку полковника рация голосом майора Феликса.

— Ну, вот и ладушки, — удовлетворённо произнёс полковник, поднимаясь на ноги.

Оглядел сверху картину, махнул рукой с пистолетом:

— Выводите!

Когда все покинули помещение, полковник вздохнул и подошёл к кровати. Фридрих на всякий случай притворился, что ещё без сознания. Полковник постоял, поцокал языком.

— Такой большой, иностранец, а постель намочил, как маленький, ай-ай-ай!

Фридрих машинально шевельнул рукой — потрогать, проверить.

Полковник мягко рассмеялся.

— Открывайте глаза, Ингер, вы не спите и в сознании.

Фридрих попытался улыбнуться и открыл глаза.

Полковник присел на край кровати. Вздохнул, покачал головой.

— Спасибо вам, господин Ингер. И извините за причинённые неудобства.

— Вам спасибо, — с чувством ответил немец. — Вы мне жизнь спасли. Второй раз.

Полковник хмыкнул, мягко спустил курок, убрал пистолет в кобуру.

— Как вам сказать… В тот раз действительно, да, спасли. А в этот, честно говоря, немножко использовали. Помните, как перед тем, как вы вошли в подъезд, майор сказал вам про варенье? И вы тогда сделали некие жесты, по которым посторонние наблюдатели вполне могли предположить, что у вас там, в вашем чемоданчике, находится что-то для вас ценное.

Фридрих ахнул.

— Вы использовали меня, как подсадную утку!

— Совершенно верно, — согласился полковник. — Именно так всё и происходило.

Фридрих подумал, вспоминая.

— Ну, вы же просто мелкий сукин сын, господин Мороз!

Сукин сын Мороз негромко посмеялся.

— Тут, не так давно, проездом побывал один мой бывший знакомый. Он теперь там, в Иерусалиме, какой-то армейский чин. Выпили мы с ним, по старому знакомству, мы же с ним на одной парте сидели, в школе. Он мне анекдот рассказал. Там, среди русскоязычных, успехом пользуется. Рассказать?

И полковник стал рассказывать, изображая при том мимикой.

— Кто такой Михаил Кутузов? Это великий русский полководец. Он заманил французов в Москву, дождался морозов и выиграл кампанию.

Кто такой Иосиф Сталин? Это великий советский полководец, он заманил немцев под Москву, извините, Ингер, дождался морозов и выиграл войну.

Кто такой Ясир Арафат? Это великий арабский полководец. Он заманил евреев в Палестину — и ждёт морозов!

И полковник Мороз благодушно рассмеялся.

Фридрих улыбнулся.

— Как говорят русские: не заговаривайте мне зубы! Дальше, пожалуйста. Про меня.

Господин Мороз, которого так и не дождутся в Палестине, усмехнулся.

— У нас давно уже были подозрения, что среди нас завелась крыса. Были, знаете ли. Случаи. И вот теперь, когда подвернулся такой удобный шанс, грех его было не использовать. На подозрении оставались два человека. Мы провели операцию, — и она дала результаты.

— Но меня могли убить?

— Пока деньги не получили — нет. И калечить они вас не стали бы. Запугать, сделать больно. Их цель — деньги. Но мы, извините уж, разместили тут у вас кое-какую аппаратуру.

— Жучков поставили, — добавил Фридрих.

— Ну да, — не стал отпираться русский. — Поставили. И

взяли, когда произошло проникновение. Вот тут мы немного задержались. Они слишком тихо шли. Мы-то думали, что они будут громче себя вести, а их ключами снабдили. Поэтому наши выдвинулись лишь тогда, когда они уже за вас взялись. И вот тут-то вам сделали немного больно. Но вы не беспокойтесь, им тоже будет больно вас вспоминать. Таковы условия игры, господин Ингер. Проиграл — плати.

— Меня это сильно утешает, — иронично заметил немец.

— Ладно, ладно, — ворчливо сказал полковник. — Не так уж сильно вам и досталось.

— Для иностранца? — уточнил Фридрих.

Полковник беззаботно махнул рукой.

— Да какой вы теперь иностранец! Скажете тоже.

— Где я? Кто я? — сказал Фридрих и поднял руки к потолку.

Полковник рассмеялся.

— Вы приглашённый мною на маленький семейный праздник гость. Завтра же поутру.

— Что за праздник? — подозрительно спросил Фридрих. — Подсадная утка в яблоках?

Полковник расхохотался и примирительно похлопал его по колену.

— Да нет. Не так. Совсем не так. С семьёй познакомлю. У меня завтра у дочери день рожденья. Приглашаю. Будет пирог с яблоками. Но без утки.

— А я доживу до завтра? — спросил Фридрих, поднимаясь и садясь на кровати.

Полковник посмотрел по сторонам. Поднял с пола электрошокер, нажал тангету.

Вспыхнула и загудела электрическая дуга.

— Сувенир на память. Достаточно прикоснуться. Работает даже через зимнюю одежду. Только не выставляйте вперёд руку. Любое холодное оружие, в том числе и шокер, лучше всего держать так, чтобы его не могли выбить из рук. Может быть, даже и за спиной. Ну, тут я вам не указчик. Потренируйтесь перед зеркалом. В этом деле главное — неожиданность.

И полковник поднялся.

Фридрих вскочил, потянулся, с гримасой схватился за спину.

— Ничего, — благодушно сказал полковник. — Пока вы были без сознания, я вас лично осмотрел. Повреждений нет. Вот по голове вас сильно ударили. Так что давайте-ка баиньки. Ложитесь и спите. Как говорится: на горшок — и спать. А я за вами завтра заеду. Часов в десять вас устроит?

— А как же работа? — парировал Фридрих. — Отдел мэрии?

Мороз махнул рукой, снимая все проблемы.

— Плюньте и разотрите. Даже если к вам будут вопросы, а их не будет, то и в этом случае вы просто пошлёте их на хрен, то есть — ко мне.

Проводив полковника до двери («Вы же сами сказали — сначала на горшок!»), Фридрих уже собирался закрыть дверь, как полковник неожиданно остановился, обернулся, подмигнул и заговорщицким голосом произнёс:

— Надеюсь, вы не будете писать заявление в милицию?

Фридрих остановил на полковнике взгляд, тяжко, с рычанием, вздохнул полной грудью, покачал головой, махнул рукой и запер дверь. За дверью послышались удаляющиеся шаги.

Осмотрев квартиру, — не спрятался ли где кто, — Фридрих взял в руки шокер, примерил его к руке, потренировал выпад перед зеркалом. То ещё зрелище! Потом вынул аптечку, отрезал кусок лейкопластыря и приклеил оружие сбоку от кровати, с другой стороны от входа. Чтобы опустил руку, — и вот он, родненький. Примерился, как будет срывать и тыкать в склонившегося над ним. На третий раз получилось удовлетворительно. Даже вспыхнула с гудением поражающая дуга. Приклеил оружие на место. Лёг. Выключил свет.

Блин, сама жизнь в России вынуждает человека к изобретательности!

43

День рождения дочери полковник Мороз отмечал скромно. Оно и понятно: просто русский, далеко не новый. Старый русский. Просто русский.

Основные приглашённые — конечно же, дети. Подруги дочери, друзья сына. Общее количество — семь человек. Друзей много не бывает. Имеется в виду — настоящих друзей.

Полковник вытащил из сумки несколько брикетов мороженого, шоколадки, раздал детям. Визг, вопли, все начинают есть и пить всё сразу, дочка виснет на папе, покрывает его поцелуями, и сразу же возвращается к еде и большим бутылкам разноцветных напитков.

Побыв немного с детьми и оставив с ними жену, красивую стройную женщину с мягким, но властным характером, мужчины прошли в комнату полковника. Точнее — в спальню, временно превращённую в гостиную. Вся квартира полковника состояла из трёх комнат в кирпичном доме.

Сели за накрытый столик, разлили по первой рюмке.

— Вот так и живут полковники в России, — пошутил Мороз, глядя, как Фридрих оглядывает его небогатые апартаменты.

— Именно поэтому вы и — крутите? — не выдержал немец.

— Совершенно верно, — усмехнулся хозяин дома. — Не помню уже, кто сказал, но сказал совершенно верно. А именно: нет ничего дороже дешёвой медицины и дешёвой юстиции.

— Всем хочется украсть, — вспомнил Фридрих слова Виталия.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник. — Если во главу угла поставить деньги, то основное движение мысли общества — это движение к деньгам. Хорошо вам там, на Западе. У вас давно уже всё превратилось в отлаженный механизм. Вон, в Японии, даже мафия чуть ли не на службе государства. А у нас механизма никогда не было. И не будет. У нас — стихия. Её можно загнать в какие-то рамки. Но стихия — это стихия. Как она поведёт себя в следующий момент, — никто не скажет. Ураган пронесётся, землетрясение тряхнёт, ещё там что-нибудь. И якобы приручённая стихия развернётся так, что мало не покажется. То же и с деньгами. Стихии указали выход. Она и рухнула по проложенному пути. И сминает всё, что не движется вместе с ней. Это как попасть в водоворот. Никогда не тонули на реке? Не приходилось? Ну, так вот, на всякий случай. Никогда не пытайтесь выгрести против водоворота. Воздуху побольше, на глубину, и там, у самого дна, — резко вбок. Только так и никак

иначе. Любое иначе — гибель.

— Знакомый майора, мой новый водитель, сказал, что он сейчас стремится выжить. Это как-то связано с тем сравнением, которое вы сейчас сделали?

— Может быть, — согласился полковник. — Стихия погони за деньгами, — это тот ещё водоворот. Так утянет, что не успеешь и дрыжками ногнуть.

— Чего-чего? — изумился Фридрих.

— А вы послушайте, что поют, засранцы, — пригласил Мороз.

Фридрих прислушался. В детской старательно выводили слова песни:

— Сейчас режиком заножу, будешь дрыжками ногать…

Полковник ухмыльнулся.

— Это — непереводимо. С детского. В оригинале звучит так: «Сейчас ножиком зарежу, будешь ножками дрыгать». Там перестановка слогов.

— Хорошие у вас, в России, детские песни, — не удержался Ингер.

— Дети копируют взрослых. А взрослые копируют телевизор. А что хорошего можно увидеть в голливудских боевиках и мексиканских сериалах? Финальный выкрик: я богат, значит, я счастлив. И вот уже бабушка везёт убивать внука за деньги. Если точнее — продавать родную плоть на пересадку органов, за доллары. Я же говорю — стихия. Мы слишком доверчивы. Нам сказали, что коммунизм — это счастье. Мы и поверили. Сейчас нам сказали, что бывший бог есть дьявол, а бог это совсем другое. И мы снова поверили. Хотя, по большому счёту, произошла, пользуясь церковным языком, просто-напросто смена одержания. Одержимость коммунизмом сменилась на одержимость демократией.

— А что плохого в демократии?

Полковник фыркнул.

— Знаете, есть у нас такой анекдот. Приходит мужик к доктору и говорит ему: «Доктор, что-то у меня в жопе нехорошо». А тот ему в ответ: «А что ТАМ может быть хорошего?» Когда нам сказали, что рынок это хорошо, мы опять поверили. А на деле сели играть в экономические карты фраер ушастый и шулер прожжённый. Какое же это равенство? Восемьдесят процентов населения на референдуме по поводу СССР проголосовали за сохранение единого пространства. Но СССР взяли и расчленили. Где же здесь воля народа?

— Вам надо было сделать импичмент, — не согласился Фридрих.

Полковник протяжно вздохнул и улыбнулся.

— Всё как-то забываю, что вы так мало жили в России… В этой стране, чтобы вы знали, импичмент сверху производится путём опубликования имеющегося компромата. А импичмент сбоку или снизу делается так: совмещаете перекрестие с головой, плавно нажимаете на спусковой крючок, — импичмент…

Свои слова полковник сопровождал жестами. На финальном слове «импичмент» он изобразил отдачу от выстрела. Фридрих подумал и закусил кружочком колбасы.

— Между пятой и шестой промежуток небольшой, — сказал полковник, разливая.

— Кажется, кто-то говорил то же самое по поводу первой и второй?

— Да у нас вообще между первой и пятнадцатой не принято останавливаться.

Фридрих посмотрел с подозрением. Полковник не то мило шутил, не то…

Уловив его взгляд, господин Мороз широко улыбнулся.

— Ваше здоровье!

На всякий случай Фридрих приналёг на закуску. Говорят, помогает.

По совместному молчаливому согласию решили сделать перерыв. Полковник немного размяк, показал гостю фотографии семьи, фотографии сослуживцев. На одной из них, большом многоголовом снимке, Фридрих нашёл и майора Феликса, и того лейтенанта.

— А где майор? — спросил с любопытством. — Его не будет сегодня?

— С майором мы уже отмечали немного вчера на работе, да и потом отметим, не в первый раз. А вот когда я ещё с вами посижу, господин Ингер. Говорят, вы скоро нас покидаете?

— Да, скоро полгода, как я здесь. Кончается командировка, по-русски говоря.

— Ну, — широко развёл руками полковник, — Угощаем, чем можем. Разносолов всяких вы и дома поедите, если захочется, у вас поди, там всякого такого разного больше, чем у нас. Мы если и можем чем поразить, так это чем-то необычным. Самовар на свежем воздухе.

— Или шашлыки из человечинки, — не подумав, ляпнул захмелевший Фридрих.

И тут же осёкся, прикусил язык. Но было уже поздно. Старого служаку провести трудно. Взгляд его, брошенный в сторону гостя, красноречиво говорил об этом.

— Что, приходилось пробовать? — якобы небрежно спросил господин Мороз.

— Так и угостить могу, — махнув на всё, сказал Фридрих. И добавил:

— Только при условии, что за этим не последует никаких санкций.

— Если без криминала, — не последует, — твёрдо пообещал полковник.

— И будьте без формы, пожалуйста.

— Само собой, само собой, — засмеялся полковник. — И когда?

— Встретиться надо, обговорить. Как будет свежее мясо, подходящее, в смысле.

— В одном из моргов?

— Разумеется, — ответил Фридрих. — Где же ещё?

Полковник вздохнул.

— В наши дни ни о чём нельзя сказать наверняка… Мало ли?

— Обижаешь, начальник, — твёрдо ответил Фридрих. — Я, конечно, немец, но не душегуб.

Полковник посмеялся.

И они вернулись к столу.

— У вас красивая жена, господин Мороз, — говорил Фридрих, закусывая балыком.

— Ох, сейчас разревнуюсь! — смеялся полковник.

— Нет, правда. Я бывал во многих странах. И нигде не видел таких красивых женщин. Я имею в виду, на улицах. В большом количестве. В Америке есть красавицы. Но все они, или почти все, собраны в Голливуде. На улице или толстухи, или рожа кирпичом.

— А как в Германии?

— В Германии не может быть некрасивых женщин, — по определению. Или Брунгильда, или Лорелея. Не трогайте Германию, господин Мороз!

— Конечно, конечно, — смеялся полковник, — Мы же не под Москвой! Тут я бессилен!

Фридрих погрозил ему пальцем.

— Так в чём же дело, я не первый отмечаю этот факт. Почему? Warum?

— Просто такая порода, — улыбался полковник. — Но это хорошая тема для разговора. Вот, тоже, спрашивает генерал поручика Ржевского: «Поручик, о чём вы думаете, глядя на эту саблю?» «О женщинах, ваше высокоблагородие!» «Почему, поручик?» «А я о них всегда думаю!»

И они, смеясь, начали говорить о женщинах. А что? Очень мужской разговор!

44

Когда Фридрих подошёл к железной двери своего подъезда, сзади к нему обратились на родном языке.

— Немец — это вы?

Фридрих обернулся. Прилично одетый человек в тёмных очках смотрел на него, и от всей его фигуры веяло напряжением, усталостью и опасностью.

— Да, я немец. Из Германии. Из Баварии.

— Я прошу вашей помощи.

Сложенные и убранные в карман тёмные очки скрывали за собой воспалённые, полубезумные глаза, глаза загнанного оленя.

Фридрих вспомнил себя, господина Деница из гостиницы «Центральная», усмехнулся покровительственно этому воспоминанию. Кивнул, приглашая заходить.

— Мне очень нужно как можно скорее вернуться в Германию.

— Что мешает?

— Русские спецслужбы. Они наняли меня как специалиста по настройке специального электронного оборудования. А здесь я слишком много узнал. В том числе и то, что когда во мне перестанут испытывать нужду, я умру.

— И вы решили сбежать?

— Да. Без денег. Без документов — их у меня отобрали сразу же по приезде. Меня возили в специальной машине. Здесь я искал хоть одного немца. В гостинице «Центральная» мне сказали про вас и дали ваш адрес. Вы — моя последняя надежда. Если вы мне не поможете, меня убьют.

Фридрих протяжно вздохнул.

— В этом мире живут умные, те, кто убивает ради денег. Глупые, которые помогают другим бесплатно. И дураки, сующие нос в чужие неприятности. Полгода назад я послал бы вас в полицию. А сейчас я просто глупый дурак. Вам чуточку повезло.

Виталий приехал, когда господин Аксель Лессинг принял ванну и поел. Впервые за три дня. Водка не в счёт.

— Спецслужбы?!.. — Виталий почесал в затылке. — Это серьёзно.

— Подумай. Он твой коллега — тоже пытается выжить.

— Польщён вашим доверием, товарищи немцы, но дело почти безнадёжное. Без документов, без денег…

Фридрих вздохнул и сказал:

— Ладно. Деньги — будут.

— Уже легче. Если деньги есть, будут и документы… Самолёт и поезд отпадают, билеты именные. По паспорту. Остаётся

автостоп. Ждать и ловить тебя будут и они, и менты. На западном направлении перекрыто будет всё. Давай-ка ты двигай на восточное. Дальше, но надёжнее. На перекладных — до Владивостока. А там заходишь в порт, спрашиваешь какого-нибудь капитана — моряка — и в Японию. На судне каком, на рыбачке, ну, сам сообразишь, если жить захочешь.

Фридрих вздохнул и полез в шкаф.

— Вот моя карточка. На ней — десять тысяч марок. Таким образом, ты в Японии их сможешь получить. Ну, вот и всё.

Когда грузовик дальних перевозок фыркнул кубами чёрного дыма, зарычал двигателем и унёс господина Акселя Лессинга в сторону страны Восходящего Солнца, Виталий расхохотался от души и сказал:

— А я-то думал, что только мы, русские, можем быть такими дураками!

45

К Васе Фридрих попал на следующий день. В этот день дежурным моргом был именно его морг. Естественно, зашёл поговорить насчёт шашлыков. Санитар встретил немца как родного, пообещал позвонить сразу же, как только завезут подходящее мясо. Так и сказал:

— Как мясо нужное объявится. Так и всё будет правильно! Ё-моё! В первый раз замужем, что ли! Ты чё, Фриня?

Фридрих уже не в первый раз слышал из уст Васи эту разновидность уменьшительного варианта от своего имени. Для привыкшего к Фрицу Фриня звучало — забавно.

— Я понимаю. Товарища угостить — дело нужное, Фриня! Что бы мы делали вообще без товарищей? А, я спрашиваю? За други своя! — на последних словах бил себя в грудь.

Вася явно уже принял. Граммов так несколько. Спирта, разумеется.

Фридрих шутил, дал денег на дополнительные расходы. Вася гордо задирал голову, снова стучал себя в грудь, но деньги — взял. Фриня в этом и не сомневался.

Проходя через зал морга, заказчик человеческого банкета на природе на всякий случай осматривал лежащие на столах трупы. Вдруг кто на мясо годен?

И вдруг как споткнулся. Остановился, подошёл поближе. Фотографическая память банкира не подвела. Это лицо он видел где-то. Недавно. Где? Несколько секунд, и в памяти всплывает картина: полковник Мороз показывает ему многоголовую фотографию… Да. Но они встречались и лично. Майор Гаврилин. Первое посещение церкви. И последнее посещение рэкетиров, назвавших это имя

Видя, с каким напряжением немец рассматривает лицо мертвеца, санитар тоже подошёл поближе, наклонился, сделал вид, что всматривается, посопел и вдруг расхохотался.

— Эта, тоже. Приносит, значицца, Марьиванна на урок в класс ежа из лесу. И говорит: «Дети! Вы узнаёте, кто это?» Ну, дети наши окромя мыша американского по ящику ни хрена не знают. Тогда Марьиванна так и говорит: «Дети! А о ком я вам столько рассказывала?» Тогда Вовочка подходит так, и говорит: «Так вот ты какой, дедушка Ленин!»

Чтобы скрыть свой внезапный интерес к незнакомому покойнику, Фридрих небрежно спросил:

— Это есть Ленин?

— Да ну тебя! — захохотал Вася. Замахал руками. — Скажешь

тоже! Какой это Ленин!

— А кто это?

— А хрен его знает, товарищ майор! — честно выкатил глаза Вася и почесал пузо.

Фридрих усмехнулся. Во всяком случае, звание покойника санитар определил верно.

46

На человеческий шашлык полковник Мороз оделся в старые, заплатанные джинсы, а также брезентовую куртку, так называемую «ветровку». Обычную одежду туристов, рыбаков и прочих, вольно бродящих по природе людей.

Санитар не подвёл. Мясо оказалось свежайшим, аппетитным даже на вид, в меру вымоченным в уксусе. Не зная, что куски срезаны с трупов в городском морге, и не подумаешь ничего такого. И в самом деле, мясо как мясо. Вася так и сказал, нанизывая человечину на шампур и пристраивая её над углями.

— Мясо — оно и есть мясо. И неча рожу кривить. Чем тело коровы отличается от тела длинной свиньи? Мне, давно уже, учёные люди говорили. Что, дескать, далеко от нас, на островах каких-то там, тамошние людоеды так человека и называют: длинная свинья. А что? Если хорошенько подумать, то и правда, на самом деле-то! И длинный он, человек, а уж свинья-то какая! И уж если говорить взаправду, положа руку на сердце, то истинная свинья и есть человек. Потому как поступает он — по-свински.

— А мне учёные люди говорили, что и по своим генам человек тоже близок к свинье. Дескать, что придумали всякие там врачи из свиньи разные там органы вырезать и человеку их пересаживать. И приживаются, заразы!

Это полковник. Как говорит! И говорит, как пишет! По стилю речи Вася не отличал его от знакомых своего круга. И сразу же признал за своего. А уж после того, как полковник вынул из-за пазухи бутылку водки и, хитро подмигивая, разлил её по стаканам, также принесённым с собой, а потом, для закусывания, вынул из кармана бутерброды с салом, сыром и килькой… Вася даже обиделся, что его раньше не познакомили с таким хорошим человеком.

— Поди, сам-то с таким клёвым корешем давно кучкуешься, — с обидой говорил санитар. И шмыгал носом от обиды.

— Ты чё, Фриня? — говорил полковник и честно моргал глазами.

Фридрих только руками разводил.

Предложенный ему стакан бодяжной водки, того же шила, по сути говоря, из невесть какого спирта, невесть в каком подвале перемешанного с водопроводной водой и разлитого в плохо отмытые бутылки с этикетками известных марок, — только перекрестил размашисто и сказал вслух:

— Чур, меня! Изыди, нечистый дух, останься, чистый спирт!

Это немец-то!

— Я, тя научу, — говорил санитар, тоже крестил стакан с бодяжным шилом, после чего таращил глаза и, стараясь говорить басом, произносил дьяконским распевом:

— Господи! Не прими за пьянство, прими за лекарство!

Не пьём, господи, а лечимся!

Не через день, а каждый день!

И не чайными ложками, а стаканами!

И не за ради пьянство окаянного, а за дабы не отвыкнуть!

Залпом опрокидывал стакан, нюхал рукав и сипел хриплым голосом:

— Хорошо-то как! Прямо как Христос босыми ножками по душе прошёлся!

И кивал Фридриху на бутылку. А того от одного запаха только передёргивало.

Полковник веселился на славу. Щурил глаза, говорил серьёзным тоном сентенции алкогольного общения, типа: «Водка без пива — деньги на ветер!», «Закуска градус крадёт!», «Всяк выпьет, да не всяк крякнет!», «Иже её, мамочку, и монаси приемлют!». Фридрих, немного подумав, тоже принял его манеру поведения. Только санитар Вася, обрадованный новым знакомством, воспринимал всё всерьёз. К тому же пропущенные стакан-другой водки привычно повлияли на его сознание.

Пока жарился шашлык, и плоть какого-то бедняги, вместо того, чтобы мирно покоиться в гробу, ожидая захоронения и бесполезного гниения в земле, готовилась к тому, чтобы сгнить в чьём-нибудь желудке, полковник и санитар выпили две бутылки водки на двоих. Добавив ещё полутора литровую бутыль пива. На каждого. Адская смесь! Фридрих только ужасался и качал головой.

А полковник расходился вовсю. Подмигивал Фридриху и начинал тонким голосом петь песню со словами: «Эй, мороз, мороз, не морозь меня…», называл санитара «братан» и говорил на каком-то жутком уголовном жаргоне. И санитар его понимал!

Изрядно окосевший Вася бормотал под нос о горячем формалине и что оргия будет правильная. Фридрих не знал, куда глаза девать. Полковник улыбался.

— А водочки-то? — жалобным голосом кивал Вася на бутылку.

— Не-а, — отвечал Фридрих. — Я сегодня медитирую на вобле!

И в доказательство своих слов вытащил огромную воблину, с размаху оббил её об собственное колено, взъерошил чешую и зубами, с мявом и рычанием, начал обдирать шкуру, готовясь

пожрать труп несчастной рыбины. Пивали они на этих брёвнышках! Повременим!

Полковник обнимал Васю за плечи, и они пели «Мурку» на два голоса.

Наконец, пришла очередь шашлыков. Надо отдать должное Васе, даже во хмелю он тщательно следил за приготовлением мяса. Пахло, действительно, вкусно.

У Фридриха проснулась совесть, он чесался, зевал, отвлекался на рыбу, и всячески увиливал от пожирания жареной человечины.

Наконец, это стало заметно даже Васе. Санитар некоторое время смотрел на немца, и на лице его явственно проступила незаслуженная обида.

— Фриня! Ну, чё, ты прям как этот самый! Как неродной, в натуре. Сам же напросился, хорошего человека привёл, а сам же и не ешь. Не по понятиям получается!

— Ты же у нас христианин? — поддержал разговор полковник. — Ну вот. Вас же в церкви причащают плотью Христовой? Ну, дык, и того, — и причастись!

— Верно! — обрадовался Вася. — Моя-то дура — тоже! По праздникам своим тащит в дом из церкви всякую гадость. Причастись, грит, тела Христова! Я ей — дура! грю, это ж — тесто! А она мне: а ты тесто жуй, а сам глаза закрой и в уме представь, что ты плоть Христову вкушаешь. А я ей — ну ты, старуха, ващще! Это ж прям…

И Вася заводил в воздухе руками, не находя нужных слов.

— Ментальный онанизм, — тонко закончил его мысль полковник. Уста его змеились вольтеровской улыбкой, а глаза — ленинским прищуром.

— О! — сказал Вася и повернулся к Морозу. — Держи кардан!

И они обменялись крепким непечатным рукопожатием.

Фридрих посмотрел на шашлыки, вздохнул, перекрестил мясо в манере Васи, после чего произнёс, копируя санитара:

— Изыди, трупный яд, останься, тело Христово.

И стал кушать.

Вася ел, как обычно. Для него это просто еда. Еда как еда. А под водочку так и совсем гожо. Под такую закусь и два литра выкушать не грех! — утверждал он между глотками.

Полковник жмурился, прикрывал глаза, слегка улыбался чему-то своему, внутреннему, но шашлыки кушал. Он приехал, чтобы отведать это блюдо, и он его вкушал. Для чего это ему понадобилось, бог весть, как говорят русские, но явно не для баловства. Потому что слишком явно, для Фридриха, проступала в поведении, а также в спокойной физиономии полковника некая

исследовательская черта.

Вася окосел практически полностью. И свалился с бревна.

— О! — отметил полковник. — Товарищ недоперепил.

— Недопил? Или перепил? — спросил Фридрих.

— Нет, — пояснил господин Мороз. — Недоперепил — это когда выпил больше, чем можешь, но меньше, чем хочешь. Хочется выпить ещё и ещё, но организм уже больше не может выносить спиртное. И отключается. Недо-перепил.

— А сами-то вы как? — недоумённо спросил Фридрих.

— О! — успокоил его полковник. — Я принял превентивные меры.

— То есть?

— Существуют определённые химические препараты. При их предварительном приёме можно выпить несколько человеческих норм. И оставаться практически трезвым. Старая разработка. Первоначально применялась только в органах внешней разведки, за рубежом. А в наше время и внутри страны. Очень хороший препарат. Кстати, отечественный.

— И зачем вам всё это? Экзотика?

— Не только, — усмехнулся полковник. — Помнится, я уже говорил вам, что наша работа несколько напоминает поведение сороки: тащишь в гнездо всё, что блестит. Даже порой не зная, как это может пригодиться, и пригодится ли вообще.

— И пригодилось?

— Конечно, — усмехнулся полковник. — Благодарю вас за практическое подтверждение теоретических выкладок господина Диденко.

— А кто это?

Полковник усмехнулся, покрутил головой, поковырял в ухе. Затем вынул из кармана зубочистку и принялся задумчиво выковыривать из зубов застрявшие там волокна мяса. Закончив, вздохнул, выкинул зубочистку. Посмотрел в глаза немцу.

— Видишь ли (усмехнулся), Фриня… существует несколько версий происхождения человека. Человека создал Творец, человека вырастили в пробирке инопланетяне, человек есть результат космической панспермии, и вообще он произошёл от личной обезьяны господина Дарвина. А есть ещё и правда для сильных. Все люди в прошлом — каннибалы. Это теория господина Диденко, развившего идеи профессора Поршнева. Я совсем недавно прочитал его книгу «Цивилизация каннибалов».

— Я ничего не слышал о новой версии происхождения человека.

— Да, вы и не могли ничего такого услышать. В России существует мощный интеллектуальный андерграунд. Видимая

часть айсберга — «Новая хронология» Фоменко и Носовского, а невидимая часть айсберга… Эти работы существуют только на русском языке. Их можно найти в Интернете, но тоже только на русском. Это правда для очень сильных. Вас, на Западе, она попросту сломает. Здесь, на этом милом христианском пикнике, я хотел проверить истинность теоретических построений господина Диденко. И я их проверил.

— Я тоже хочу узнать эту теорию, — упрямо произнёс Фридрих.

Полковник отрицательно покачал головой, улыбнулся.

— Не надо. Вы ещё недостаточно русский. Может быть потом, в следующий приезд…

— Вы считаете, что я сюда вернусь?

Фридрих попытался вложить в голос побольше сарказма. Получилось плохо.

Полковник улыбнулся.

— Помните, что говорил незабвенный Джеймс Бонд? «Никогда не говори — никогда».

47

Вызов как вызов. Сердечный приступ, Скорая помощь до сих пор не приехала… Или, как обычно, нет бензина, или там посчитали, что ехать слишком далеко. Самая окраина города, да ещё потом километр вбок от основной трассы. Помогите, Христа ради, на вас вся надежда…

Когда машина остановилась возле указанного дома, из калитки вышел человек с большой сумкой через плечо и коротким автоматом в руках. И сумка, и костюм камуфляжной расцветки. Русский парень, отказавшийся поцеловать ботинок нового русского за сто баксов.

Подойдя к дверце водителя, бывший телохранитель наставил автомат на Виталия.

— Вылезай.

— Вылез. Что дальше?

— Дальше ты идёшь пешком домой и всю дорогу молчишь. А мы с немцем кое-куда съездим. Ненадолго.

Фридрих посмотрел в глаза русского и перевёл взгляд на Виталия.

— Иди. Будь дома. Я позвоню.

— А ты?

— Этот человек не причинит мне вреда, если ты будешь молчать.

Бывший телохранитель усмехнулся и кивнул, соглашаясь.

Виталий помедлил, но, наткнувшись на сердитый взгляд работодателя, вздохнул, пожал плечами, махнул рукой и отправился восвояси. Фридрих принял на колени тяжёлую пятнистую сумку и стал смотреть вперёд.

Русский вёл машину точными, экономными движениями. Всё дальше и дальше от основной трассы. Впрочем, ехали они недолго, минут пять-семь. Затем машина остановилась, и русский коротко кивнул на дверцу: вылезаем. Фридрих молча повиновался.

Теперь они шли лесом. Русский целенаправленно прокладывал путь, немец с тяжёлой сумкой шёл следом.

На окраине дачного посёлка они остановились. Фридрих, повинуясь жесту русского, поставил сумку на землю, затем отошёл на пару шагов и стал молча наблюдать за дальнейшим развитием событий. Страха он не испытывал. Во-первых, потому что на самом деле не боялся смерти. А во-вторых, если его похититель и будет кого-то убивать, то явно не его. Не тот он человек, чтобы менять свои решения.

Русский некоторое время наблюдал что-то в бинокль, затем издал звук удовлетворения, повернулся к своему спутнику и взглянул с улыбкой в его глаза.

— Кино снимать умеешь?..

Внутри тяжёлой сумки оказалась видеокамера с боковым экранчиком, позволяющим отсмотреть только что отснятый материал. Фридрих, повинуясь указаниям русского, сделал пару проб: сначала человека во весь рост, затем плавно перевести объектив на во-он тот дом.

Оставшись доволен результатами, русский вынул из сумки основную тяжесть: две большие толстые зелёные трубы. Фридрих недоумённо взглянул на них. Русский перехватил его взгляд и объяснил, довольно дружелюбно:

— Реактивный огнемёт. Мы такими «зелёнку» выжигали. А теперь будем клопов морить. Возьми-ка домик, та-ак, а теперь крупным планом вон те две морды в окошке. Чудненько…

— Это тоже новые русские? — хладнокровно спросил немец.

— Точно, — весело и зло согласился русский. — Тот, кто слева, цыганский барон и главный наркобарон. Тот, кто справа, его правая рука. Обоих снял? Теперь беря меня. Сейчас я их — сниму…

Фридрих дождался, когда русский приладится, прицелится. После чего, по слову: «Давай их», — перевёл объектив на дом.

Выстрел.

Развороченный взрывом капсулы с огневой смесью, дом полыхал. Из окна, у которого только что стояли наркоторговцы, весело взмывало в небо алое, жаркое даже отсюда пламя. Рядом грохнуло, взметнулась пыль, камера в руках немца дрогнула, но уловила тот момент, когда второй заряд довершил работу по уничтожению дома. Затем, по приказу русского, он перевёл камеру на него и снимал, как тот скидывает с плеча использованную трубу огнемёта, поворачивает голову, улыбается и идёт навстречу оператору, загребая ногами желтую осеннюю листву.

Русский аккуратно вынул видеокамеру из рук немца, выключил её и кивнул — уходим. И они вернулись к машине.

Они уже минут пять ехали по городу, когда сидевший за рулём русский удивил его своим вопросом, произнесённым к тому же несколько смущённым голосом:

— Слушай, немец, если ты не против, не поможешь мне тут одну штуковину до машины дотащить? Потом мы быстренько на кладбище и я тебя отпускаю.

— Я не против, — лаконично ответил Фридрих.

Место, о котором говорил русский, оказалось мастерской по

изготовлению надгробий, надгробных плит и памятников. Русский оставил видеокамеру на сиденье, зашёл в здание мастерской, минут через пять вышел в сопровождении небольшого, злого на вид старикашки, сгорбленного жизнью и алкоголем. Старикашка подвёл русского к ряду надгробных плит у стены здания, показал. Заказчик осмотрел, удовлетворённо кивнул, расплатился и махнул рукой Фридриху. Вдвоём они погрузили мраморную плиту в салон труповоза. Когда они несли плиту, Фридрих неожиданно понял, что на ней изображено лицо этого самого русского, его имя, дата рождения и прочерк. Дата смерти отсутствовала.

Всё так же, молча, они вернулись в кабину. Русский снова сел за руль и через некоторое время они въехали на территорию какого-то кладбища в лесу. Русский остановил машину у небольшого домика, забрал видеокамеру и вышел. Фридрих автоматически последовал за ним.

Они прошли аллею Героев. Вообще-то, как это место именовалось на самом деле, немец, конечно же, не знал. Но по другому это место как-то просто и не назовёшь. Групповые и одиночные памятники создавали своим количеством и качеством исполнения именно такое отношение к данному месту. Особенно Фридриху запомнилась огромная, трёхметровая статуя мужчины в полурасстёгнутой каменной рубашке…Очень, очень внушительно.

В конце аллеи, возле одного из памятников, поминали покойного бутылкой дорогой водки двое бритых затылков в кожаных куртках. Те самые, купившие у милиционеров на дискотеке наркотики убитого торговца, и подарившие Фридриху снятый с трупа перстень-открывалку.

Господа бандиты встрече не удивились. Молча взяли из рук русского видеокамеру, пару раз просмотрели запись. Губы их понемногу расплылись в довольной улыбке. Старший привычно хрюкнул какой-то звук, младший тут же подал русскому небольшой чемоданчик. Атташе-кейс. Где-то до половины заполненный пачками денег.

Русский проверил содержимое кейса, кивнул, пожал руки обоим бритым затылкам (Фридрих ограничился общим поклоном), после чего, оставив им видеокамеру, качнул головой немцу и они отправились обратно. К машине. Вынули надгробную плиту и внесли её в домик у входа на кладбище.

В домике неторопливо пил пиво весёлый человек неопределённого возраста с синими от татуировок руками. Поприветствовав вошедших движением головы, откусил от спинки поедаемой им рыбины изрядный кус. Прожевал,

проглотил, запил пивом, утёр губы рукавом, встал и подошёл к плите. Критически осмотрел изображение, сравнил с заказчиком и произнёс:

— А ты в камне покрасивше будешь.

— Как договорились? — спросил русский, открывая чемоданчик.

— Говно вопрос! — ответил весёлый и вернулся к пиву.

Русский отсчитал необходимую сумму, человек внимательно следил за его руками, улыбался, щурился от удовольствия.

— И похороним, и памятник приладим, на том самом месте, которое ты и выбрал. Во-первых, уплочено, а во-вторых, — как же благодетеля не уважить!

— Благодетеля? — не удержался от вопроса немец.

— А то! — ответил весельчак и выпил пива. — Во-первых, братву уважил. Это раз. Уже должок. Во-вторых, нам подсобил. Ты сам подумай: ну где эти цыгане своего барона хоронить будут, а?

— Если найдётся, что хоронить, — усмехнулся русский.

Кладбищенский весельчак не смутился.

— Один хер! Хоть золы клок с пуговицами, а похороны будут! Никуда они не денутся. Порядок есть порядок. Жмурам уже всё по барабану, а перед народом себя выказать — это святое. А где они будут золу прикапывать? Среди людей, то есть — тут. А это что? Это заказы нам, да на такие крутые бабки, что быть добру.

— Красиво говорить стал, — усмехнулся русский. — И не узнаешь.

Синерукий махнул зажатым в пальцах рыбьим скелетиком.

— И не говори. У меня тут интеллигентов с институтов на Сорбонну хватит. Профессура в очередь могилы копать. Блатное место, в натуре! На последней вакансии друг другу лицо били. Культурные, блин, мочи нет. От них и наслушался. Недавно хотел одного послать, а сам и говорю: а пошёл ты туда, откуда дети родятся. Бля буду!

Русский покивал.

— Бабки-то возьмёшь? С благодетеля?

Жующий воблу махнул рукой, но деньги взял.

Когда Фридрих сел за руль, русский почесал в затылке и попросил немного смущённым голосом:

— Слушай, будь другом, подбрось до проспекта.

— Говно вопрос, — ответил немец, гордясь запомненным словосочетанием.

И они поехали.

— Я вижу, вы очень предусмотрительны. За наркобарона вам будут мстить? Да?

— Да меня ещё за Пузо заказали, — спокойно ответил

русский. — То пузо, которое я вспорол, среди своих в авторитете было. Всё один к одному.

— Вы сожалеете, что вас убьют из-за того человека?

Русский усмехнулся.

— Русский мужик задним умом крепок. Сперва ветры пустит, потом оглянется — не сдуло ли кого. А вообще-то, по правде говоря, — нет. Когда мы чичей давили, нас из Москвы за руки держали. Обидно было — до слёз. А сейчас — всё по хрену. Сколько смогу — все мои будут.

— А откуда вы знаете, что для вас купили убийцу?

— Первые двое уже приходили, — хладнокровно ответил русский.

Фридрих понимающе покивал головой.

— Сейчас бабки сестре отвезу — и оторвусь по полной. Её мужа, друга моего, за одной партой сидели, — год назад убили. Помочь надо. Двое сопляков на руках осталось. Близняшки. А дальше — будь, что будет. Знаешь, что важно, немец? Важно не когда ты умрёшь, а — как. И за ради чего. Никогда не чувствовал себя лучше. Никогда не чувствовал себя свободнее. Всегда какая-то гнида говорил мне, что делать. Отговорила, жопа золотая… Мне вот тут тормозни. Благодарю. Ну, бывай, немец, на похороны не приглашаю.

48

В аэропорт Фридриха провожала вся милиция города. Сам он ехал впереди, на труповозе Виталия. Перед ним шла машина ГИБДД с мигающими маячками, сзади двигались легковые автомобили с пятнистыми людьми в масках. ОМОН. Внушительный кортеж.

— Да ты всё равно к нам вернёшься, — говорил Виталий. — Не сможешь ты больше без этого. Это как тундра, пустыня или горы. Кто хоть раз побывал, да душой почувствовал, того без конца туда тянуть будет. Как Феликса под воду.

Посмеялись.

— А ты что будешь делать? — спросил Фридрих.

— Да как работал, так и буду работать. Я теперь личность знаменитая. Могу себе по душе работодателя выбрать…

То же самое сказал Фридриху и полковник. Когда вся милицейская орава скопилась перед аэропортом, разогнав таксистов, и бойцы в масках, с короткими автоматами, весело смеялись происходящему. Каждый раз, когда Фридрих куда-то поворачивал голову, его взгляд натыкался на лес машущих рук.

Впрочем, не только милицейских… Цепкий взгляд банкира выхватывал из толпы знакомые лица: вот лейтенант из бани, вот милиционеры из дискотеки, а вот и бритоголовые с кладбища, заодно с весёлым могильщиком…

Подошёл личный представитель мэра, вручил скорбно памятный сувенир: неизбежную хохломскую роспись по огромной деревянной ложке. Вручил, попрощался, удалился.

— Ты у нас немец знаменитый, — с удовольствием говорил полковник, глядя тому вслед. — Тебя проводить ребята сами вызвались. Ты у нас вроде как личность легендарная. Про тебя столько всяких слухов ходит, что сам диву даюсь. Чего только народ не насочиняет!

— Боюсь, что не смогу отблагодарить их ничем соответственным, — грустно шутил Фридрих. — На пиво им, что ли, кошельком потрясти?

Майор Феликс, стоявший рядом с полковником, усмехнулся, по своей привычке.

— Да ладно вам, господин Ингер. Тут не в этом дело. Просто как иностранец какой по правительственной линии приедет, так потом то завод остановят, то ещё что. То театр пидарасов завезут, учитесь, россияне. То другая какая…

Махнул рукой.

— А ты — совсем другое дело. От тебя же никакого вреда,

кроме пользы. Если какой другой иностранец деньги привезёт, то народ уже знает: всё украдут, а отдавать с нас возьмут. А ты деньги привёз, — а они и в дело пошли.

Фридрих смущённо потупил глаза.

— Ну, не поминай лихом, как говорится. Счастливого пути. И если уж что не то, извини, друг Фридрих. Просто мы так живём…

Не знаю, правда, насколько это продлится… Виталий, помнишь, пили мы тогда со знакомым твоим, историк который? Что он там говорил? Рыба какая-то, там, волы ещё?

Виталий задумчиво почесал свою макушку, поднял глаза вверх, припоминая.

— А! Это какой-то древнеримский древнеримлянин эпохи заката Рима писал про свои порядки. Что-то там типа: когда рыба к столу богача стоит дороже упряжки волов для пашни, то этому государству скоро кранты. Не помню точно. А что?

Феликс снова усмехнулся, подмигнул всем одновременно и тихо-тихо пропел:

— «Мы не сделали скандала, нам вождя не доставало…»

Полковник Мороз и Виталий как-то вдруг встрепенулись и одновременно, чуть слышно, как и майор, подхватили эту, какую-то, явно знакомую им всем, песню:

— «… настоящих буйных мало, — вот и нету вожаков…»

49

Прямой самолёт до Мюнхена летал только из Москвы. Поэтому пришлось делать вынужденную пересадку. Зашёл перекусить перед дорогой. В самолёте кормить будут. Но — не помешает, знаете ли. И вдруг — знакомое лицо.

Подошёл, пригляделся. Человек, объяснявший что-то своему спутнику, поднял голову.

— Господин — ирландец?

— А! — узнал его ирландец. — Это не вас я полгода тому назад учил в самолёте, что в России надо пить водку, чтобы выжить?

— И я — выжил! — широко улыбнулся Фридрих.

— Вижу, вижу, — удовлетворённо заметил ирландец, оглядывая немца с головы до ног цепким, хозяйственным и покровительственным взором.

— Выжил, поумнел, набрался впечатлений. Вернёшься, — садись писать книгу. Станешь богатым и знаменитым. Одна беда, как говорят русские, — получится сплошная «чернуха».

— Тогда мне придётся уклониться от вашего совета…

Фридрих склонил голову и верхнюю часть тела в шутливом поклоне.

— Судя по моим личным впечатлениям, «чернуха» России больше не нужна. Если уж писать, то — «светлуху».

— Как говорит, — всё так же по-русски заметил ирландец. — И говорит, как пишет… Ну что же, русский ты выучил, а вот Грибоедова, вижу, не читал. А зря.

— Может быть, — беззаботно махнул рукой Фридрих. — Зато я читал кое-что у Достоевского. Знаете, что сказал этот известный писатель? Правда отличается от вымысла тем, что вымысел обязан быть правдоподобным, а правда — не обязана.

— Значит, писать всё-таки будешь, — удовлетворённо подвёл итог ирландец.

После чего широким жестом пригласил немца за свой столик и познакомил со спутником. Спутник оказался молодым французом, во второй раз посещающим Россию. Знакомый дальнего родственника, или родственник дальнего знакомого. Одним словом, господин ирландец взял над ним шефство, как говорят русские. И понемногу обучал русской жизни.

— Вы уже объяснили, что в России надо пить водку? — полюбопытствовал немец.

— Тренирую! — указал господин ирландец на початую бутылку. — Налить?

— Покажем необстрелянным бойцам! — согласился, улыбаясь, Фридрих.

Разлили в три пластиковых стаканчика. Залпом выпили. Ирландец и немец аккуратно занюхали рукавом. Француз пустил из глаз слёзы.

— Салага! — авторитетно произнёс Фридрих колоритный русский термин.

Ирландец отрицательно покачал перед собой пальцем.

— Салабон! Так — круче.

— Пожалуй, — согласился Фридрих.

Француз, не желая ударить в грязь лицом, как говорят русские, и чтобы показать, что и он кое-что смыслит в суровом языке, демонстративно оглядел зал, указал взглядом на аппетитную попку официантки, и шёпотом, чтобы не слышали посторонние, произнёс:

— Шарман, бля!

Ирландец и немец встретились взглядами, от уголков их глаз побежали лучики морщин, они прикрыли лица кулаками, и плечи их затряслись от беззвучного смеха.

Смена обещала быть достойной.

50

Когда самолёт приземлился, двигатели остановились, пассажиры загудели пчелиным роем, собираясь на выход. Фридрих по-прежнему сидел у окна, уткнувшись лбом в стекло. Он не хотел смотреть на степенных бюргеров и гостей города. Он закрывал страницу прожитой жизни. Впереди была другая, и её не стоило торопиться перелистывать.

Пассажиры вышли. В салоне стало тихо. К Фридриху, мягко ступая, подошла стюардесса. Потрогала за плечо.

— Господин?..

— Ну, вот и всё, — прошептал Фридрих. — Дороти вернулась в Канзас.

Повернул голову к стюардессе. Улыбнулся. Поднялся с места. Вышел.

Первое, что он увидел по ту сторону здания аэропорта, это длинный автомобиль господина Гуго. А возле него — самого господина Гуго собственной персоной. В сопровождении неизменного секретаря. Улыбнулся, подошёл, потряс руку. Гуго пытливо всматривался в его глаза.

— Ищете признаки безумия? Вы получили мой отчёт?

— Да, конечно. Ты устал, Ганс?

Фридрих обернулся. Ах, да!..

— Сегодня я отдыхаю. Еду к сестре, потом сплю. А завтра, с утра, буду на работе, как штык. Так говорят русские. Хотите сувенир из России, господин Гуго? Сосновую шишку?

В глазах уважаемого банкира явно проступило сначала изумление, потом некоторая опаска. Здоров ли специалист? Что с ним? Полгода. В России. Разное могло случиться…

— Не хотите шишку? Тогда возьмите это!

Фридрих — Ганс протянул левую руку, тряхнул кистью, снял часы.

— Берите! Это же Ролекс, Ролекс!..

Ганс посмотрел на господина Гуго и тихо сказал: «Я просто пошутил».

— Не подбросите до дома Эльзы?

— Конечно, дорогой Ганс, — мягко сказал банкир. — Моя машина в вашем распоряжении. Не хотите ли что-то ещё?

— Если вы не против, позвоню из машины, сделаю заказ.

Эльза была дома.

— Ганс! — и отступила. Шаг назад, к детям.

Фридрих — Ганс вошёл в дом и посмотрел на коробки и пакеты. Да, заказ был доставлен быстро. Всё-таки хорошая это

вещь — сервис!

Раскрыл сумки и пакеты. Мороженое, шоколад, напитки. Это — детям. Пиво — это себе. Взял бутылочку, привычным движением перстня сорвал пробку, раскрутил пиво по часовой стрелке, опрокинул горлышко в рот. Первое пиво на земле отцов! Залпом, господа! Салют!

Эльза смотрела на него, открыв рот.

— Дядя Ганс устал, дети, он выполнял важное задание…

— Это — вам! — широко махнул рукой Ганс. — Угощайтесь, брат приехал!

И засмеялся русской поговорке, так кстати подвернувшейся на язык.

Дети улыбнулись. И через минуту старшая дочь Эльзы ничем не отличалась от дочери полковника Мороза. Впрочем, остальные тоже не отставали…

— Эльза, ты получила перевод?

— Да. Это так странно, Ганс. Что это за деньги?

— Да так, — уклончиво ответил Ганс — Фридрих, улыбаясь и отводя в сторону глаза.

— Побочный заработок. «Калым», как говорят русские.

Полез во внутренний карман пиджака.

— Здесь все мои расходы, до пфеннига. Эти деньги — мои, их следует возместить. Остальные…

Посмотрел в сторону. Поцокал языком.

— Гуго может не понять… Может, благотворительность?

Отягощать день возвращения суетными заботами? «Не горит!» — как сказали бы русские. И Фридрих махнул рукой, снимая этим странным русским жестом все проблемы. Надо жить заботами этого дня. Завтрашний день сам позаботится о себе. «Утро вечера мудренее», — говорят русские. Авось, и приснится, что со всем этим делать. Приснилась же господину Менделееву его периодическая система элементов? А он чем хуже?

Повернулся к сестре.

— Тебе никогда не приходилось хоронить в себе мумию рыбы?

И засмеялся её удивлению.

— Пошли, моя дорогая сестра! Я буду учить тебя правильно пить пиво! Ты никогда не пробовала медитировать на вобле?

— Ганс!..

Сколько он спал, неизвестно. Сон оказался на диво спокойный, ровный, мягкий. Проснулся же от того, что в тихую мелодию сна ворвались посторонние звуки. Дисгармония сна заставила Фридриха открыть глаза. Да. Явно какие-то посторонние, не стандартные, не обычные звуки. Русские

говорили, что в их домах могут жить забавные духи-хранители дома. Может быть, это скрипит половицами господин домовой?

Или — снова бандиты?

Снова пытки? Или сразу — смерть?

Рука метнулась вниз и вбок. Туда, где лента лейкопластыря держит на весу подарок полковника — элетрошокер. И не нашла его… Холодный пот пробил всё тело. Сняли, гады… Скрипнул зубами, метнулся с кровати, припал к полу, адреналин в крови приказывал вцепиться клыками в чьё-нибудь горло и — грызть, грызть, грызть, — захлёбываясь кровью врага…

Нет, около кровати нет никого. Где они? В прихожей? Нет, звуки не оттуда. Откуда? С улицы? Что это? Кто это?

Ганс — Фридрих встал сбоку от окна, приоткрыл занавеску. Да. Внизу, на улице, стоит какой-то человек. Что у него в руках?..

Боже!

Это же — молочник!!

Ганс тихо, беззвучно рассмеялся, подошёл к кровати и упал, раскинул в стороны руки и ноги. Он же дома. Дома…

Вчера он простился с сестрой и её детьми. Вчера он вернул документы Фридриху Ингеру. Несмотря на обмен документами тот всё же ухитрился не только окончить курсы дизайнеров, но и получить соответствующие документы об окончании — причём на своё настоящее имя. Да, жизнь в России даром не проходит… А он вчера снова стал Гансом. Вернулся домой. И сегодня его ждёт милейший господин Гуго. Он дома. На земле отцов. В спокойном, предсказуемом, удобном обществе. Где нет бандитов. Где чиновники выполняют свою работу. Где можно спать, не пряча под подушкой пистолет. Он в Германии…

Он пойдёт на работу. Украсит траурной рамкой портрет жены. Потрет дочери. Но он ещё молод. Пройдёт время, и если этот мир не рухнет, он снова женится, и у него снова будут дети. Двое. Или трое — как у сестры. Он снова в форме. И он ещё удивит правление банка своими новыми идеями. И жизнь его снова, без поворотов и катаклизмов, пойдёт себе неспешно. Он в Германии. Дома. Навсегда. А та страна, в которой Апокалипсис стал повседневной нормой бытия, останется всего лишь маленьким островком в памяти…

Фатерланд! Счастье! Фатерланд! Любовь моя! Фатерланд…

И вдруг чей-то неведомый голос произнёс из сияющей бездны подсознания с очень знакомыми ироническими интонациями русского Мороза:

— Никогда не говори — никогда… Мы, русские, долго без России жить не можем!..

© Copyright Оберон Ману (oberonmanu@mail.ru) 15/05/2009